

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ IX РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2011

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы IX Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 245с.

ISBN 978-5-4437-0013-7

В сборнике публикуются доклады участников IX Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

Рецензент
д-р филос. наук, проф. В. В. Целищев

Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
д-р филос. наук, доцент Н. В. Головко

ISBN 978-5-4437-0013-7

© ИФПР СО РАН, 2011
© Новосибирский государственный
университет, 2011

Содержание

Пленарные доклады.....	10
<i>Аблажей А.М.</i> Глобализация в сфере науки: возможные направления анализа.....	10
<i>Головко Н.В.</i> Политическая социология науки и сциентизм.....	14
<i>Петров В.В.</i> Влияние региональной субъективности на развитие инновационного образования в Сибири	18
<i>Дидикин А.Б.</i> Правовые формы государственной поддержки науки и инновационной деятельности науки: развитие законодательства в 2009-2010 гг.	21
Раздел I. Социальные исследования.....	28
<i>Винокурова А.В.</i> Профессионально-трудовые стратегии студенческой молодежи (на примере студентов Приморского края)	28
<i>Черненко Д.А.</i> Социальное предпринимательство: определение, содержание, налогообложение	30
<i>Жуйков А.В.</i> Обряды инициации в современной России: социокультурная адаптация	32
<i>Косенко Т.С.</i> Основные тенденции развития Российского общества ...	34
<i>Камашев С.В.</i> Безопасность культурной идентичности России в условиях техногенной цивилизации	37
<i>Абдрахманов Д.М., Сизоненко З.Л., Юлдашева О.Н.</i> Проблемы формирования толерантных установок граждан в полиэтичном государстве	40
<i>Кан В.С.</i> Молодежь Тувы о социальных условиях жизни	42
<i>Бахул кызы Р.Д.</i> Пути усиления мирового потенциала ООН по урегулированию региональных конфликтов	44

Раздел II. Философские исследования.....	47
<i>Философия, логика и методология научного знания.....</i>	47
<i>Гусева Т.Л. Философские аспекты категорий пространства и времени: исторический срез.....</i>	47
<i>Шевченко А.А. «Нетождественные субъекты» и проблема ответственности</i>	49
<i>Бакулина М.С. Проблемы применения системного подхода в социальных и гуманитарных областях знаний</i>	52
<i>Безлепкин Е.А. Унификация как критерий выбора научной теории</i>	54
<i>Моисеева А.Ю. Философские подходы к изучению цветовосприятия ..</i>	56
<i>Черезова Е.Б. Интерсубъективность цвета как аргумент достоверности существования.....</i>	60
<i>Козырева О.А. Искусственный интеллект: возможности и проблемы ..</i>	62
<i>История философии в новом интеллектуальном контексте.....</i>	64
<i>Санжанаков А.А. Осмысление раннестоического понятия «автаркия» ..</i>	64
<i>Глебов Е.В. Античная комедия: влияние на экономику, политику, идеологию Древней Греции</i>	67
<i>Мартынюк Э.И., Никитченко Е.Э. Актуализация эсхатологии как конвергентный процесс современной религиозной жизни</i>	68
<i>Колесникова А.В. Новая метафизика Жака Маритена</i>	72
<i>Социально-философские исследования.....</i>	74
<i>Ерохина Е.А. Внутренняя geopolитика как тип научного дискурса и форма политического участия</i>	74
<i>Семеникова М.В. Границы как социальный феномен: к выработке определения</i>	78

<i>Бутина А.В.</i> Анализ структуры политических возможностей участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации во второй половине XX века в России	80
<i>Литовка И.И.</i> Методология исторических наук: слабость базовых философских концепций	84
<i>Дудчик А.Ю.</i> Критика методологического индивидуализма в изучении истории философии в концепциях П. Бурдье и Р. Коллинза	88
<i>Кудинов И.А., Горпинич А.А.</i> СМИ как инструмент формирования современных политических мифов	90
<i>Пазников А.А.</i> Формообразующая функция мифа в современной социальной деятельности	93
<i>Лысенко И.С.</i> Тоталитаризм как крайняя форма консервативного управления межэтническими и межнациональными отношениями..	95
<i>Сергиенко А.С.</i> Право как предмет исследования в юриспруденции и в социальной философии	98
<i>Томюк М.А.</i> О соотношении понятий «правосудие» и «закон» в философии политики Н. Боббио (по работе «Teoria Generale Della Politica»)	101
<i>Райкова А.С.</i> Развитие термина «цивилизация» в семиотико-правовом аспекте.....	104
<i>Гончарова Н.И.</i> Отечественные виктимологические концепции XX века в свете философии права	107
<i>Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования...</i>	109
<i>Наливайко Н.В., Наливайко А.В.</i> Модернизация и реформирование образовательной системы России.....	109
<i>Черных С.И.</i> Кризис образования как социально-философская проблема	112
<i>Загорулько Л.П.</i> «Архитектура» современного языкового образовательного пространства	114
<i>Рудакова Ю.С.</i> Визуальный образ в медиареальности	116

<i>Микичур Е.А.</i> Критическое мышление: анализ проблемы	119
<i>Аникина А.Б.</i> «Продуктивный» вымысел в историческом познании ...	121
<i>Дьячкова М.А., Томюк О.Н.</i> Понимание творчества в воззрениях философов XX века.	124
<i>Нечаева Е.А.</i> Культурно-историческая локализация феномена PR и метадискурса PR	126
<i>Ляшенко Ю.А.</i> К вопросу об информационной культуре в современном обществе	129
<i>Рыманов Д.М.</i> Возможности фундаментальной этики при изучении теории управления	131
<i>Сапон И.В.</i> Гуманистическая этика с психотерапевтическим эффектом.....	135
<i>Плинер А.А.</i> Как возможно эстетическое восприятие самоубийства? .	137
<i>Жданова Д.И.</i> Антипутешествие как вариант антиутопии	139
Раздел III. Теоретические проблемы права	142
<i>Токарев В.А.</i> Субъект заявляет о своем праве	142
<i>Панченко В.Ю.</i> Своевременность юридического воздействия как условие гарантированности прав и свобод человека и гражданина	145
<i>Енилеева А.Э.</i> Теория толкования норм права и правоприменение	147
<i>Ковалев И.П.</i> Конституционный функционализм и проблема конституционализма	149
<i>Ряховская Т.И.</i> «Реализация» и «действие» конституции: к вопросу о разграничении понятий	152
<i>Козлов Д.В.</i> Соотношение понятий народа и нации в праве	154
<i>Сигарев А.В.</i> Экстремизм как юридическое понятие: проблемы определения	156

<i>Дидикин А.Б., Марино И.</i> Правозащитная деятельность Конституционного суда России: история и современность	158
<i>Шульга Р.Ю.</i> Неправительственные правозащитные организации в свете реализации права на справедливое судебное разбирательство	162
<i>Парамонова С.Л.</i> Значение института суда присяжных в российской судебной системе	165
<i>Серегин А.В.</i> Республиканские формы правления в современном мире	168
<i>Торопчин Г.В.</i> О некоторых особенностях Конституции Новой Зеландии	171
<i>Марино И.</i> Создание Конституционного Суда России: материалы Конституционной комиссии и Конституционного совещания	174
<i>Юринец Ю.Л.</i> Доказательная сила актов ICOMOS: теория и судебная практика	176
<i>Клоков Е.А., Князева О.Н.</i> Оценочные понятия налогового права	179
<i>Кинсбурская В.А.</i> Финансовая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах: понятие и функции	182
<i>Филиппова О.С.</i> Дата составления бухгалтерского баланса как критерий определения размера крупной сделки хозяйственного общества ...	184
<i>Бетхер В.А.</i> К вопросу о сносе самовольной постройки	187
<i>Бабин Б.В.</i> Национальная имплементация международных программ (на примере Украины)	190
<i>Ярошенко М.А.</i> Особенности формирования антикоррупционного законодательства в Украине	192
<i>Дубовик В.Б.</i> Програмно-правовые формы обеспечения в Украине муниципальной правоохранительной деятельности	195
<i>Седнев Ю.В.</i> Муниципальное правовое программирование развития морского комплекса	197

<i>Барков Я.М.</i> Конституция Украины: проблемы и перспективы совершенствования	200
<i>Галлямов Э.Ф.</i> Добросовестность как критерий деятельности лиц, замещающих должности в органах управления АО	202
<i>Граф Л.В.</i> К вопросу о понятии «кадастровая стоимость» земли	204
<i>Жданов А.Ф.</i> Стратегия развития Российского законодательства в период деятельности Государственной Думы шестого созыва (законодательные предложения будущим депутатам Государственной Думы)	206
<i>Искужин И.Р.</i> Юрисдикционная форма гражданско-правовой защиты права участников корпорации осуществлять корпоративный контроль	210
<i>Куражсенков Д.С.</i> К вопросу о роли Оливера Холмса в развитии философско-правовой мысли	212
<i>Лопушанская О.В.</i> Понятие и принципы административно-правового регулирования языковой политики в украинском праве	215
<i>Лучка О.И.</i> Право на судебную защиту в Европейской конвенции: понятие, элементы, актуальные проблемы реализации в Украине	217
<i>Макарчук И.Ю.</i> Законность как основополагающий принцип нормотворчества	221
<i>Матвеев А.Г.</i> Является ли авторское право правом человека?	223
<i>Мохначев К.С.</i> Проблемы становления инновационного права	225
<i>Петренина Л.О.</i> Взаимодействие государства и гражданского общества в вопросах предупреждения правонарушений религиозных организаций и тоталитарных сект	228
<i>Султанов И.Р.</i> Международная экономическая интеграция в современном мире: теоретико-правовые аспекты	231
<i>Покидышева Л.А.</i> Проявление славизма в правотворчестве и государственной деятельности	234

<i>Степанова Я.Е.</i> Традиции и новаторство в решениях Европейского Суда по правам человека	236
<i>Чебаненко Е.Д.</i> Международная стандартизация работы современных законодательных органов как методология анализа (на примере функционирования Верховной Рады Украины)	238
<i>Юдкин А.В.</i> Правовая футурология: к постановке проблемы правового моделирования будущего	241

Пленарные доклады

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ НАУКИ: ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

Под процессом глобализации в сфере науки мы понимаем постоянное усиление взаимозависимости национальных научных сообществ, ведущее на деле к формированию вненациональной, глобальной «республики ученых», что оказывает значимое влияние не только на национальный институт науки в России в целом, но работает на уровне учреждений, лабораторий и отдельных ученых.

Тема глобализации науки, как и глобализации в целом, занимает сегодня заметное место в публикациях как зарубежных, так и отечественных специалистов в области социальных наук. Так, по мнению М. Кастельса, одного из авторов теории «информационного или сетевого общества», «научное сообщество было всегда в значительной степени международным, если не глобальным сообществом ученых, на Западе начиная с времен европейской схоластики». В наши дни «академическая исследовательская система глобальна. Она опирается на неустанную коммуникацию между учеными во всем мире... наука организуется из определенных областей исследования, структурированных вокруг сетей исследователей, взаимодействующих посредством публикаций, конференций, семинаров и академических отношений... [более того] научно-исследовательская работа в наше время или происходит глобально, или перестает быть научной». [Кастельс, 2000] Кастельсу вторит и М. Франклайн, анализируя процессы складывания общеевропейского научного сообщества и подчеркивая их значимость для развития того или иного направления научных исследований: «Сегодня... можно говорить о существовании подлинного сообщества науки в Европе, переступающего дисциплинарные и национальные границы. И страны, и дисциплины связаны между собой различными формами сотрудничества и образования. Ученые большинства дисциплин имеют тесные контакты со своими коллегами в шести или более европейских стран... Благодаря высокой степени сотрудничества европейские ученые прекрасно осведомлены о работе своих коллег в

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социологический мониторинг академических сообществ Сибири (Новосибирск, Красноярск, Иркутск)», поддержанного грантом РГНФ №10-03-18014e.

других странах и их достижениях... взаимодействие, сотрудничество в целом и международное сотрудничество в частности играют важную роль в освобождении научного потенциала от ограничений институционального и национального характера». [Franklin, 1988]

Что касается наиболее важных и заметных эффектов глобализации как сферы исследований, так и функционирования научного сообщества, то их можно свести к следующим.

1. Мировая наука становится значимым референтом научных достижений в той или иной национальной системе науки, не исключая России. В противовес автаркичной системе советской науки, а *priori* считавшей себя самой передовой и не нуждавшейся ни в какой внешней оценке для подтверждения этой мысли, современная российская наука принимает зарубежное научное сообщество в качестве авторитетного участника дискуссии, призванной удостоверить значимость того или иного научного открытия. Пример – та же Нобелевская премия, вручение которой считается высшей наградой и для российского ученого.

2. Налицо успешные попытки финансовой кооперации возможностей отдельных институций и центров, как правило, различных стран. Опыт показал, что проекты mega-science требуют соединения усилий целого ряда участников. Пример – Большой Адронный коллайдер, участником которого были российские институции, в т.ч. ИЯФ СО РАН.

3. Ряд американских авторов выдвигается и обосновывают идею всемирной консолидированной организации по проблемам науки. [Особек, 1996] Ученые разных стран, по их мнению, в наши дни «являются гражданами «наднациональной республики науки», которая должна иметь соответствующий механизм управления и координации исследований в мировом масштабе. Отметим, что сама концепция «республики ученых» восходит еще к французскому мыслителю 17 в. Мари Мерсенну, который иставил перед собой задачу объединения интеллектуалов в наднациональное сообщество в целях как интенсификации и оптимизации научного поиска, так и совместного обсуждения идеологических или моральных проблем, возникающих в ходе исследовательской деятельности.

4. Тенденция формирования интернациональных исследовательских коллективов не менее сильно, а быть может, даже более заметно, чем в сфере фундаментальных исследований, сказывается на уровне прикладной внутрифирменной науки, и одним из ее важнейших признаков стало формирование у целого ряда крупных компаний глобальной сети исследовательских лабораторий. Исследуя эту проблему на примере японских фирм, М. Папанастассиу и Р. Пирс провели опрос менеджеров высшего звена и выяснилось, что «81,5% респондентов считают наиболее перспективным направлением своей стратегии в сфере ИР (исследования и разработки) формирование глобально-интегрированной сети исследовательских подразделений. Подобный подход подтверждается и статистикой. Главные факторы, которые учитываются при выборе страны для размещения независимых исследовательских лабораторий

рий: 1) научный авторитет; 2) наличие потенциала талантливых исследователей; 3) развитая университетская система; 4) благоприятный культурный климат; 5) положительный опыт предшествующего инвестирования». [Папанастасиу, Пирс, 1995]

5. Несомненно резкое усиление мобильности членов научного сообщества, не обошедшее и Россию. Один из признаков – резкое увеличение числа людей, включенных в международные контакты. Если попытаться сконструировать, что означает глобализация науки по отношению к отдельному ученыму, мы получим следующий набор признаков: психологическая готовность и соответствующий уровень квалификации, необходимые для того, чтобы стать членом интернационального исследовательского коллектива; наличие личного капитала в виде опыта работы за рубежом и знания особенностей функционирования сферы зарубежной академической и прикладной науки, прежде всего умение находить источники финансирования; востребованность имеющихся и перспективных результатов со стороны зарубежных коллег, и т.д.. Вопросы, касающиеся участия российских ученых в тех или иных формах международного научного сотрудничества, заняли важное место в наших исследования научного сообщества Новосибирского Академгородка в 1996 и 2004 гг., и полученные ответы ярко иллюстрируют особенности российской науки в контексте глобализационных процессов.

Прежде всего вызывали интерес перспективные планы ученых относительно самой возможности работы за рубежом, в связи с чем участникам опросов (а на вопросы предложенной анкеты отвечали только лица, занимавшие должность от младшего до главного научного сотрудника) было предложено ответить на вопрос о том, как они относятся к возможности работы за рубежом. Здесь выявились целый ряд интересных закономерностей. Так, резко увеличился удельный вес (с 32,9 до 47,6% по всем категориям научных сотрудников) тех, кто согласен уехать за границу на непродолжительное время, до полугода. Одновременно резко упало количество тех, кто согласен поработать за границей более продолжительное время, год – два. Если в 1996 г. на такой вариант были согласны в общей сложности около 1/3 ученых, то в 2004 – только немногим более 1/5. Упал, но ненамного, удельный вес респондентов, которые вообще не хотят ехать на работу за границу (с 29 до 26%, составив, таким образом, около 1/4 всей выборочной совокупности). Практически не изменилось, оставшись в пределах 4 - 5%, число научных сотрудников, которые хотели бы уехать навсегда.

Отметим также тот факт, что резко выросло число тех ученых, которые проработали за рубежом более 2-х лет: если в 1996 г. их было ничтожно мало, менее одного процента, то к 2004 г. – уже более 9% от числа тех, кто побывал за рубежом, т.е. в 10 (!) раз больше. Как пишет наш соотечественник, живущий ныне в США, «Прислушайтесь к разговорам в Гарварде и Оксфорде, на Елисейских Полях и Пиккадилли, пройдитесь по коридорам любого института в Германии или компьютерной фирмы в Силиконовой долине – и вы услышите русскую речь». [Магаршак, 2003] 6. Резкое усиление мобильно-

сти, характерное для всех категорий научных работников страны, не всегда носит абсолютно положительный характер. Это и эффект утечки умов, который в современных условиях начинает, правда, приобретать характер циркуляции умов. [Дежина, 2002] Это, естественно, в существенно большей мере характерно для зарубежной науки, но и для нашей тоже. Уже есть понятие российской научной diáspory, есть и попытки использовать ее интеллектуальный потенциал на нужды России. Пример – та же программа мегагрантов, где существенная часть руководителей – выходцы из России. Еще один отрицательный эффект – «академический туризм», ярко описанный М. Соколовым.

7. Резкий рост информационного потока, необходимость овладения всеми новыми и новыми приемами работы и с источниками данных, и с их обработкой. (см. исследования Е.З. Мирской). В современных условиях профессиональный успех ученого во многом стал зависеть и от включенности в глобальные информационные потоки, и от степени овладения технологиями работы с ними.

8. Плотность информационного потока зачастую влечет за собой соблазн свести всю работу, что особенно касается социальных исследований, к переводам и комментариям западных, по большей части авторов. [Pro et Contra] А. Богатуров вообще назвал молодых представителей профессии 1990-х гг. «поколением переводчиков». Есть, правда, и другая опасность – местечковость мышления, бравирование своей «особостью» и оригинальностью.

9. Очень важный аспект – анализ в контексте концепции неолиберализма не только экономики и политики, но и науки. В данном случае речь должна идти о свертывании государственного финансирования исследовательских центров и университетов, разделении научной и преподавательской миссии; сужении исследовательских программ, чтобы сосредоточиться главным образом на решении задачи коммерческого использования результатов; более широком использовании рыночных критериев при решении интеллектуальных споров; интенсивное укрепление института интеллектуальной собственности в попытке коммерциализации знаний, что препятствует производству и распространению достижений науки. Эти вопросы ставятся главным образом в западной науке, но проблемы начитают становиться актуальными и для нас. Наши исследования показали снижение интенсивности внутринаучной коммуникации, что может свидетельствовать о нежелании (или невозможности) широко обсуждать направления и результаты исследований.

Подводя итоги, необходимо выделить ряд важнейших моментов. Прежде всего, не подлежит сомнению тот факт, что темпы вхождения отечественной науки в мировое научное сообщество достаточно высоки, что ярко иллюстрирует сопоставление показателей за 1996 и 2004 гг.; стоит хотя бы напомнить, что более 37% из числа опрошенных научных сотрудников уже имеют практический опыт работы за рубежом; резко возросла и психологическая готовность к работе за границей. Увеличилась и востребованность российских ученых за рубежом, что нашло отражение в увеличении числа исследо-

вателей, работавших за границей по персональному приглашению зарубежных коллег; при этом совместные исследования проводятся, как правило, либо в университетских подразделениях, либо в академических научных центрах, занятость в частной фирме по-прежнему остается малораспространенной. Растет число отечественных коллективов и фирм, включенных в процессы аутсорсинга, прежде всего в сфере ИТ-технологий. Что же касается прогнозов, то исходя из контуров политики государства по отношению к науке, во всяком случае в том виде, как она озвучивается и формулируется в последнее время, резервы международного научного сотрудничества будут использоваться отечественной наукой все более и более интенсивно, в том числе и в качестве одного из важнейших критериев ее эффективности.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационное производство и селективная глобализация науки и техники (2000) // Взято: http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_4/netecon.htm#_ftn1
2. *M.N. Franklin* The community of science in Europe: Preconditions for research effectiveness in European Community countries. - Brussels, Luxembourg, Gowec, 1988. – Р. 48, 62
3. *Особек Дж.* Интернационал науки. Подход США к институциональным нуждам науки // РЖ «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 8. Науковедение, 1996, №2. - С.81
4. *Папанастасиу М., Пирс Р.* Интернационализация исследований и разработок на японских предприятиях // РЖ «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 8. Науковедение, 1995, №2. - С.117
5. *Магарашак Ю.* Слухи о кризисе нашей науки не соответствуют действительности // Известия. Наука. 2003, 7 февраля
6. *Джесина И.Г.* «Утечка умов» из постсоветской России: эволюция явления и его оценок // Науковедение, 2002, № 3. - С. 31
7. Содержательную дискуссию на эту тему провел журнал «Pro et contra» на рубеже 1990 – 2000-х гг.

ablazhey@philosophy.nsc.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И СЦИЕНТИЗМ

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН

В настоящее время, можно говорить о возникновении политической социологии науки [Frickel, Moore, 2006]. Анализ процессов получения научного знания должен включать в себя определенное социологическое исследование, например, в рамках социологии науки. В общем случае, подобное исследование

ние должно учитывать политические, экономические и организационные основы науки, а также, принимать во внимание несколько ключевых процессов, отражающих современную ситуацию «вокруг науки», таких как: расширение взаимодействия между фундаментальной и прикладной наукой; усиление влияния науки на политику в области регулирования технологического развития и другие сферы регулирования; или изменение отношения между наукой и обществом в целом. Одним из таких вне-институциональных факторов является сциентизм, как идеология, закрепляющая за наукой безусловное доминирование в области познания и организации общества. На наш взгляд, развитие идеологии сциентизма может проявлять себя не только в области эпистемологической модернизации общества, но и в области развития форм негосударственного управления наукой. Последнее является крайне важным, т.к. предполагается, что именно негосударственные формы регулирования общественных отношений служат единственным инструментом способным реально способствовать достижению конкурентных преимуществ обществом в современном глобализирующемся мире.

Основная область исследования политической социологии науки – внеинституциональное измерение науки. В отличии от институциональной социологии науки, которая сосредоточена на внутренних механизмах функционирования науки [Merton, 1973], или от социологии научного знания, сосредоточенной на микро-социологии сетей и отношений, сопутствующих получению знания [Knott-Cetina, Mulkay, 1983], политическая социология науки занимается анализом архаических структур и отношений, которые одновременно и автономны, и испытывают влияние со стороны различных «вненаучных» факторов, а, в целом, отражают самоорганизацию и характерное самоуправление республики ученых. В данном случае, автономность естественным образом следует из внутренней логики развития научного знания, а «вненаучные» факторы относятся к политическим, экономическим и другим социальным измерениям современного общества.

Согласимся с тем, что ученый в своей деятельности, скорее, руководствуется не истинностью знания, а именно нормами исследования. Более того, не существует такой вещи, как «научный метод», в том смысле, что нельзя подобрать такой набор правил выводы, который был бы присущ только науке [Ladyman et al., 2007]. Все правила вывода и схемы рассуждений, которые традиционно относят к научным, не являются эксклюзивно научными. Следовательно, наука отличается от не-науки именно наличием определенных институциональных норм, например, требованиями рецензируемости (peer review) или четкости представления результатов с точки зрения соотношения теории и данных (эвристики) и т.д. Причем, эти институциональные нормы сами в достаточной степени обоснованы, например, нашими представлениями о возможностях и ограниченности индуктивного метода получения знания. Более того, институциональные нормы могут быть сознательно усилены или изменены с целью получения определенных преимуществ, например, требованиями получения более строгого, взвешенного и содержательного

результата. Наличие подобных институциональных норм – как раз и является основанием приложения различных «вне-научных» факторов.

В частности, одним из наиболее значимых таких факторов является востребованность науки в обществе, не только в технологическом, но главное – в эпистемологическом плане. Поскольку наука – это всего лишь набор институциональных норм, основная роль которых отсеивать ошибки и, тем самым, приближать познание объективной реальности, то наука принципиально лишена альтернатив (таких как теология или любая другая спекулятивная метафизика). Абсолютный (в эпистемологическом плане) характер науки является одним из вариантов реализации «вне-научных» факторов, управляющих институциональными нормами, в соответствии с определенным запросом общества. Во второй половине XX века Ю. Хабермас специально ввел термин «сциентизм» для того, чтобы закрепить идеологию общественных отношений, подчеркивающую приведенный абсолютный характер науки, – «участники общественных отношений, выполняя общественно-значимые функции, должны придерживаться только научных рекомендаций» [Habermas, 1971]. В настоящее время, развитие идей сциентизма привело, например, к возникновению таких понятий, как «общество знаний» и «экономика знаний», в рамках которых общество по определению опирается на науку и технологию. Более того, ряд исследователей вводят термин «эпистемологическая модернизация», с одной стороны, для того, чтобы подчеркнуть возрастающую роль науки в обществе, а, с другой, – чтобы подчеркнуть усиливающуюся роль социального контекста и общественного управления в области науки и технологии, который отражают конкретные запросы общества и приводят к возникновению новых форм участия общества в развитии науки и технологии [Hess, 2007]. Говоря о политической социологии науки, эпистемологическая модернизация указывает на факторы, которые приводят к новым формам общественного управления наукой, в том числе факторы, вызванные глобализационными процессами и желанием общества активно вмешиваться в организацию политики регулирования в области науки и технологии.

Один из наиболее ярких примеров реализации сциентистской идеологии – переход в области регулирования развития науки от государственной модели к более широкой, включающей представление о заинтересованных негосударственных агентах (stakeholder governance). В рамках государственной модели легитимность регулирования является следствие легитимности власти, а функция корректировки государственной политики в ответ на изменяющиеся запросы общества отводится, например, общественным слушаниям [Kleinman et al., 2007]. В тоже время, негосударственная модель предполагает выполнение нескольких условий [Swyngedouw 2005]. Не смотря на то, что негосударственная модель регулирования является единственной моделью регулирования отношений, которая по-настоящему реализует интересы общества, в реальном секторе экономики, который по определению является основным объектом для государственной модели регулирования, возможно-

сти негосударственных агентов для участия в регулировании ограничены. Эффективность негосударственного регулирования напрямую зависит от того, кто определяет, какие именно негосударственный агенты участвуют, и как достигнутые результаты отразятся на реальном изменении политики. Следуя неолиберальной модели социальных отношений, государственное регулирование должно быть ограничено, однако, опасности необходимых изменений, в целом, также отвечают проблемам самой неолиберальной модели.

Основной объект исследования политической социологии науки – отношения между наукой и государством, а также, между наукой и производством. Одним из следствий тезиса о необходимости либерализации государственной политики и усиления роли гражданского общества в области регулирования отношений между государством, обществом, наукой и индустрией является передача авторитета науки обществу. Профессиональное сообщество больше не является единственным агентом, закрепляющим отношение науки и общества, в рамках гражданского общества, таких агентов может быть много, например, это могут быть различные общественные организации (Greenpeace) или объединения лоббистов, в частности, бизнес-структур, заинтересованных, например, в ускорении применения результатов научных исследований на практике (идеология создания бизнес-инкубаторов и технопарков) и т.д. В целом, подобная передача «полномочий» может только отзначать развитие форм негосударственного управления наукой. Основная проблема государственной политики в области развития науки, технологии или образования состоит в том, что она по определению не в состоянии отвечать «требованиям сегодняшнего дня», тут есть свои плюсы и минусы, однако, именно развитие негосударственных форм управления наукой способно обеспечить соответствие запросам современного глобализирующегося общества.

Литература

1. FRICKEL S., MOORE K. (EDS.). THE NEW POLITICAL SOCIOLOGY OF SCIENCE. MADISON, WI: UNIV. OF WISCONSIN PRESS, 2006.
2. Habermas J. Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics. Boston, MA: Beacon Press, 1971.
3. Hess D. Alternative Pathways in Science and Industry. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
4. Kleinman D., Powell M., Grice J., Adrian J., Lobes C. A Toolkit for Democratizing Science and Technology Policy: The Practical Mechanics of Organizing a Consensus Conference // Bulletin of Science, Technology, and Society. 2007. Vol. 27 (2). P. 154–169.
5. Knorr-Cetina K., Mulkay M. (Eds.). Science Observed. Beverly Hills, CA: Sage, 1983.
6. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go. New York: Oxford Univ. Press, 2007.

7. Merton R. The Sociology of Science. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1973.
8. Swyngedouw E. Governance Innovation and the Citizen: The Janus Face of Governance-Beyond-the-State // Urban Studies. 2005. Vol. 42 (11). P. 1991–2006.

golovko@philosophy.nsc.ru

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

В. В. Петров

Новосибирский государственный университет

Современная концепция регионализации, которая активно используется экономистами и политологами, может применяться как для объяснения процессов экономического и политического объединения регионов, так и для объяснения процессов, которые противоположны глобализации. «Регионализацию понимают и как ответ на силы глобализации (растущее осознание региональных интересов перед лицом глобальных влияний), и как промежуточную остановку на пути к полной глобализации (создание региональных блоков как первый шаг в становлении всеобщей политico-экономической системы)» [1, с. 765]. В рамках нашего анализа региональных аспектов развития инновационного образования мы используем понятие «регионализация» в следующем значении: как противовес и сдерживающее начало по отношению к процессам глобализации. В свою очередь, под инновационным образованием мы понимаем образование, обладающее высокой эффективностью, основанное как на разработке, так и внедрении новых технологий, работающее на опережение не только для того, чтобы в качестве конечного результата максимально оперативно и эффективно сформировать личность, способную успешно адаптироваться в динамично меняющемся социуме и производить новое знание, но и на развитие общества как такового. На региональную идентичность, являющуюся одним из важных факторов становления системы инновационного образования, влияют история, этничность, функционирование всей системы образования данного общества и др. Другими словами, изучение региональных тенденций развития инновационного образования помогает региональной интеграции в данной сфере, поскольку каждый регион обладает собственной национальной спецификой, своими историческими традициями культуры, науки, образа жизни.

Сегодня существуют глубокие различия между российскими регионами по разным уровням, в том числе в образовании и степени владения передовыми технологиями, которые тесно связаны с инновационным образованием. Унификация не только неизбежно снижает качественный уровень образова-

ния (так как предполагает ориентироваться на усредненный уровень), но существенно тормозит развитие общества [2, с. 156].

Обратимся к специфике развития образования в Сибирском регионе. Сибирь, представляя собой российско-евразийскую цивилизацию с точки зрения этнического, конфессионального, государственного разнообразия, а также сочетания культур и ценностей, является geopolитическим «мостом» между Западом и Востоком. При этом, помимо территориальных и энергетических ресурсов, Сибирь обладает значительным научным, образовательным и культурным потенциалом. Глобализация изменила систему координат развития, и интересы Сибири в этой системе оказались вытеснены на периферию. Индустрия Сибири, созданная в 1960–70-е гг., нуждается в коренной модернизации. Качество экономического роста региона оставляет желать лучшего: мы видим крайнюю нестабильность инвестиционного процесса. В таких условиях региональная политика в области образования должна базироваться на изучении реальных процессов развития Сибирского региона. Отличительной особенностью региона является расположение научных центров Сибирского отделения Российской Академии наук в тех же городах, где сконцентрированы высшие учебные заведения. Здесь возможна тесная связь науки, образования и производства, что способствует активному развитию инновационного образования [3, с. 244]. По нашему мнению, высшая школа в условиях тесного взаимодействия с наукой способна готовить высококвалифицированных специалистов нового типа для дальнейшего роста экономики, а также разрабатывать структурные, технологические, социальные новации, направленные на сохранение культурно-образовательного и научного потенциала.

В качестве примера приведем знаменитые принципы организации научной деятельности, которые были предложены в 1957 г. на общем собрании Академии наук академиком М. А. Лаврентьевым: во-первых, комплексность; во-вторых, фундаментальность исследований; в-третьих, опора на молодежь; в-четвертых, практическая реализация научных идей; в-пятых, наличие информационной базы; и, наконец, в-шестых, территориальная комплексность научного центра [4]. Позже эти краеугольные принципы - «наука - внедрение - подготовка кадров» - получили известность в качестве «треугольника Лаврентьева».

Как мы отмечали выше, в основе инновационного образования лежит тесная связь образования с наукой. Соответственно, чем раньше обучающийся окажется вовлеченным в научно-исследовательскую деятельность, тем лучше будут условия для развития инновационного образования. По инициативе академиков А. Н. Колмогорова, П. С. Александрова, И. К. Кикоина, И. Г. Петровского, М. А. Лаврентьева и других выдающихся ученых, в 1963 году вышло постановление Совета Министров СССР № 905 «Об организации специальных школ-интернатов физико-математического и химико-биологического профилей», в соответствии с которым при Московском, Киевском, Ленинградском и Новосибирском университетах были открыты школы

лы нового типа, задача которых заключалась в работе «со школьниками, проявившими наибольший интерес и способности к физико-математическим дисциплинам, с целью выявления и подготовки кадров для различных областей науки и техники» [5, с. 27]. Преподавание в этих школах осуществлялось преподавательским составом вузов и научно-исследовательских институтов, что дало возможность не только привлечь выпускников таких школ к обучению в профильных вузах (при которых существовали указанные школы), но и к продолжению научной деятельности как во время дальнейшего обучения, так и после окончания вуза. По данным автора, полученным за период 2000-2010 гг., количество выпускников специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета, поступающих в НГУ, составляет от 55 до 70 %, оставшаяся часть поступает в другие вузы и продолжает обучение по ранее выбранному профилю.

Как видим, реализация принципов М. А. Лаврентьева - привлечение в Новосибирск выдающихся ученых и их учеников, выбор актуальных направлений исследований, создание системы подготовки кадров, крупные капиталовложения - все эти факторы определили высокие темпы становления и развития новосибирского Академгородка [4]. Хотя модель М. А. Лаврентьева по организации научного городка в Сибири начала реализовываться еще в 1950-х 60-х гг. на социалистическом этапе развития российского общества, она оказалась настолько удачной, что позволила эффективно развиваться интеграции науки и образования в условиях рыночной экономики.

Именно такой подход к взаимодействию школы, науки и вуза в новосибирском Академгородке привел к оптимизации деятельности по развитию инновационного образования на базе Новосибирского государственного университета (Национального исследовательского университета) в новых, рыночных отношениях - в период, когда система образования переживает глубочайший кризис, усиливающийся кризисом современной цивилизации, переходящей к новой системе ценностей.

Приведенные положения подтверждают тот факт, что региональные тенденции развития инновационного образования следуют линии развития традиционных отраслей региона, а также обусловлены составом и качеством специалистов. С учетом такой региональной субъективности окажется возможным обеспечить инновационную направленность развития системы образования в целом.

Литература

1. Глобалистика : междунар., междисциплинар., энцикл. слов. (Global Studies) // гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. – СПб. – Нью-Йорк : Элима: Питер, 2006. – 1159 с.
2. Петров В. В. Единый государственный экзамен как барьер на пути развития общества знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы VII регион. научн. конф. молодых ученых

Сибири в обл. гуманитар. и социал. наук. – Новосибирск : НГУ, 2009. – С. 153–156.

3. Петров В. В. Тенденции развития специализированного довузовского образования в Сибири // Личность. Культура. Общество : сб. науч. ст. к 85-летию проф. В. Л. Соскина. – Новосибирск : НГУ, 2010. – С. 240–246.

4. Принципы М. А. Лаврентьева по организации науки и образования и их реализация в Сибири [Электронный ресурс] // URL: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2000/n47/f4.html> (дата обращения: 20.08.2010).

5. Сборник приказов и инструкций М-ва просвещения РСФСР. - 1963. - №43.

v.v.p@ngs.ru

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУКИ: РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2009-2010 гг.

А. Б. Дикин

Институт философии и права СО РАН

Развитие законодательства о науке и совершенствование его структуры может быть эффективным при условии соответствия нормативных предписаний объективным закономерностям развития российского общества и государства и специфике механизма правового регулирования общественных отношений в научной и инновационной сферах. Наука как специфический социальный институт в обществе выступает объектом правового регулирования как с точки зрения создания необходимых условий государством для организации научной деятельности, формирования общественных институтов, которые способны придать научной деятельности высокий авторитет и значение, так и с позиции создания, распространения и внедрения научных результатов, разработок и инноваций в системе образования, производстве и общественной практике. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «право может сдерживать либо, напротив, ускорять научный прогресс: чем более развито право, тем более плодотворным становится его воздействие на научный прогресс» [1]. Игнорирование системного подхода к правовому регулированию отношений в сфере науки на практике приводит к возникновению пробелов в нормативно-правовом регулировании, неэффективном распределении бюджетных средств и применении научных разработок. В этом смысле в инновационной экономике существование государственного сектора науки является насущной необходимостью и в этой сфере не могут в полной мере применяться классические начала рыночного товарооборота в силу уникальности и невоспроизводимости результатов научного труда [2]. Данный аспект подчеркивает значимость поиска и обеспечения баланса личных интересов и мотивации

научного работника, интересов общества, государства и частного бизнеса, выступающих заказчиками научно-исследовательской продукции [3].

В последние годы предпринимаются попытки разработки проекта единого федерального закона, регулирующего формы государственной поддержки науки и инновационной деятельности. Весь объем законодательных изменений за 2009-2010 гг., на основе которых создается единый закон, можно представить в отдельной таблице (см. примечания). В то же время в официальных письмах Министерства промышленности и торговли РФ и Комитета по науке и научно-исследовательским технологиям Государственной Думы РФ отмечается, что в 2011 году на рассмотрении профильных комитетов российского парламента находится такой законопроект. Однако детальный анализ норм законопроекта позволяет увидеть не только позитивные моменты, но и существенные недостатки, снижающие юридическую значимость данного нормативного правового акта в будущем.

Законопроект предусматривает исчерпывающий перечень видов государственной поддержки: финансовая, организационно-правовая и информационная поддержка, а также налоговое и таможенное стимулирование. Но конкретные формы такой поддержки вызывают ряд возражений с точки зрения используемой терминологии и соответствия действующему законодательству. В частности, указание на «инновационное меценатство», «инновационный налоговый кредит», «минимальные затраты декларантов на совершение таможенных формальностей» создают вполне разумные сомнения в эффективности таких мер, требующих масштабных изменений в таможенном, налоговом и бюджетном законодательстве, которые не предполагает вносить закон в случае его принятия.

Также законопроект по своему содержанию не предусматривает каких-либо эффективных правовых механизмов внедрения научных разработок и создания инновационной продукции. Многочисленные перечисления видов возможной деятельности органов публичной власти в этой сфере не предполагают ни механизма ответственности в случае несоблюдения сроков реализации общегосударственных программ, ни конкретных показателей, по которым возможна оценка эффективности форм господдержки научных коллективов и предпринимателей. В этом смысле попытка авторов законопроекта дать определения ключевым понятиям не имеет смысла, поскольку в региональном законодательстве аналогичные определения уже представлены, а новые механизмы регулирования научной и инновационной деятельности на федеральном уровне не созданы. Неясными остаются и положения законопроекта о необходимости формирования федерального инновационного фонда России, поскольку в тексте законопроекта не конкретизированы цели, задачи, компетенция и отчетность руководства будущего фонда. Кроме того, успешный опыт создания в регионах аналогичных фондов делает бессмысленным на федеральном уровне дополнительную аккумуляцию и перераспределение бюджетных средств, которые в существующих условиях напрямую финансируют научные и инновационные проекты.

Таким образом, множество насущных проблем в сфере взаимодействия власти, науки и бизнеса по поддержке науки, созданию и реализации инновационной продукции, данный законопроект не решает [4]. Законодательство о науке и инновационной деятельности по-прежнему развивается стихийно, в условиях отсутствия четких представлений у власти, науки и общества о том, какая экономическая система развивается в России, и неоправданными ожиданиями по поводу крупных и авантюрных инвестиционных проектов (ГНЦ, Сколково, госкорпорации, поддержка отечественного автопрома) [5].

Литература

1. Хабриева Т.Я. Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 15.
2. См.: Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009. С. 120-122.
3. См.: Дицикін А.Б. Моніторинг законодательства о науке как фактор модернизации и инновационного развития российского общества и государства // Роль общественной экспертизы законодательства в формировании гражданского общества. Сборник научных трудов Общественной палаты России. М., 2009. С. 128-132; Дицикін А.Б. Правовая охрана научных результатов через институты интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. М., 2009. №4;
4. См.: Дицикін А.Б. Наука и инновационная политика государства: поиск новых форм правового регулирования // Сотрудничество молодых ученых и специалистов в научно-технической и инновационной сферах. Материалы Ассамблеи молодых ученых СНГ. Отв. ред. Ю.С. Сердюкова, А.Б. Дицикін. Новосибирск, 2011. С. 37-49; Дідікін А.Б. Правовий статус автономних установ у російському законодавстві // Юридичний журнал (Україна). 2010. №4. С. 39-40; Дідікін А.Б. До питання про право бюджетних наукових установ створювати господарські товариства // Юридичний журнал (Україна). 2010. №7. С. 43-46.
5. См.: Дицикін А.Б., Кружкова С.В. Право и инновации. Новеллы и противоречия правовой модели инновационного центра «Сколково» // Свободная мысль. 2010. №11. С. 25-35.; Дідікін А.Б. Правове регулювання взаємодії господарюючих суб'єктів в інноваційній системі // Юридичний журнал (Україна). 2011. №5. С. 54-56.

Таблица. Законодательство о науке и инновационной деятельности в 2009-2010 гг.

Нормативно-правовой акт	«Плюсы»	«Минусы»
«Партнерство для модернизации» - базовое международное соглашение между Россией и Европейским Союзом, подписанное на Саммите «Россия-ЕС» в Ростове-на-Дону в конце мая 2010 г.	В условиях отсутствия нового Договора о стратегическом партнерстве соглашение определяет правовое поле торгово-экономического сотрудничества в рамках «отраслевых диалогов» России и ЕС (энергетика, техническое регулирование, сельское хозяйство, промышленность и др.)	Соглашение содержит декларативные положения, не подкрепленные конкретным механизмом реализации. Рабочий план реализации соглашения до сих пор не утвержден
Федеральный закон № 217-ФЗ от 2 августа 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»	Внесены изменения в законодательство, которые позволяют научным и образовательным учреждениям создавать малые инновационные предприятия для внедрения научных разработок и осуществления инновационной деятельности	Закон выявил ряд противоречий, не позволяющих в рамках уставных целей институтов РАН и вузов осуществлять реальную предпринимательскую деятельность и распоряжаться доходами от такой деятельности.
Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. (в ред. 27 июля 2010 г.) №261-ФЗ «Об энергосбережении и обеспечении энергетической эффективности и о	Закон вводит новые правила, способствующие модернизации энергетики и повышению энергоэффективности работы предприятий,	Рост затрат на обновление оборудования и получение документов, предусмотренных законом

внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»	в том числе процедуры энергоаудита	
Федеральный закон от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи со совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»	Все виды учреждений разделены на бюджетные, автономные и казенные, внесены масштабные изменения в гражданское, бюджетное и налоговое законодательство для функционирования учреждений в новой организационно-правовой форме; закон устраняет ряд «пробелов» закона №217-ФЗ в сфере инновационной деятельности	Новые формы финансирования бюджетных и автономных учреждений в инновационной сфере предполагают выполнение ими государственного задания и сокращение финансирования в случае его невыполнения; критерии формирования государственного задания четко не определены и в отдельных случаях не соответствуют приоритетным направлениям развития науки и техники
Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №220-ФЗ «О национальном исследовательском центре «Курчатовский институт»»	Закон предусматривает правовую основу для осуществления всех этапов инновационной деятельности в рамках «Курчатовского института»; на исследования и разработки и их внедрение в гражданский оборот выделяется федеральное финансирование	Отсутствие комплексных связей между «Курчатовским институтом» и иными научными и образовательными учреждениями, реализующими разработки в данной сфере
Федеральный закон от 28 сентября 2010 года № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»	На территории Сколково создается новая инновационная система с льготным режимом налогообложения, возможностью привлечения иностранных	Нормы Конституции РФ и российского законодательства на территории Сколково действуют только в части, предусмотренной законом об инно-

	инвестиций и ино- странных специали- стов, строительством объектов инфраструк- туры и особым поряд- ком управления на ос- нове деятельности управляющей компа- нии	центре Сколково
Федеральный закон от 27 ноября 2010 года № 310-ФЗ «О внесении измене- ния в статью 346.12 части второй Налого- вого кодекса Россий- ской Федерации»	Закон предоставляет право созданным на основании Закона № 217-ФЗ малым инно- вационным предпред- приятиям применять упрощенную систему налогообложения	Критерии инноваци- онной деятельности малого предприятия не определены и тре- буют подтверждения
Федеральный закон от 16 октября 2010 го- да № 272-ФЗ «О внес- ении изменений в Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федера- ции, Фонд социаль- ного страхования Рос- сийской Федерации, Федеральный фонд обязательного меди- цинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхо- вания» и статью 33 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страхо- вании в Российской Фе- дерации»	Закон предусматрива- ет для созданных на базе бюджетных науч- ных и образователь- ных учреждений ма- лых инновационных предприятий установ- ление льготного ре- жима обязательных взносов на социальное страхование на 2011- 2014 годы	Критерии инноваци- онной деятельности малого предприятия не определены и тре- буют подтверждения, отсюда сложности при получении льгот по уплате обязатель- ных взносов
Указ Президента Российской Федера- ции от 20 мая 2009 г.	Комиссия ежемесячно проводит заседания по оценке и определению	Комиссия – совеща- тельный орган при Президенте РФ, ее

№579 (в ред. 28 сентября 2011 г.) «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России»	приоритетов государственной инновационной политики, финансирует крупные инновационные проекты	решения реализуются только в случае издания поручений и указаний в Указах Президента (основание - Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г.)
Постановление Правительства от 9 апреля 2010 г. №218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»	Предусмотрено выделение субсидий производственным предприятиям сроком от 1 до 3 лет, объемом до 100 млн. рублей в год на финансирование комплексных проектов по организации высокотехнологичного производства, выполняемых совместно производственными предприятиями и высшими учебными заведениями	При проведении конкурсов на право получения субсидии в качестве критерия не используются реальные сроки выполнения указанных проектов
Закон Новосибирской области от 20 апреля 1995 г. №17-ОЗ (в ред. 15 июля 2010 г.) «О научной деятельности и научно-технической политике Новосибирской области»	Определены ключевые понятия в сфере инновационной деятельности, формы стратегического планирования инновационной политики региона и меры государственной поддержки	В законе недостаточно определены критерии и показатели эффективности инновационной политики, а также меры ответственности в случае невыполнения конкретных целей и задач
Закон Новосибирской области от 15 декабря 2007 г. № 178-ОЗ (в ред. 2 декабря 2010 г.) «О политике Новосибирской области в сфере развития инновационной системы»	Определены основные параметры формирования и развития инновационной системы региона	В инновационную систему на основании закона не включены промышленные предприятия, предъявляющие спрос на инновационную продукцию

abdidikin@bk.ru

Раздел I

Социальные исследования

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Современное глобальное общество подвержено социальной трансформации, что выражается в относительно быстрых, глубоких и качественных преобразованиях во всех сферах жизнедеятельности людей. Наблюдаемые социальные трансформации в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит комплексная проблема жизненного самоопределения. Это имеет особое значение в отношении студенчества, чей профессиональный и личностный потенциал формируется во многом институтом образования.

Студенческая молодёжь, рассматриваемая как определённая часть человеческих ресурсов, обладает специфической ценностью для общества. Во-первых, она уже прошла ступени отбора в сфере образования, благодаря своим способностям, ценностным ориентациям. Во-вторых, студенческая молодёжь, демонстрируя высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности, рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа их достижения. Таким образом, студенчество представляет собой человеческий ресурс, пополняющий средние и высшие слои социальной структуры общества благодаря легитимным каналам социального восхождения.

В то же время тенденции трансформации общества – социальная поляризация, высокий уровень аномии, процессы теневизации, противоречия в формировании социального института образования – создают ограничения в использовании потенциала студенческой молодёжи. В этой связи изучение целей, жизненных планов, стратегий поведения студентов в контексте происходящих в России изменений приобретает особую актуальность.

Именно поэтому нам представилось необходимым проведение исследования, выявляющего стратегии жизненного самоопределения студенчества в сфере профессионально-трудовых отношений. При реализации исследования мы попытались выявить основные тенденции, направленность профессионально-трудовых стратегий студенческой молодёжи. Объектом исследования

выступили студенты, обучающиеся на 2-4 курсах филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, а также филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке. В качестве предмета исследования рассматривались мнения и суждения студентов, свидетельствующие об их предпочтениях в сфере профессионально-трудовых отношений. Исследование проводилось в апреле 2011 г., объём выборочной совокупности составил 478 человек.

В качестве основной гипотезы нами было выдвинуто следующее предположение: приморские студенты демонстрируют достаточно высокий уровень должностных, материальных притязаний. В студенческой среде доминируют ориентации, связанные с высокооплачиваемой работой, материальным благополучием, карьерой, свободой и независимостью. Верификация этой гипотезы осуществлялась с помощью вопроса: «Что для вас значит достичь успеха в жизни?». Ответы респондентов на данный вопрос расположились следующим образом: 48,1% опрошенных полагают, что главное в жизни – это иметь гарантированное будущее; 40,1% респондентов выбрали вариант «иметь интересную и любимую работу»; 22,9% – «быть специалистом в своем деле»; 21,1% – «занимать солидное положение»; 19,1% – «быть свободным»; 10,9% – «быть богатым».

Что касается притязаний респондентов касательно их будущего должностного статуса, то почти половина опрошенных (45,8%) отдали предпочтение должностям высокого уровня, из них – 27,8% выбрали позицию «руководитель предприятия, учреждения», 18% – «руководитель более высоких звеньев управления». Должность руководителя небольшого коллектива сочли для себя достаточной 20,9% респондентов. Статус руководителя крупного подразделения в организации оказался привлекательным для 21,8% ответивших. Только немногие респонденты (11,5%) предпочли позицию рядового сотрудника.

Кроме того, ответы на вопрос о том, что важно для молодых людей в будущей работе существенно дополняют наши представления об их профессионально-трудовых стратегиях. Высокооплачиваемой работе отдают предпочтение 81,3% опрошенных, а интересной – 57,8%. На важность карьеры в будущей работе указали 38,1% респондентов. При ответе на данный вопрос многие респонденты выбирали несколько вариантов. Чаще всего они объединяли высокооплачиваемую работу с другими характеристиками: гарантированностью, карьерой, содержанием, хорошим коллективом. Можно резюмировать, что представления студентов о наиболее важных составляющих в их будущей работе не являются сугубо прагматичными, ориентированными только на высокий доход и карьеру, они учитывают и содержание, и условия труда.

При этом следует отметить, что высокий уровень притязаний приморских студентов корреспондируется с устремлениями российской молодежи в общем. Заметим, что отечественные исследователи фиксируют рост притязаний молодежи [1]. Можно согласиться с мнением экспертов, что основными при-

чинами значительных сдвигов в уровне притязаний молодых людей являются процессы модернизации и глобализации, в результате которых для многих россиян, в первую очередь – молодёжи, «стало…референтным новое – западное – пространство с более высокими стандартами уровня жизни» [2] и, дополним – труда.

В целом, профессионально-трудовые стратегии студенчества весьма противоречивы. С одной стороны, юноши и девушки презентируют индивидуально-достиженческие стратегии в сфере профессионально-трудовых отношений, связанные с ориентацией на карьерный рост, высокий социальный статус. С другой стороны, российское общество характеризуется состоянием неустойчивого равновесия старого и нового, асимметрией между экономикой и нравственными ресурсами общества, ростом социальной напряженности, низкой адаптацией населения к условиям либерального рынка и другими негативными тенденциями. В этих условиях молодые люди жизненный успех интерпретируют в терминах гарантированности, стабильности.

Выявленное противоречие отчасти конституирует проблемное поле для дальнейшего исследования профессионально-трудовых стратегий студентов. В связи с этим особо важным становится проведение регулярных социологических исследований, направленных на выявление основных тенденций, изменений в сфере профессиональных предпочтений студенчества, как на региональном, так и на муниципальном уровне.

Литература:

1. Хагуров Т.А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // СОЦИС. 2010. № 11. С. 93-104.
2. Магун В.С. Смена диапазона // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 268.

vinokurova77@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Д. А. Черненко

Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск)

Процесс эволюции предпринимательства привел к появлению самостоятельного обособленного вида – социальное предпринимательство. Сущность социального предпринимательства заключается в том, что средой и движущей силой этого вида предпринимательства являются социальные проблемы. Цель социального предпринимателя – получение прибыли, в условиях использования социальных резервов. Социальное предпринимательство использует резервы в разных сферах общественной жизни. Социальный предприниматель использует социальную несправедливость как ресурс по изме-

нению организации предпринимательской деятельности. Он создает новую организационную форму предпринимательской деятельности, которая позволяет решить проблемы социально незащищенных слоев населения, и достигать на этой базе прибыль. Социальное предпринимательство можно определить как вид предпринимательской деятельности, основанный на использовании социальных ресурсов, осуществляемый с целью получения прибыли и решения социальных задач. Социальное предпринимательство использует социальные проблемы. Согласно стратегии родоначальника микрокредитования Мухаммада Юнуса, нищета заемщика – фактор, снижающий риск не возврата кредита. Фактор снижения риска кроется в жизненном опыте бедняка.

Мухаммад Юнус – основатель Grameen bank (Бангладеш). Особенность этого банка заключается в том, что он обеспечивает кредитами (причём, в ряде случаев без каких бы то ни было поручительств) наиболее бедные слои населения. Мухаммад Юнус увидел скрытый предпринимательский потенциал беднейших слоев населения, там, где другие, руководствуясь закостенелыми правилами, не только не видели, но и не пытались искать. В конечном итоге микрокредитование способствует предпринимательской деятельности населения, повышая его жизненный уровень. Успех социального предпринимательства кроется в иной мотивации работников социально ориентированного коммерческого предприятия. Устойчивым является утверждение, что главным стимулом для человека в труде является материальная выгода. Однако человек по своей природе более сложен, он имеет определенное воспитание, жизненные ценности. Реализация жизненных ценностей кроется в осознании социальной значимости, полезности своей деятельности. Социальная мотивация работника усиливается в результате того, что эту деятельность он осуществляет в коллективе единомышленников. Социальное предпринимательство создает устойчивый баланс не только во внешней среде, но и во внутренней в рамках хозяйствующего субъекта, позволяя реализоваться работнику как полноценной личности. Социальное предпринимательство приносит пользу не только обществу, но и людям, занятым этой деятельностью, помогая им ощущать себя социально активными гражданами. Одной из проблем социального предпринимательства является способ измерения достигнутого результата. Универсальный эквивалент – деньги – позволяет использовать финансовые показатели, такие как прибыль, доходы. Нам достаточно легко сравнить эффект деятельности коммерческих предприятий, которые принадлежат разным отраслям экономики. Как сравнить результаты деятельности социальных предпринимателей, повышающих жизненный уровень инвалидов, с организацией предоставляющей микрокредиты беднейшим слоям населения? Оценка эффекта деятельности социального предпринимательства должна лежать в социальной составляющей. Выход видится в наборе экономических и социальных показателях. В частности, можно установить материальное выражение социального результата и сопоставить этот результат с затратами, вложенными в социальное предпринимательство. В результате мы

выйдем на показатель экономической эффективности. Социальная оценка деятельности предприятия может быть выражена степенью приближения к эталону, нечисловыми показателями, количеством людей, которые охвачены результатами деятельности предприятия социальной направленности. Препятствием в развитии социального предпринимательства являются финансовые ограничения. Социальный предприниматель находится в условиях современной системы распределения ресурсов. Ее основой являются кредитные отношения, которые предполагают формирование выгоды кредитора в форме ссудного процента. Социальный предприниматель не обладает, какими-либо преимуществами в получении доли ссудного капитала в конкурентной борьбе с традиционным предпринимателем. Развивать бизнес в таких финансовых условиях достаточно сложно. В полной мере социальный предприниматель может рассчитывать только на собственные средства и помочь государства. Государство не должно оставаться в стороне от развития социального предпринимательства. Одним из способов финансовой поддержки со стороны государства могли бы стать налоги. Это универсальный финансовый инструмент. При помощи налоговых льгот можно на первых этапах развития помочь социальному предпринимателю стать на ноги. Впоследствии, после достижения стабильного состояния бизнеса, можно отказаться от применения льгот или их существенно снизить. В любом случае применение налоговых льгот для социальных предпринимателей имеет логическое обоснование. Социально направленная коммерческая организация – это не только способ обеспечения граждан рабочими местами и инструмент формирования прибыли, это еще и способ сглаживания социальных проблем, что должно быть приоритетом для государства. В этой связи увеличивается актуальность задачи определения границ социального предпринимательства, так как налогообложение – это точный прикладной инструмент управления, он не терпит обищих мест. Общество не терпит пустоты. Оно постоянно вырабатывает новые не известные ранее методы управления и способы самоорганизации, точно так же как ранее оно выработало такой инструмент управления как государство. Одним из новых способов самоорганизации становится социальное предпринимательство, способное объединить в себе и социальные и экономические цели развития.

ОБРЯДЫ ИНИЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

А. В. Жуйков

Новосибирский Государственный Университет

В процессе своего жизненного развития человек проходит ряд последовательно сменяющихся жизненных биологических циклов и социальных статусов. Минуя этапы жизни, определенную рамками традиции обрядно-

ритуальную схему, человек перешагивал на новую ступень социального бытия. В сущности, развитие человека – это смена возрастных процессов (рождение, взросление, старение) и связанных с ними смен видов деятельности и соответственно роли и статуса индивида в обществе. В традиционных обществах обряды инициации играли значительную роль, в сущности, традиционное общество (в самом широком смысле) не знало других способов смены статусов.

Анализ современных обрядов инициации интересен с двух точек зрения: во-первых, структура обрядов инициации в современном обществе, во-вторых, приспособительные, адаптивные функции ритуалов и обрядов инициации. Целью исследования является выявление специфики содержания обрядов инициации и их влияния на процесс социокультурной адаптации в современном российском обществе. Как виды ритуальной деятельности, так и способы их реализации, в современном обществе, чрезвычайно разнообразны. Поскольку «жизненный путь» современного человека включает в себя различные этапы и уровни социализации, а так же всевозможные поведенческие стратегии. Это предмет отдельного исследования, поэтому в данном случае целесообразно будет ограничиться изучением процесса смены социального статуса «ребенок – взрослый» в современном российском обществе.

В ритуале происходит двойное преобразование: безусловные (биологические) процессы преобразуются в условные (символические) категории и в то же время сам ритуал функционирует как единственно возможный (безусловный) способ поведения. Общая структура обрядов инициации выглядит в виде ритуальной смерти неофита в одном социальном статусе, прохождение через определенные испытания и возрождение в новом качестве (социальном статусе). Стоит разделять два тесно взаимосвязанных аспекта адаптации:

1.Психологический: перестройка психики инициируемого вследствие определенных методов воздействия.

2.Социальный: получение инициируемым нового («взрослого») социального статуса, присвоение ряда новых прав и обязанностей.

Предложенная выше схема обрядов инициации характерна и для современного общества. В соответствии с рассмотренной схемой обрядов инициации мы предлагаем разделить процесс перехода от ребенка к взрослому состоянию через следующие жизненные стадии, а так же обряды инициации оформляющие этот переход:

Последний звонок, как первый этап обряда инициации, экзамены, как период испытаний (промежуточный период) и выпускной балл, как третий период включения в новый жизненный этап.

Далее, ситуация когда происходит смена социального статуса (в нашем рассмотрении – это окончание школы) не является самостоятельной и окончательной, она всегда сочетается с другим событием, фиксирующим новый статус. В самом общем виде, таким событием может быть поступление в другое учебное заведение, начало трудовой деятельности или другое событие.

В соответствии с ходом нашего исследования следующим этапом жизненного пути является поступление в высшее учебное заведение. Однако, как показало исследование это событие не целиком оформлено как единый обряд инициации, но если рассматривать процесс обучения школа – ВУЗ как непрерывный процесс, то можно говорить о Выпускном балле как о первой фазе обряда инициации в статусе студента.

Далее, лиминарный период или пограничный сопровождающийся испытательными процедурами, но уже с целью предварительной проверки на право быть включенным в студенческий «класс». При условии успешного прохождения этих испытаний, неофит входит в последнюю стадию этого обряда – посвящение в студенты.

С позиции социокультурной адаптации обряды инициации выступают важным фактором в преодолении основного адаптационного барьера: информационного. Так в процессе обряда неофиты получают важный импульс для актуализации межличностной коммуникации, которая в свою очередь способствует его преодолению.

Основная функция, выполняемая обрядами инициации, являются функция социализации, поскольку при оформлении перехода от одной социальной роли к другой, происходит так же и переход на новый этап жизненного пути. На втором из рассматриваемых обрядов, важной функцией выступает функция интеграции в новый коллектив.

Таким образом обряды инициации современного общества не только являются универсальным культурным феноменом, но и выступают в качестве дополнительного условия для успешной социокультурной адаптации личности в современном российском обществе.

zhukov2007@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. С. Косенко

Новосибирский государственный педагогический университет

К числу основных современных тенденций развития общества и его социальных институтов, обуславливающих их существенные изменения, относятся:

- ускорение темпов развития общества, необходимость подготовки людей к жизни в быстро меняющихся условиях;
- переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия;
- возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества;

– демократизация общества, расширение возможностей политического и социального выбора;

– динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости.

Идет усиление влияния рынка на структуру, функции, содержание современного общества: быстрыми темпами в России развивается рынок труда, сфера образовательных услуг и корпоративной науки.

Сегодня сформировался тип социального развития, связанный с появлением техногенных обществ и их последующей экспансиией на общества традиционные.

В техногенной цивилизации темпы социальных изменений возрастают с огромной скоростью. Экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным.

Идет процесс возникновения новой системы ценностей. Например, ценностью считается «инновация». В традиционных обществах инновационная деятельность имеет определенные ограничения и допустима лишь в рамках веками апробированных традиций. В современном мире научно-технический прогресс постоянно меняет типы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. Поэтому возникает особый тип автономии: человек может менять свои корпоративные связи, он жестко к ним не привязан, может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, погружается в разные социальные общности, а часто и в разные культурные традиции, сохраняя при этом свою индивидуальность.

Основой жизнедеятельности в техногенной цивилизации становится развитие техники, технологий, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией в будущее.

Техногенная цивилизация существует чуть более 300 лет, но она оказалась динамичной, подвижной и очень агрессивной. Традиционные культуры не только оттесняются на периферию социального прогресса, но и радикально трансформируются при вступлении на путь модернизации и техногенного развития.

Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Деятельностно-активный идеал отношения человека к природе распространяется затем и на сферу социальных отношений, которые также начинают рассматриваться в качестве особых социальных объектов, которые человек может целенаправленно преобразовывать.

Характерный для техногенной цивилизации пафос покорения природы и преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах последние понимались как непосредственная власть одного человека над другим и распространялись не только на

подданных государя. Например, в семейных отношениях власть осуществлялась главой семьи над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император телами и душами своих подданных.

Социальные связи ассоциируются с всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара. Власть и господство в такой системе отношений предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент). Теперь сама преобразующая деятельность человека расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе. Ценность научной рациональности и ее активное влияние на другие сферы культуры становится характерным признаком жизни техногенных обществ.

В предыдущие исторические эпохи общественный прогресс обеспечивался за счет втягивания людей в сферу общего среднего образования. В настоящее время общественный прогресс возможен за счет опережающего развития системы высшего образования, обеспечивающего реализацию программы человеческой деятельности на постоянно сменяющем друг друга человеческом и предметном материале.

Проиллюстрируем происходящие изменения в обществе на примере специфики развития современной российской системы образования. Переход в образовании от государственного финансирования к частным инвестициям имеет некоторые положительные стороны: позволяет более оперативно реагировать на запросы рынка.

Но есть опасности: по обеспечению оптимального распределения бюджетных средств в высшее образование, особенно готовящих специалистов, которые не затребованы рынком, но необходимы для развития государства. Государственное финансирование здесь исключить невозможно.

Результатом ухода государства из образования стала смена трактовки представлений об образовании как о благе за счет государства к взгляду на образование как услугу и предмет экономических отношений. Отказ от государственной политики чреват серьезными социальными последствиями и дальнейшей дифференциации населения по вопросу доступности образования.

Отметим отрицательные черты нового типа культуры, прежде всего, это такие ее характеристики:

- наблюдается лавинообразный объем информации;
- быстро возникла и существует проблема отбора достоверной и качественной информации;
- возникла проблема адаптации для многих людей к новой, более сложной среде информационного общества;
- реально существует проблема «автоматизации» человека;

– наблюдается снижение культурного уровня индивида за счет резкого увеличения числа людей, являющихся механическими потребителями предоставляемой информации и т. п.

Существует опасность огромной поляризации знаний в обществе, возможность их накопления в узком, «верхнем» общественном слое – элите (политической, экономической и т. д.).

Данные процессы требуют тщательного осмысления и анализа.

tany0879@mail.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С. В. Камашев

Новосибирский государственный педагогический университет

Техногенная цивилизация понимается как общественная система на индустриальной и постиндустриальной ступени общественного развития, генезис которой осуществляется преимущественно на основе науки, техники, технологий и производства (т.е. наукотехники) и создаваемой ими предельно урбанизированной среды – техносферы [см. : 1]. В современных условиях на безопасность российского общества в техногенной цивилизации активное влияние оказывает глобализация, которую мы определяем как общемировую экономическую, информационную и культурную тенденцию, нивелирующую национальную самобытность исторических культур народов мира. К основным факторам, оказывающим существенное влияние на безопасность России в условиях техногенной цивилизации, следует отнести: глобализацию; информационный взрыв; интеграцию и дифференциацию научного знания; переход на информационные технологии; изменение социальной роли науки и т. п. [см. : 3]

Стремительное распространение техногенной цивилизации в современном мире сопровождается двумя диаметрально противоположными процессами. С одной стороны – мощнейшие интегративные процессы, происходящие в политике, науке, культуре, экономике, вызванные международным разделением труда и дифференциацией научного знания, необходимостью решать общие для разных государств и народов экономические, политические и военные задачи; с другой – рост национального самосознания на общегосударственном уровне и активные процессы национальной самоидентификации личности на индивидуальном уровне.

Динамика культуры также протекает в диаметрально противоположных формах культурной универсализации и дифференциации. С одной стороны, все более отчетливо проявляется глобальный характер научного прогресса, не знающего национальных границ. Осуществляется обмен идеями и учеными; формируются общие контуры системы непрерывного

образования, ориентированного на креативную педагогику и опирающегося на высокоэффективные информационные технологии; развивается обмен культурными ценностями [см. : 2]. Возрождается влияние мировых религий. Все это с неизбежностью приводит к росту взаимовлияния культур, формированию культурных норм и ценностей, общих для большинства культур. В то же время распространяется обезличенная, лишенная национального содержания массовая культура; размываются прежние нравственные устои. С другой стороны, одновременно наблюдаются противоположные тенденции дифференциации, возрождения и обособления национальных культур, разнообразия педагогических школ и индивидуализации процесса образования, усиления самобытности семьи и личности, появления новых религиозных сект и течений. Однако в условиях широкого распространения телекоммуникаций и Интернета тенденции универсализации берут верх, порождая новую волну унификации и стандартизации в духовной сфере.

Следует отметить, что огромный и решающий вклад в глобализацию информационного пространства внесло массовое применение современных информационно-коммуникационных технологий, которые сделали реальностью трансформацию информационного пространства из локального, охватывающего довольно ограниченную общность людей (семью, профессиональные и общественные группы, этнос, государство) в глобальное, включающее практически все цивилизованное человечество. Победное шествие Интернета по всему Земному шару в конце XX века продемонстрировало объективность и неизбежность глобализации информационного пространства со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для безопасности личности, общества и государства. Уникальная черта Интернета состоит в том, что он функционирует одновременно как средство публикаций и как средство коммуникаций. Своеобразие его регулирования объясняется тем, что Интернет радикально отличается от массового вещания и традиционных телекоммуникационных услуг

В техногенной цивилизации одним из важных условий является переход на информационные технологии [см. : 4]. Компьютеризация на первом этапе ее внедрения в учебный процесс не повысила эффективность обучения, поскольку не затронула собственно принципов его организации. На втором этапе компьютеры становятся средством поиска, апробирования и активизации познавательной деятельности учащихся, создавая возможности для расширения учебных коммуникаций. Третий этап характеризуется в настоящее время разработкой многочисленных обучающих систем и введением инновационных методов обучения.

Информационная культура создается не сама по себе и не ради себя самой, она выступает инструментом в руках человека для его всестороннего развития, выявления его творческих дарований. Вместе с тем, рост информационных потоков актуализировал проблему информационной

безопасности. В настоящее время уже четко определились ее уровни: индивидуальный, социальный и государственный. Есть следующие опасности. Так, например, «хакер» – компьютерный взломщик, использующий компьютер, модем и телефонную сеть для проникновения в чужие информационные системы. Установив связь с другим компьютером, хакер с помощью специальных программ подбирает пароли входа в систему чужого компьютера и получает доступ к его файлам. Только воровство и использование украденных кредитных карт наносит их законным владельцам ущерб не менее одного миллиарда долларов ежегодно.

Особую тревогу вызывает увлечение компьютерными играми (в том числе азартными, агрессивными), которое широко охватило современную молодежь. Дети и подростки с еще неокрепшей психикой подвергаются особой опасности воздействия на них виртуальной реальности, создаваемой такими играми. Компьютерные игры создают у людей иллюзию насыщенной событиями реальной жизни и, в то же время, уводят от существующих проблем. Они эксплуатируют страсть человека к игре и вызывают необычное заболевание – страсть к компьютерным играм. Симптомы его похожи на тяжелые формы наркомании.

Кризис компетентности современных людей и специалистов, превратившийся в одну из главных угроз для современного человечества, приводит к отставанию способности человека справляться с изменениями в окружающем его мире, зависящем от темпов этих изменений. Кризис предметности образования, его целей и установок, фиксируемый на уровне дидактики, требует перехода к другим единицам содержания образовательного процесса: необходимо обучать методам, подходам, способам, парадигмам.

Литература

1. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. – М., 2011.
2. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития. – М.; Брянск, 2011.
3. Камашев С. В., Михалина О. А., Наливайко Н. В. Актуальные проблемы безопасности отечественной системы образования : моногр. – Новосибирск : СО РАН, 2007. – 330 с.
4. Попкова Н. В. Техногенное развитие и техносферизация планеты. – М., 2004.
5. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2.

kvs200@ngs.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНЫХ УСТАНОВОК ГРАЖДАН В ПОЛИЭТНИЧНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Д. М. Абдрахманов

Институт гуманитарных исследований Академии наук
Республики Башкортостан (Уфа)

З. Л. Сизоненко

Уфимский государственный авиационный технический университет

О. Н. Юлдашева

Башкирский государственный университет (Уфа)

Сравнивая результаты многочисленных социологических исследований, проведенных в разные годы в России, можно утверждать, что повседневная практика взаимодействия людей различных национальностей в полигэтничном социуме не всегда соотносится с принципами толерантности. Фактически в любом российском городе присутствует своеобразное разделение поведения на два уровня, характеризующихся разной степенью рационализации. На официальном уровне преобладают современные модели поведения, на бытовом, в рамках поведения небольших групп, в семье – традиционные. На уровне повседневных поступков современные модели толерантного поведения могут быть заглушены (и часто заглушаются) эмоциями, страхами рядового гражданина, находящегося под влиянием СМИ.

В европейских странах был принят особый термин, точно отражающий суть государственной национальной политики. Это «diversity» – разнообразие. Политика «diversity» для ряда государств стала центральной линией. Соответственно толерантность понимается как право другого на варианты, право на действительный мультикультураллизм, поликультурность как источник движения в этом мире. Таким образом, именно толерантность выступает сегодня как норма совместности в мире культурного разнообразия.

Необходимое условие формирования толерантного сознания – постоянное обращение к опыту современной действительности в стране и в мире, в том числе к пониманию причин проявления конфликтности и нетерпимости, терроризма и неонацизма; оснований предрассудков и опасных заблуждений. Утверждение толерантных установок в России встречает значительные трудности, связанные и с растущей социальной дифференциацией, и с отсутствием устойчивых традиций ненасилия и терпимости в политической культуре.

Нынешнее состояние российского общества требует качественно нового уровня социальной инженерии, ускорения технологизации и информатизации социального пространства, формирования социально-технологической культуры. Социальные технологии укрепления межнационального согласия могут применяться в регулировании межнациональных отношений, однако стоит отметить, что прогнозированию межнациональных отношений, а также вопросам межэтнической интеграции уделяется недостаточное внимание. Возрастает необходимость более точного определения этнической структуры населения, объективного состояния межнациональных, межэтнических и

межконфессиональных отношений. Здесь особенно важна оценка требуемых ресурсов: чрезмерно активная, агрессивная политика укрепления межнационального согласия может дать «обратный эффект», содействуя формированию этноцентрических, интолерантных установок. Искусственно делать акцент на национальном, этническом, привлекать внимание к этой сфере – априори представлять все связанное с национальным или этническим как проблему. Недопонимание ее остроты, в том числе наличия как таковой, а также требуемого объема необходимых ресурсов может привести к еще более негативным последствиям, чем ее полное игнорирование.

Важность взвешенной, научно обоснованной национальной политики доказывается ежедневно происходящими межэтническими конфликтами по всему миру. В полигетнической России названные вопросы актуализируются как вследствие пробуждения национального самосознания этносов, так и в силу нарастания социальной напряженности, слабости социальной структуры, маргинализации значительной части населения. Социальные технологии укрепления межнационального согласия должны быть разработаны и реализованы с учетом особенностей этнической структуры населения, а также объективной информации о наличии/отсутствии толерантных установок в процессе социального и межличностного взаимодействия в полигетническом социуме.

В 2001 г. в России была принята государственная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001-2005 гг.». Результаты внедрения этой программы были обсуждены на многочисленных научных форумах. Тем не менее, в октябре 2010 г. произошли печально известные события на Манежной площади в Москве, в очередной раз показавшие, что в сознании современной молодежи не нашли должного отражения принципы толерантности и межнационального согласия. С одной стороны, государство активно занимается поиском модели национальной политики, адекватной требованиям современного социума, с другой – предпринимаемые со стороны властей попытки регулирования межнациональных отношений не только не снимают назревающей в данной сфере напряженности, но и провоцируют экстремистские группировки и отдельных политиков на антиобщественные действия. Это явное противоречие нуждается в теоретическом анализе с целью последующей разработки практических рекомендаций для формирования условий цивилизованного межнационального взаимодействия. Однако еще на стадии операционализации понятий прослеживается неоднозначность определений и пониманий, что, в свою очередь, усложняет решение проблемы.

В отечественной научной литературе не раз отмечалось, что уже в самом определении толерантности нет четких границ, они размыты, неопределенны. Отсутствие конкретно сформулированной дефиниции не дает возможность выявить критерии толерантности. Если в основу отношения к «другому» закладывается «терпимость», т.е. «не нравится, но терплю» – это одна позиция;

если приоритет за нормой «ценность другого человека», то это принципиальная иная по форме и содержанию установка.

Толерантность возникла и развивалась как механизм, характерный для смягчения противоречий между труднопримиримыми (или совсем непримиримыми) идеяными и мировоззренческими позициями. Исторически толерантность как духовное (а не физиологическое) явление осмысливается и получает свое определение как реакция на последствия мировоззренческого конфликта, становящегося предпосылкой религиозных войн.

marijan01@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ ТУВЫ О СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ*

В. С. Кан

Тувинский институт гуманитарных исследований (Кызыл)

Модернизация, объявленная стратегическим приоритетом развития России, невозможна без участия молодежи. Эффективность ее участия во многом зависит от характера формируемых личностных представлений и ценностей, условий социальной среды и факторов жизнедеятельности. В данной публикации представлена оценка молодыми людьми Республике Тыва некоторых важных индикаторов социального развития (жилищные условия, состояние окружающей среды, степень личной безопасности человека и политической свободы в обществе, качество жизни в целом). Это часть материалов социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи РТ», проведенного по заказу Министерства молодежной политики и спорта Тувы в 2011 г. [1].

Начнем с оценки молодежью Тувы качества жизни. В целом, она позитивна (85,6%, из них 45,3% – «удовлетворены полностью», а 40,3% – «скоро»). Такие ответы больше давала молодежь в районах (50,8%), тогда как в столице Тувы полностью удовлетворенных качеством жизни только 39%. В разрезе социально-демографических показателей чаще демонстрировали удовлетворенность качеством жизни мужчины (52,5%), чем женщины (39,7%). Вполне естественно, что позитивная оценка чаще проявлялась у молодежи в возрасте от 16 до 19 лет (53,6%), которая в этот период чаще всего находится на иждивении родителей и родственников, и работающей молодежи от 25 до 29 лет (43,4%), имеющей собственные источники дохода.

Жилищные условия, в целом, не беспокоят молодежь республики – почти 40% полностью ими удовлетворены, а еще 35% – в большей степени. В последней группе, в основном, представлены молодые люди от 16 до 19 лет, как правило, проживающие в родительском доме (58,8%). Их старшие сверстники удовлетворены на порядок меньше: 20-25 лет – 32,3%, 26-30 лет – 28,4%. Неудовлетворенных жилищными условиями насчитывается в совокупности

23,1%, причем на ответы не влияет ни национальность, ни уровень образования респондента.

Анализ и сравнение данных за 2009 и 2011 гг. [2] показывает положительную тенденцию: число удовлетворенных жилищными условиями выросло с 57,9% до 74,7%. Если раньше неудовлетворенных было больше среди представителей старшей группы молодежи (25-29 лет – 22,8%), то в этом году – в средней (20-24 года – 32,3%). Но общая направленность ответов осталась прежней – чем старше молодой человек, тем меньше он удовлетворен своими жилищными условиями.

Следующие данные отражают остроту вопроса жилья в г. Кызыле, связанный с недостаточностью объемов строительства и высокими ценами на недвижимость. Только 30,7% молодых жителей столицы удовлетворены жилищными условиями, каждый третий – неудовлетворен (20,4% – в мягкой степени, 9,1% – в твердой). В сельской местности отрицательные оценки звучали только в 18,5% случаев.

Важным условием жизнедеятельности человека в обществе является обеспечение личной безопасности. Несмотря на высокий уровень преступности в Туве, удовлетворены $\frac{3}{4}$ опрошенных, из них полностью – 43,5% (Кызыл – 41,4%, районы – 45,1%). Ситуация в сфере обеспечения личной безопасности несомненно улучшается: в 2009 г. были удовлетворены 67% молодежи (из них полностью – только 26%). Вполне логично, позитивные ответы реже давали женщины (37,9%), чем мужчины (50,6%), а также молодые люди в возрасте от 16 до 19 лет (54,5%), которые находятся под присмотром взрослых (20-24 лет – 38,8%, 25-29 лет – 37,6%).

Большую роль в формировании здоровья человека и определяемого им психологического настроения играет окружающая природная среда. В Туве достаточно благополучная экологическая обстановка, что связано с транспортной изолированностью и малонаселенностью территории, отсутствием крупных промышленных производств. Однако, начало активной фазы разработки угольных месторождений, неразумная производственная и досуговая деятельность человека, приводящая к катастрофам (пожары, аварии, загрязнение вод, воздуха), пагубно влияют на состояние экологии и здоровье жителей республики.

Состоянием окружающей среды, в целом, удовлетворено большинство молодежи – 69,1%, причем 35% из них в абсолютной степени (2009 г. – 56,9% и 22,1% соответственно). Беспокойство выражено у 27% опрошенных молодых людей, причем оно растет вместе с возрастом: 16-19 лет – 20%, 20-24 года – 28,4%, 25-29 лет – 32,4%. Вполне естественно, что в связи с расположностью многих предприятий в черте городов и их загазованностью, в меньшей степени довольны состоянием экологии городские жители. В сельской местности число абсолютно положительных ответов о состоянии окружающей среды резко возросло с 23,4% (2009 г.) до 42,3% (2011 г.) и в то же время сократилось число отрицательных оценок с 31,6% до 19,4%.

Гражданам России в Конституции гарантировано право свободного выражения своих политических взглядов, идей. Однако, судя по данным опроса, это право в Туве ограничено. Во-первых, немалое число молодых затруднилось ответить на вопрос (17,3%). Во-вторых, лишь каждый третий человек удовлетворен в полной степени свободой выражения своих политических взглядов. Критические оценки в большей степени давали молодые кызылчане: 26,3% – не удовлетворены (районы – 20,8%), 20,7% – затруднились дать ответ (районы – 15,5%).

В обобщение вышеизложенного скажем, что значительная степень удовлетворенности витальными условиями жизни (от 60 до 100%) говорит о сохранении в Туве приемлемых условий для жизнедеятельности молодого человека. Это, безусловно, положительный результат социальной и экономической политики федеральных и региональных властей. Тревожен факт неустойчивости позиции молодых людей по показателям удовлетворенности жилищными условиями, личной безопасности, состоянием окружающей среды, свободы выражения политических взглядов. Такая неуверенность может иметь причиной реальные и потенциально возможные ограничения и нарушения прав человека, наличие определенного дискомфорта. Социальные условия жизни молодых сельских жителей являются объективно худшими, но субъективная его оценка выше, чем в столице.

Литература и примечания

1. В исследовании реализована совмещенная территориальная выборка с квотами по полу, возрасту и образованию. Под руководством сотрудников сектора социологии ТИГИ с помощью маршрутного способа набора респондентов в конце июля - начале августа было опрошено 720 молодых людей (309 чел. в г. Кызыле, 416 чел. в Тандинском, Дзун-Хемчикском, Эрзинском и Сут-Хольском районах Тувы).
2. Здесь привлечены данные исследования «Социальное самочувствие молодежи РТ в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений» проведенных в 2009-2010 гг. сектором социологии ТИГИ под руководством В.С. Кан.

kan-tuva@mail.ru

ПУТИ УСИЛЕНИЯ МИРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ООН ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Р. Д. Бахул кызы

Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана (Баку)

Появление новых глобальных проблем требует снова посмотреть и дополнить устав международных институтов, прежде всего ООН. Усиление

функции, совершенствование механизма ООН - одна из актуальных проблем на интенсивном этапе глобализации. После «холодной войны» появились новые глобальные проблемы и поставили вопрос о судьбе ООН: эта организация должна была сохраниться, или быть отстраненной международными отношениями? Система международной безопасности, основу которой заложил ООН, важную роль играет на урегулировании военно-политических проблем. В интеграционном мире международные правовые нормы, существование ООН приобретают значение. Урегулирование конфликтов зависит от развития международного права и международных организаций. ООН имеет право применить санкции. Реформа ООН должна быть направлена на преодоление американализма, натосентризма.

Для развивать балансирующий систем международных отношениях необходимо усиление деятельности основных органов ООН - Генерального Ассамблея, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета, Секретариата, Международного Суда и специализированных учреждений.

В настоящее время ООН не только реализует миротворческие операции для предотвращения конфликтов, но и содействует гуманитарной помощью в конфликтном регионе. В большинстве случаев миротворческие операции ООН реализуются в сотрудничестве с региональными организациями.

В 90-ых годах ХХ в. были предложены некоторые проекты о реформах ООН по предотвращению региональных конфликтов. В 1992 году концептуальные основы миротворческой деятельности были показаны в докладе «Повестка дня для мира» Генеральному секретарем Б.Б.Гали. И в 1995 году в докладе «Дополнение и повестке дня для мира» Генеральным секретарем широко были показаны эти идеи.(1) В 1997 году в следующем докладе Генерального секретаря о реформах ООН были отмечены о препятствии права «вето» на регулировании конфликтов, о развитии потенциала Международного Суда, согласно с миротворческим интересам. Была показана, что члены-государства могут регулировать споры арбитражным судом согласно со статьями 36-37 Устава. (3, с.57-60).

«Доклад Брахими», Группы высокого уровня по угрозам и переменам предложил о усилении мирного потенциала ООН(2). На Всемирном Саммите в Нью-Йорке в 2001 году в своем докладе К.Аннан заявил, что защита прав человека основный критерий системы безопасности в урегулировании глобальных проблемов. В четырех части под названием «Усиление ООН» были предложены реформа в ООН. В резолюции 1327, 1366, 1625 Совета Безопасности ООН предложил усиления роли Совета Безопасности в отношении к предотвращению военных конфликтов.(4)

Вытекая из вышеуказанных необходимо подчеркнуть, что для регулирования международных конфликтов в упрочении потенциала ООН должны реализованы следующее:

- Прогнозирование конфликтов, необходимости знания истории, причины конфликтов.

- Согласие сторон конфликта по прекращению военной операции и по посредничеству ООН.
- Создание национальных институтов, восстановление взаимных доверий.
- Необходимость знание военно-полицейским персоналом обычая, культуры, политической ситуации соответствующей страны.
- Реализация постконфликтного созидания, восстановление верховенства закона.
- В случае потеря доверия местных полицейских сил размещение в регионе временных международных сил.
- Организация обстановку для выборов, обеспечение безопасный систем, организации комиссии по обнаружению истины.
- Увеличение роли Генеральной Ассамблеи, обсуждение повестка дня в краткой времени, неповторимый характер резолюций принятых.
- Отмена права «вето» постоянных членов Совета Безопасности.
- Контроль Генерального секретаря и Совета Безопасности. на реализации санкций.
- Использование роли ЭКАСОС, специализированных учреждений, фондов, программой ООН, ВОТ, МВФ, ВБ, АС, неправительственных организаций, субъектов цивильной общества.
- Сотрудничество с региональными и субърегиональными организациями, с региональными и граничными государствами.
- Информирование Совета Безопасности о потенциальных конфликтах с Генеральным секретарем.
- Необходимость обращения к Международному Суду, создание трибуналов о геноциде, о преступлении против человечества, о виновниках военных преступлениях.
- Реализация программа действие ООН о защите прав человека, программа о борьбе с продажей оружия, программа о борьбе с завоеванием природных ресурсов и с обменом производственных товаров, программа о борьбе с незаконной транспозицией населения завоевательного государства к завоеванным территориям.
- Гуманитарная помощь в конфликтному региону, защита прав перемещенных лиц, соблюдение распорядку персонала ООН, обеспечение безопасности персонала ООН.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира, Нью-Йорк, 1992; Доклад Генерального секретаря, Дополнении и повестке дня для мира, Нью-Йорк, 1995.
2. Доклад Брахими, Операции по поддержании мира, <http://www.un.org>; Доклад Группы высокого уровня по угрозам вызовам и переменам (A/59/565 + corr/ 1), Часть вторая коллективная безопасность и задача предотвращения, Роль санкций. <http://www.un.org>

3. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций, М.: Международная отношения, 2008, 312 с.

4. Перечень резолюций Совета Безопасности принятых в 2000 году, <http://www.un.org>; Перечень резолюций Совета Безопасности принятых в 2001 году, <http://www.un.org>; Перечень резолюций Совета Безопасности принятых в 2005 году, <http://www.un.org>

dadashova.ramila@rambler.ru

Раздел II **Философские исследования**

Философия, логика и методология научного знания

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ

Т. Л. Гусева

Институт философии и права СО РАН

Одной из основных задач философского осмысления мира является исследование всеобщих свойств материи, пространства, времени, как обеспечивающих единство форм мира вплоть до жизни, разума, общества, культуры, ценностей. Как бы мы ни относились к философскому наследию В.И.Ленина, нельзя не согласиться с его словами о том, что «вся история человеческой практики... убеждает нас в том, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи и движущаяся материя не может двигаться иначе, кроме как в пространстве и времени». Но и сами категории пространства и времени появляются не иначе, как в практической деятельности человека, таким образом, сама по себе включенность человека в онтологические связи природы как живого существа, предопределяет важность категорий пространства и времени. Кроме того, в силу своей парадигмальности, как всеобщие формы существования материи, эти категории сложны и многогранны, поскольку в основе современного знания о материи лежит идея её сложной организации, позволяющая рассматривать любой объект материального мира как систему с наличием элементов и связей между ними.

В историческом изначалии существования человека первая необходимость освоения пространства была связана с распределением охотничьих территорий племени, когда эту территорию надо было как-то обозначить и

определить, чтобы не было столкновений, понятие времени формировалось не на основе циклов природы, а на основе учета длительности и последовательности естественных событий в жизни человека и в органической связи с хозяйственной деятельностью, с необходимостью определить время коллективной охоты, праздников. Далее появляется календарь, как фиксация временной длительности и последовательности, становится необходимой достаточно развитая память для передачи через устную речь опыта предыдущих поколений и оперативная память для ведения хозяйственной деятельности. Причем этот опыт предков был в то время настолько важен для выживания в природе, что уже традиционное общество ориентировано в прошлое, опыт важнее деятельности живых. Настоящее оценивается не через реализацию замыслов, идей, а как оно соответствует прошлым образцам, будущее представляется как повторение прошлого. Категории пространства и времени в первобытном сознании формируются на основании сознательной деятельности, носящей непосредственно коллективный, общезначимый и жизненно важный характер.

В античной философии - попытка рационально истолковать эти категории. Аристотель интерпретирует пространство через понятие «место» - то, что охвачено неподвижной границей объемлющего тела. Место связано с понятием о двух телах – объемлемом и объемлющем, одно для другого необходимо. Подход двух тел – реляционный, где пространство интерпретируется через взаимное расположение тел, вещей (современные реляционные концепции пространства-времени многомерны) Время Аристотель интерпретировал через понятие движения и упорядоченность событий в процессе движения, рассматривая время как своеобразную меру движения, его оценку. Платон определял время как субстанцию, когда на первом плане реляционная модель времени.

В средневековой Европе господствовало религиозное представление пространства и времени. Прошлое потеряло ценность, смещение центра ориентировки из прошлого на будущее, традиции подорваны процессом смешения народов. И это смещение центра было канонизировано христианством – вся надежда на лучшее будущее, но оно загробное.

В философии Нового времени, когда уже провозглашена гелиоцентрическая модель Вселенной, когда, по словам Энгельса, «с Коперника исследование природы освободилось от религии и стало возможным научно изучать мир», Джордано Бруно дает новые философские обоснования структуры пространства. Вселенная лишена центра, ибо таковым является всякая точка, а миры бесчисленны, пространство бесконечно. Гносеологические концепции анализируют происхождение людей, пространства и времени, делается попытка объяснить свойства пространства и времени, связав их с познающим субъектом. Таким образом, сама проблема пространства времени оказывается «втянутой» в субъектно-объектные отношения.

В диалектическом материализме категория пространства-времени диалектически, параметры времени входят в определение пространства, и наоборот,

они выступают мерой друг друга, могут существовать лишь в этом единстве и лишь в этом единстве могут быть самими собой со своими особенностями. Прошедшим и будущим временем, а также настоящим, является пространство, которое есть упраздненное время. Пространство, в свою очередь, изменяясь, становится последовательностью своих процессов, состояний, точек, то есть временем. Всякому изменению бытия характерна диалектика взаимо-перехода пространства и времени. Для изучения пространства используется геометрический метод, дающий познание и соотношение пространственных форм объективного мира, фиксации объектов (механика, физика, картография, математика, физхимия и другие) – в целом ответ на запрос практики человека. И метод хронологический, используемый как метод познания, в истории, геологии (здесь центральной категорией выступает время, когда материал опредмечен в пространстве как время далекого прошлого).

Современные теории геометрических моделей физического пространства представляют его многомерным. Последние достижения физики и астрофизики структурируют организацию неживой природы от кварков и лептонов, физического вакуума до образования звезд, галактик, систем галактик, Мультиверса. И хотя загадок и здесь остается немало, проблемное поле, на наш взгляд, можно обозначить следующими вопросами – возможно ли человека, учитывая его включенность в природу, рассматривать как процесс развития некоего, со своими метриками, многомерного пространства, и уже тогда ставить вопрос о теории единства пространства-времени с дополнительными размерностями и физических взаимодействий в реляции человек-небесное тело.

tanya070164@mail.ru

«НЕТОЖДЕСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ» И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН (новосибирск)

Тема «идентичности» в последние годы – одна из самых популярных. Однако в философских дискуссиях об идентичности не всегда различают два разных дискурса. Первый – социально-политический дискурс идентичности, в рамках которого речь идет о самоидентификационном выборе, т.е. поиске, обретении или выработке некоторого определяющего самосознания для страны, народа или какого-либо другого коллективного субъекта. Второй дискурс или смысл идентичности – метафизический, целью которого являются поиски критериев тождества различных объектов и людей. Это так называемая «проблема самотождественности». Стандартным примером такого рода обычно считается «корабль Тесея». Согласно Плутарху, «Афиняне бе-регли его до времен Деметрия Фалерского, причем отрывали старые доски и

заменяли их другими, крепкими, вследствие чего даже философы, рассуждая об увеличении размеров существующего в природе, спорили, приводя в пример этот корабль, – одни говорили, что он остается тем же, чем был раньше, другие – что его более не существует» [1].

Если говорить о человеке, то ясные критерии тождества личности необходимы для идентификации человека в качестве субъекта морали и права и, соответственно, для определения оснований приписывания моральной и правовой ответственности. Обычно предлагается два критерия тождества личности – физический и психологический. В первом случае человек рассматривается по аналогии с неодушевленными предметами и критерием его тождества считается непрерывность жизни (тела) в пространстве и во времени. Когда же речь идет о психологическом критерии тождества, то, прежде всего, имеется в виду непрерывность сознания (памяти, восприятия). Такое «прерывание» сознания, при котором человек не может отдавать отчета своим действием или руководить ими, признается состоянием невменяемости и служит основанием для освобождения человека от ответственности за совершенные действия.

«Нетождественность субъектов» обсуждается также в контексте межпоколенческой справедливости. «Проблема нетождественности» (non-identity problem) [2] важна для понимания наших отношений с прошлыми и будущими поколениями. В первом случае речь идет о т.н. исторической справедливости и всем комплексе проблем, связанном с возмещением ущерба не тем, кто пострадал от несправедливых действий, а их потомкам. Решать это проблему можно по-разному, например, попытаться сохранить тождественность субъектов и трактовать осуществление исторической справедливости как исполнение наших моральных обязательств по отношению к уже ушедшим из жизни людям. Это, в общем, довольно обычный подход в некоторых культурах, в которых существует гораздо более «активный» образ умерших людей, с которыми необходимо не просто общаться, но и советоваться, а также выполнять данные им при жизни обещания [3].

Признание же каких-либо компенсационных обязательств не перед умершими, а перед их потомками требует ответа на вопрос о понесенном ими ущербе. Один из распространенных аргументов против каких-либо компенсаций потомкам состоит в том, что без прошлых несправедливых действий они бы просто не появились на свет. Так, иногда говорят, что хотя, конечно, рабство – отвратительный институт с точки зрения современных представлений о справедливости, оно не нанесло ущерба потомкам рабов, так как, без этого института, эти потомки никогда бы не родились и не имели бы в своем распоряжении такой ценности как жизнь. Смысль аргумента не только в том, что потомки, на самом деле, вовсе не являются стороной, пострадавшей от исторической несправедливости и, соответственно, не имеют моральных прав на возмещение ущерба. Смысль также и том, что они не могут сравнивать свое фактическое положение с гипотетической ситуацией, которая не

включает нарушений справедливости в прошлом, поскольку субъекты в этих двух ситуациях «нетождественны».

Аналогичные проблемы встают при обсуждении нашей ответственности перед будущими поколениями. Во-первых, не совсем понятно, как можно иметь обязательства перед несуществующими субъектами или, что еще менее понятно, как эти несуществующие субъекты могут иметь права? Проблемы же, связанные с нетождественностью, заключаются в том, что само существование будущих индивидов зависит от действий, которые мы предпримем до появления на свет таких субъектов. Своими действиями мы неизбежно «создаем» одних субъектов и лишаем жизни других. Таким образом, стремясь создать лучшие условия жизни для будущих индивидов, мы тем самым, на самом деле, меняем всю конфигурацию будущих субъектов. Таким образом, нельзя говорить о преимуществах, которые получат будущие индивиды, потому что они «нетождественны» тем исходным индивидам, о будущем положении которых мы начинаем заботиться.

Если понимать «будущие поколения» не как множество отдельных индивидов, а как групповой субъект, то возникают новые проблемы. Во-первых, нам придется предположить, что субъектность группы не зависит от того, какие именно индивиды ее составляют. Кроме того, принять на себя моральную ответственность перед некоторой будущей группой психологически гораздо труднее, чем признать такую ответственность перед конкретными индивидами. Труднее найти основания и для наделения правами именно будущих групп, а не отдельных индивидов.

Решение многочисленных теоретических проблем, связанных с проблемой «нетождественности субъектов», возможно потребует не вполне традиционных шагов, например, отказа от языка прав и обязательств. В практическом же плане осознание проблемы «нетождественности субъектов» может помочь в создании более сложных и, возможно, «асимметричных» подходов к осуществлению межпоколенческой справедливости.

Литература

1. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тесей и Ромул. М., 1994. Т. 1. С. 11.
2. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford University Press. 1984. P. 351-379.
3. Mulgan T. The Place of the Dead in Liberal Political Philosophy // Journal of Political Philosophy. Volume 7, Issue 1, March 1999. P. 52-70.

shev@philosophy.nsc.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЙ

М. С. Бакулина

Новосибирский государственный университет

Принято считать, что системный подход утратил свою популярность и уступил место синергетике, системному анализу, системной динамике, программированию (кибернетике) и пр. направлениям и областям, схожими с ним некоторыми чертами. Методологическая проработка системного подхода сегодня далеко не находится на пике популярности. Однако если не брать в расчет сенсуализм, то очевидно, что какой бы научной парадигмы мы не придерживались, системность является главным способом существования самой науки. Некоторые исследователи ориентируются на идеал плурализма концепций, теорий, идей как «в большей степени выражающего сложность мира». Мы считаем, что последнее, возможно, верно. Но известно, что систематизация дает способность легче ориентироваться в знаниях и, следовательно, использовать их в более широких масштабах.

Мы бы назвали системный подход «органически присущим» естественным, техническим наукам и математике. В применении же системного подхода к социальным и гуманитарным областям возникает немало неясностей, без «тонкого» уточнения которых, он превращается в грубый инструмент упрощения. На основе работы с литературой (некоторая из нее указана в списке литературы) нами был составлен следующий список наиболее важных, с нашей точки зрения, вопросов. Одни обсуждаются давно, другие – предлагаются для обсуждения нами.

1. Является ли для системного подхода необходимостью специальный язык и аппарат моделирования в социальных и гуманитарных науках (на уровнях: индивидуальной психики, межличностного взаимодействия, взаимодействия в разных по масштабу сообществах)? Или достаточно «естественного человеческого языка»? Хотелось бы поставить вопрос не в плоскости противоречия «общенаучный-обыденный» язык, а в ракурсе создания нового аппарата для описания процессов на качественном (т. е. не количественном) уровне. Поднимает этот вопрос и дает своеобразное решение В.Д. Ермак в [3].

2. Возможно ли применение системного подхода выше механицизма (особенно на уровне психики человека) с соблюдением четкости в характеристике состояний, прогнозах развития объекта? Проблема обостряется с ситуацией «черного ящика», когда исследователи привыкли надеяться либо на математический аппарат, либо на более совершенное оборудование.

3. Должен ли системный подход включать в себя изучение развития систем (качественного) или это задача системной динамики, синергетики? Существует мнение, что синергетика является «системным подходом в развитии». Тут возможны варианты. 1) Синергетика включает в себя системный подход, тогда она нам представляется чем-то «сверхсложным» и потом труд-

нореализуемым для изучения антропных объектов. 2) А если синергетика делает упор на динамике процессов и использует системный подход лишь поскольку он эту динамику помогает уяснить, то может остаться не раскрытым внутреннее строение объекта...

4. «Информационные дырки» в системных моделях: в какой степени возможна «достройка» недостающих данных, используя имеющиеся, и на основании чего можно опровергнуть и отбросить некоторые из них? (Т. е. в каких случаях если факт не соответствует модели, то «хуже для факта»?) Вопрос может показаться легко решаемым на теоретическом уровне с точки зрения диалектики необходимости и случайности. Однако мы полагаем, что «системщики» не должны забывать о нем, чтобы, с одной стороны, не «закостенеть», с другой – не мечтать «все опровергнуть единым фактом». Возможно, вопрос является сугубо прикладным.

5. Объективность моделей: как создать «каркас» (основу) для модели, (максимально) соответствующую действительности? Является ли самым эффективным в этом плане использование философских категорий, а не, например, потребности практики, конвенции?

6. Если сумма частей не равна целому, то интегральные свойства аналитически не выводимы. Как тогда их конструировать? Место качества, сущности, закона в модели.

7. Каковы взаимоотношения системного подхода с другими методологиями, которые специфичны для социальных и гуманитарных наук?

8. Можно ли из любого плюрализма сделать систему без упрощения отдельных направлений? В качестве такой попытки можно рассматривать идеи В.А. Кутырева, изложенные в книге «Современное социальное познание» [6].

9. Есть ли место иррациональному в системном подходе?

10. Фрактальность мира является нашим стремлением к удобству («сжали-разжали») или реально существующим ресурсом для изучения связей между разнородными объектами?

11. Термин «системное мышление» - это не содержащий ничего реального способ привлечь внимание тех, кто стремится к совершенству («слово-мечта»)? Нечто приобретаемое (тренируемое) или такое мышление присуще лишь избранным?

Литература

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
2. Ермак В.Д. Как научиться понимать людей. – М. Астрель. – 2003. – 523 с.
3. Корсаков С.Н. О соотношении комплексного и системного подходов // Человек – наука – гуманизм : к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова [отв. ред. А.А. Гусейнов] : Институт философии РАН – М.: Наука, 2009. – 800 с.

4. Дж. О'Коннор, Искусство системного мышления. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с.
5. Крайнюченко И. В., Попов В. П. Системное мировоззрение. Теория и анализ. Учебник для вузов. – Пятигорск.: ИНЭУ, 2005. – 218 с.
6. Кутырев В.А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие. - М.: Мысль, 1988.
7. В. Н. Спицнадель Основы системного анализа: Учеб. пособие. — СПб.: «Изд. дом «Бизнес-пресса», 2000 г. — 326 с.
8. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч. 1. Исходные философ. проблемы, понятия и принципы. – Политиздат, 1991. – 672 с. Гл. 3.1. Системный подход.
9. Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1979. – М.: Наука, 1980, 1982, 1983.
10. Философско-методологические аспекты системного подхода [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.reflist.ru/doc/11079.shtml> свободный. Яз. рус.
11. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. - М., 1964.

УНИФИКАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ВЫБОРА НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Е. А. Безлекин

Новосибирский государственный университет

Логико-методологические концепции естественных наук рождаются в Новое время в трудах Ф. Бэкона и Р. Декарта (например, «Новый органон» или «Рассуждения о методе»). Однако следует заметить, что еще Платон и Аристотель в своих трудах высказывали некоторые интересные методологические замечания. Так, Платоном предложен метод познания, основанный на выработке строгих понятий, математизации и рационализации. Он также пытался описать все небесные явления, разложив их на простые элементы – окружности. Аристотель поставил цель понять и объяснить окружающий мир, исходя из абсолютизации наблюдений. Он выдвигал такие требования к научной теории как экономия причин для объяснения явлений и внутренняя непротиворечивость теории.

Таким образом, определенные методологические принципы выдвинулись еще на заре развития науки.

Рассматриваемый принцип унификации занимает важное место как в методологии научного познания, так и в истории развития науки. Унификация понимается нами в этимологическом значении слова - как приведение к единобразию, к единой форме или системе. Это определённый метод стандартизации. Также можно назвать этот принцип единством физической (в данном случае) картины мира. От принятого определения принципа унифи-

кации следует отличать принципы редукционизма и простоты. Согласно этим принципам сложные явления могут быть объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым. Отграничим от этих принципов наивно-реалистический подход, при котором простота теории объясняется простотой природы.

Отметим, что эти принципы очень часто в истории науки оказываются объединенными, часто тождественными. Так, например, М. Планк говорил, что все физические явления могут быть, по его мнению, полностью сведены к движениям материальных точек. [1] Здесь мы видим как проявление принципа унификации (сведение к механике), так и принципа простоты (понимание физических явлений как совокупности материальных точек, что является базовой физической абстракцией). Можно охарактеризовать синтез данных принципов как принцип глобальной простоты. [2] Именно поэтому представляется важным разграничить данные методологические принципы.

Некоторые принципы, как нам кажется, основываются, а некоторые основывались ранее на определенных метафизических основаниях, т.е. некоторых аксиомах. Так, принцип редукционизма основывается на абстрактно понимаемой идее простоты. Например, восходящая к античности и Средним векам интерпретация: простота является непременным атрибутом рациональности, следовательно, истинное знание о мире и путь к нему характеризуются простотой. Принцип математизации знания основывается на том, что мир может быть полностью описан количественно. Однако обратим внимание на противоречивость в самой математике. Принцип наблюдаемости основан на том, что теория должна иметь эмпирическое обоснование ее исходных посылок и существенных логических следствий из них. Однако существует тезис Дюгема — Куайна, который гласит, что в силу системного характера научного знания эмпирическая проверка отдельно взятых положений теории невозможна.

Таким образом, определенные метафизические, т.е. недоказуемые предпосылки можно обнаружить в эволюционном развитии методологических принципов.

Поэтому, как нам кажется, для принципа унификации можно ввести следующую метафизическую предпосылку - стремление человека экстраполировать уже известное (открытое) на неизвестное. Так, например, космологическая концепция И. Канта была сначала развита им для планетной системы, а затем экстраполирована на Вселенную. Можно отметить экстраполирование на мир принципов механики и связанную с этим попытку сведения явлений природы к движениям материальных точек (это уже редукция). Нельзя не заметить, что еще Аристотель выступал против неоправданной экстраполяции привычных земных явлений на весь космос, что нашло свое отражение в делении им мира на подлунный и надлунный.

Отметив некоторые особенности, связанные с принципом унификации, мы хотели бы кратко обозначить его проявления в естественных науках, а именно в астрономии и физике.

Обратим внимание на попытки объяснения всей физики из механики, что проявлялось в Новое время. С развитием теории электромагнетизма (которую не удалось свести к механике) началось ее экстраполирование на всю физику. Далее, следует обратить внимание на объединение волновой и кор-пушкилярной теорий движения частиц. А. Эйнштейн объединил принцип относительности с постоянством скорости света, на чем построил теорию относительности. Г. Минковский объединил пространственные и временную координаты (однако М. Борн говорит, что это чисто математическое единство). В общей теории относительности произошло слияние поля тяготения с метрикой структуры пространства-времени. В теории суперструн объединяются общая теория относительности с квантовой механикой. Наконец, на сегодняшний день разработано пять теорий суперструн, которые, по мнению Э. Виттена, объединяются в так называемую М-теорию. Также великим объединением называют попытки свести воедино четыре известных фундаментальных взаимодействия в физике.

Последнее, на чем мы остановимся – это на связях, существующих между методологическими принципами. Так, принцип унификации, с одной стороны, базируется на принципе математизации знания. С другой стороны, он поддерживается принципом симметрии и принципом сохранения, которые работают при построении отдельных теорий и сведении этих теорий в единую сущность. [1] Связь с принципом простоты мы описали.

Таким образом, следует обратить внимание как на разграничение, так и на взаимосвязь и комплементарность методологических принципов.

Литература

1. Методологические принципы физики. – М., 1975.
2. Симанов А. Л., Стригачев А. Методологические принципы физики: Общее и особенное. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1992.
3. Методологический анализ физического познания. – Киев., 1985.

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ

А. Ю. Моисеева

Новосибирский государственный педагогический университет

Цветовосприятие со времен древних греков и по сей день является одной из самых интригующих проблем философии сознания. По данным физики, в природе цвета представлены длинами световых волн, отражаемых объектами, и длины эти изменяются в видимом диапазоне непрерывно. Мы же выделяем в языке отдельные цветовые категории, причем от языка к языку их количество и объем могут сильно различаться. Антропология дает здесь поразительные примеры. Так, в центре дискуссий долгое время находился дани, один из языков Индонезии, где есть только два наименования цвета: «mill»

для черного и всех холодных цветов; «mola» для белого и всех теплых цветов. Значит ли это, что говорящие на дани видят мир подобным картинке на экране черно-белого телевизора?

В середине прошлого века так и считалось. Антропология тогда находилась под влиянием релятивистского направления в философии языка, и в первую очередь – гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Ее приверженцы утверждали, что категории, в которых для человека естественно воспринимать мир и мыслить, находятся в сильной зависимости от исторически сложившейся системы языка, на котором этот человек говорит. Отсюда делался вывод, что искать универсальную для разных языков систему значений в какой бы то ни было сфере – дело почти безнадежное [1], тем более в сфере терминологии, относящейся к ментальным состояниям, в частности, — к восприятию цвета.

Естественные науки, напротив, находились в тот период под влиянием позитивистского проекта, поставившего себе целью избавить ученых от необходимости использовать понятия, значение которых не может быть объективно определено. Это относилось и к цветам. Была сформулирована позиция элиминативизма,[2] согласно которой термины цвета вообще не имеют реальных референтов: объекты действительно по-разному отражают свет, но приписывание им цветовых свойств – не более чем общая ошибка. Одной из современных разновидностей элиминативизма является проективизм, предполагающий, что цвета существуют лишь в качестве ментальных состояний, безосновательно проецируемых людьми на окружающий мир.

Но, как нетрудно заметить, элиминативизм мог удовлетворить лишь представителей естественных наук. Ученые-практики обратились к экспериментам. В 1969 г. Брентом Берлином и Полом Кеем было проведено одно из первых широко известных исследований восприятия цвета, и результаты его можно было расценить как победу универсалистского направления над релятивизмом. По утверждению авторов, хотя испытуемые говорили на 20 языках с сильно различным количеством и объемом цветовых категорий, в качестве наиболее репрезентативных образцов категорий выделялись одни и те же «фокусные» цвета: англ. «red», «green», «yellow», «blue», «brown», «orange», «pink», «purple», «black», «white», «grey». Эксперимент Берлина-Кея открыл дорогу множеству работ, которые с философской точки зрения явно или неявно придерживались физикализма – позиции, согласно которой восприятие цветов обусловлено физическими реалиями, например, объектами микромира и отражающими свойствами поверхностей.

С развитием нейрофизиологии физикализм обогатился психофизическими данными. В 1978 г. Кеем и МакДаниэлом была выдвинута первая правдоподобная теория цветовосприятия. Она основывалась на наличии в нервных путях, идущих от глаза к мозгу, шести типов клеток, реагирующих на цветовые стимулы: двух типов для красно-зеленых стимулов, двух – для сине-желтых стимулов, одного типа клеток, реагирующих на свет, и одного – на темноту. Сегодня основанное на этой теории разложение цвета на шесть основных

цветов (красный/зеленый, синий/желтый, черный/белый) широко применяется на практике, например, дизайнерами. В конце 1970-х гг. для проверки результатов Берлина-Кея и теории Кея-МакДаниэла было проведен Международный Цветовой Тест, [3] в котором участвовали люди, говорящие на 110 языках. Результаты показали, что действительно существуют цвета, образующие определённые пики восприятия фотонного спектра, общие практически для всех: англ. «red», «brown», «yellow», «green», «blue», «purple».

Однако параллельно появлялись новые данные об особенностях цветовосприятия, связанных именно с языком. В случае того же дани говорящие хотя и научились различать основные цвета с помощью искусственных обозначений, но делали больше ошибок, чем европейцы [4]. А носители беринмо, одного из языков Папуа – Новой Гвинеи, в экспериментах часто путали цвета, соответствующие в нашем понимании синему и зеленому [5]. Очевидно, причина в том, что для беринмо это один цвет «nol». Интересно, что другой цвет «wog», включающий наш желтый, а также оттенки оранжевого, коричневого и желто-зеленого, они уверенно отличали от «nol», чего не могли сделать англичане, которым граница между этими цветами казалась искусственным разделением зеленой части спектра. Недавние эксперименты Джонатана Вайнауэра показали, что русскоговорящие быстрее англоговорящих различают «синий» цвет и «голубой», для которого в английском языке отдельного термина нет [6]. Корейцы же отличают и называют особым словом специфический желто-зеленый цвет, почти никак не воспринимаемый европейцами. Таким образом, изучать цветовосприятие с лингвистической точки зрения оказывается вполне осмысленным.

В данном случае на поверхность выступает основная проблема физиалистского подхода: ни семантика цветообозначений, ни свойства феноменального цветового пространства не поддаются объяснению в его русле. Например, лингвист Анна Вежбицкая замечает, что результатом исследований здесь является, по сути, лишь набор межъязыковых соответствий для терминов цвета [7]. Подход самой Вежбицкой с философской точки зрения представляет собой разновидность примитивизма – позиции, согласно которой цвета являются свойствами объектов сами по себе, они не продиктованы ни особенностями восприятия, ни физической структурой мира. Единственным способом установить значения терминов цвета здесь является соотнесение их с другими словами. Проблема в том, что выбор семантических примитивов всегда остается спорным, не говоря уже о межъязыковых соответствиях. Очевидная слабость примитивизма состоит в том, что постулирование цветов как отдельных свойств не является необходимым, пока существует возможность их выведения из физических свойств мира и законов восприятия.

Здесь можно упомянуть также философов интенционалистского направления, по мнению которых восприятие вообще существуют лишь как вторичный феномен сознания. Для интенционалистов важно лишь, чтобы субъекты обладали одинаковой структурой различений, тогда коммуникативная интен-

ция фраз типа «трава зелена» будет выполняться вне зависимости от разницы в содержании восприятия. Вероятно, значение слова «зеленый» и не может быть установлено таким же способом, как, например, для слова «квадратный». «Согласно некоторым интенционалистам, таким как Г. Эванс и Т. Крэйн, основное различие заключается в том, что восприятие обладает "неконцептуальным содержанием"...Идея неконцептуального содержания состоит в том, что восприятие содержания, что *S* является *P*, не требует владения соответствующими понятиями. Иными словами, речь идет о способности воспринимать чистую данность, о которой так много говорили ранние феноменологии и к которой взывал Э. Гуссерль» [8].

Преодолеть разрыв между биологией и феноменологией цвета пытаются современные версии диспозиционализма. Эта точка зрения восходит к Джону Локку, который утверждал, что говорить о цвете объектов можно лишь в рамках определенных условий: при нормальном освещении, нормальном воспринимающем и т.д. В терминологии Локка, цвет является вторичным признаком, подобным, например, ядовитости. Сильной стороной данной позиции является отсутствие в ней сомнительных упрощений, слабой стороной – то, что границы «нормальных» условий нужно для каждого случая определять отдельно.

Одной из разновидностей диспозиционализма можно считать разработанную недавно Эваном Томпсоном и соавторами экологическую точку зрения, согласно которой цвет – это качество процесса восприятия, со-определяющееся объектом, воспринимающим субъектом и окружающей средой. Восприятие, считает он, не является статичной схемой, оно формируется в процессе деятельности и должно изучаться в широкой сравнительной перспективе. В своих работах Томпсон [9] опирается на данные о цветовом зрении животных и рассуждает об эволюционных факторах, сформировавших такое положение дел. Его подход представляется перспективным при условии, что значение некоторых терминов (например, термина «со-определяется») будет дополнительно прояснено.

Литература и примечания

1. Тезис этот, сам по себе обескураживающий, позже углубил Уиллард Куайн, который показал, что даже в рамках одного и того же языка люди никак не могут быть уверены в том, что употребляют слова в одних и тех же значениях. Но поскольку принятие онтологической относительности Куайна делает неясным само понятие языка, предпосылкой в данной работе должно стать допущение, что естественные языки все же обладают некой устойчивой системой значений, в частности, значений терминов цвета.

2. Здесь и далее названия позиций даются по: A. Byrne, D. Hilbert, Our Vision, Philosophical Issues About / Macmillan Encyclopedia of Cognitive Science (2000) – <http://mit.edu/abyrne/www/ColourVision.pdf>

3. World Color Survey – <http://www.icsi.berkeley.edu/wcs/>

4. Лакоф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи / Пер. с англ. – М., 2004, с. 64.
5. P. Kay, T. Regier, Color Naming Universals: the Case of Berinmo / Cognition (2007), V. 102, pp. 289-298.
6. J. Winawer, Russian Blues Reveal Effects of Language on Color Discrimination – <http://www.pnas.org/content/104/19/7780.abstract>
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М., 1996, с. 236 и далее.
8. Винник Д.В. Основная проблема современной философии сознания. // Философия науки. – 2010. — №1. – С.102-122. — С.113.
9. См., например: E. Thompson, Colour Vision, Evolution and Perceptual Content / Synthese (1995), V. 104, pp. 1-32.

abyssian03@gmail.com

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ЦВЕТА КАК АРГУМЕНТ ДОСТОВЕРНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Е. Б. Черезова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Рассмотрим вопрос о природе цвета как частный случай пересечения вопроса о том, как устроен мир и вопроса о природе нашего восприятия. Проблемой является как само существование цвета, так и мера его независимости от наблюдателя. Казалось бы, обыденная практика дает достаточные основания утверждать как первое, так и второе. Однако, отдельные девиации восприятия, описанные в нейронауках, многочисленные иллюзии, проблема существования метамерных пар и умозрительные эксперименты (комната Мэри, инвертированный спектр), а также рост популярности конструктивистских взглядов на природу содержания ментального в гуманитарных науках (1) делают обоснованным скептический взгляд на природу цвета. Если перейти к рассмотрению теорий относительно природы цвета, то проблема его существования становится нетривиальной. Если композиция из банана, яблока и апельсина воспринимается пациентом О. Сакса как ароматическая, Вами как «живописная», а человеком с синестезией как звучащая в мажорных тонах, и каждый убежден, что все видят мир точно также, то каковы основания выбора более правдоподобного описания (в смысле К.Поппера), т.е. является ли ряд этих описаний проверяемым. С позиции И. Нининилуота можно предположить меньшую адекватность ароматического описания в силу меньшей смысловой нагрузки, но выбрать между вторым и третьим вариантом мы не сможем. Допустим, что восприятие каждого отдельного субъекта индивидуально настолько, что никогда не может быть тождественным в полном объеме восприятию другого субъекта. Тогда можно предположить, что при опросе очень большого количества, достаточного для действия зако-

на больших чисел, респондентов, о том, что они видят, глядя на нашу фруктовую композицию и какие группы сходных восприятий цвета могут сформировать из других восприятий обыденного опыта (например, банан желтый как цыпленок, одуванчик др.) мы получим некое цветное описание, похожее на наше второе «живописное» описание. Такой мысленный эксперимент из области психологии может быть представлен как слабый вариант рассмотрения тезиса Б.Тэйлора об интерсубъективности как условия реальности существования объекта. Если объекты, доступные эпистемическим точкам зрения Бога, человека и зеленых марсиан можно соотнести между собой, то можно утверждать существование объекта (2). Будем считать и мы, что чем разнороднее эпистемологический базис, т.е. разнороднее субъекты, осуществляющие перцепцию, тем больше оснований для выдвижения гипотезы об онтологическом статусе цвета как существующего реально и независимо от наблюдателя.

Усилим идею нетождественности индивидуальных восприятий до качественной разнородности субъектов восприятия, о существовании которых мы знаем больше, чем о Боге и марсианах. Цвет воспринимается людьми разного возраста и разных культур. Пожалуй, можно выделить новорожденных и младенцев первого полугодия в отдельную категорию воспринимающих субъектов, перцепция которых максимально индифферентна языку. Другой категорией субъектов восприятия являются насекомые, отличающиеся от людей и строением зрительного анализатора и уровнем развития нервной системы, хотя есть основания полагать (в силу сохранности функции мастергена у далеких групп – насекомых и позвоночных) общее происхождение глаз у всех двустороннесимметричных животных. Если цвет является воспринимаемым столь разнокачественными субъектами, то есть ли основания относить его к виртуальным свойствам (*virtual properties*), как, например, флогистон? Аргумент общности генезиса нервной системы может быть использован двояко. С одной стороны, при всей мощности процессов дивергенции в эволюции видов, на самых разных уровнях организации жизни (головоногие, членистоногие, беспозвоночные, позвоночные) сохраняется такое важное свойство как цветоразличение. По всей видимости, оно связано с жизненно важным свойством окружающей действительности, существующем не зависимо от типа анализатора и общей архитектуры воспринимающего мозга (мозг человека с его неокортиексом отличается от надглоточного и подглоточного ганглиев пчел). С другой стороны, все же это работа хоть и разных систем восприятия и обработки информации, но кодирующаяся единым генетическим кодом и поэтому цвет может оказаться систематическим эпифеноменом совместной работы нейронов и экспрессии генов. Еще академик А.А. Заварзин в свое время обратил внимание на удивительное анатомическое сходство в построении цепей передачи информации в зрительной системе позвоночных, насекомых и головоногих моллюсков — высших животных из далеко отстоящих таксонов, и сходство это, по его мнению, трудно припи-

сать происхождению от общего предка, поскольку в эволюции эти линии разошлись на довольно низком уровне и развивались параллельно (3).

По-видимому, каждая модальность внешнего воздействия — свет, звук, запах — может анализироваться с помощью весьма ограниченного набора основных принципов способов их осуществления. Вероятно, что эволюция сенсорных систем идет в соответствии с физическими свойствами внешнего мира на основе древних генов. Тогда, цвет есть свойство внешнего мира, схватываемое организмами, содержащими ДНК, от уровня фоторецепции нескольких квантов простейшими, до дифференцированного восприятия части спектра у многоклеточных. Если это так, то в качестве натурализованного варианта обоснования уровня объективности существования цвета в духе Б.Тэйлора следует перейти от анализа биологической разнокачественности субъектов восприятия к эпистемологической. Для этого необходимо выделить разные парадигмы исследования, в которых фигурирует цвет в качестве объекта и показать, что это не разные фрагменты действительности, имеющие одинаковый ярлык — «цвет», а действительно один объект с разных эпистемических точек зрения.

Литература

1. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. — 2011. — № 6. — С. 75–81.
2. Н.В. Головко научный реализм и истина: от объектного реализма к оправданию иронической науки. Электронный ресурс [<http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/01/image/077-086.pdf>]. — режим доступа: свободный.
3. Грибакин Ф.Г. Биосенсоры органов чувств // Наука и жизнь. — 2001. — № 4. — С. 68–74.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

О. А. Козырева

Уральский федеральный университет (Екатеринбург))

Идея искусственного интеллекта с самого начала своего возникновения поставила перед научным сообществом и всем человечеством важный вопрос, касающийся не только возможности существования разума искусственного происхождения, но и последствий его возникновения. Споры активно ведутся по сей день и не утихнут еще долгое время, потому что «мы не в состоянии сказать, как должно быть организовано мышление» [1].

Философы при рассмотрении подобных вопросов часто говорят о негативных последствиях вступления в наш мир разума, сотворенного человеком. Положительные оценки сингулярности теряют свою актуальность, когда начинаются разговоры о порабощении человеческой цивилизации машинами и компьютерами и об утрате господства людей на планете. Подобные гипоте-

зы будут возникать вновь и вновь, подкрепляясь, порой, необоснованными беспокойствами ученых и культурных деятелей.

Искусственный интеллект продвинутого уровня возникнет неизбежно, так как это «вершина развития информационных технологий»[2]. Настолько естественен этот процесс расширения человеческого знания и науки, что было бы глупо и недальновидно считать, что мы еще в состоянии отказаться от опасных попыток его создания. Любое общество развивается с возрастанием сложности решаемых вопросов, и так как разум человека пока стоит на первом месте в списке неразрешенных проблем человечества, то к ответу на этот вопрос люди непременно подойдут в будущем. Временные рамки этого события не могут быть определены конкретно в момент нашего существования, переломный момент будет установлен уже нашими преемниками, следующим поколением, которое осознает весь смысл произошедшей безвозвратной перемены. Мы не в состоянии объективно оценить события современности, потому что объективность возникает только со сменой исторической эпохи, когда люди, живущие уже в другой системе с другими устоями и нравами, смотрят на наше сегодняшнее настоящее критическим взглядом. Но критический взгляд здесь нужно толковать не в нигилистском смысле, а именно в объективном, т.е. реалистичном и сознательном прежде всего.

Споры о необходимости создания и существования интеллекта подобного уровня будут вестись нескончаемо, и так ничем и не закончатся. Тем более стоит отметить, что каким бы решением не увенчались конгрессы и советы по проблеме сингularity, ученые не остановятся в усовершенствовании своих технологий. Поэтому на долю философов остаются небесплодные размышления о принятии человеком роли Бога, а наущная помощь обществу, находящемуся на грани перехода в новое состояние. Ведь опасность искусственного интеллекта таится не в нем, а в самом человеке: человеческая жадность, стремление к славе, жестокость, честолюбие, легкомыслие и слабость ума порождают все те последствия, которые ставят под сомнение целесообразность и полезность идеи искусственного разума.

Большая опасность таится в человеке – естественном создании природы – чём в вещах, которые он создает. При разумном использовании в нашем мире безопасно практически все. Опасность создает только человек. И только он способен эту опасность преодолеть. Искусственный интеллект как машина адекватно сможет существовать даже сегодня при неподготовленных умах населения Земли. Когда писатели-фантасты рисуют для нас картины порабощения искусственным интеллектом и робототехникой, они воспроизводят человеческие пороки – желание убивать, стремление к насилию, жажду власти и т.д. Но кто сейчас способен ответить на вопрос: а будет ли искусственный разум таким же жестоким, как человеческий? Если ученые заложат в него программу уничтожения, то, да. А если не заложат, то, на каких основаниях, кроме наблюдений за поведением самих людей в обществе, мы осуждаем машины за совершение возможных грехов? Мы лишь перекладываем на

технику собственные модели девиантного поведения, создавая таким образом общество, похожее на современное.

Возможно (опять повторюсь, что сейчас мы не можем дать каких-либо четких оценок поведения механического разума в обществе за неимением подходящего опыта), искусственный интеллект в своем уже независящем от человека развитии минует стадию агрессии и неповиновения создателю. Можно предположить, что он принесет в наше общество новую мораль и новые законы, которые помогут самим создателям стать более спокойными и социальными. Его деятельность помимо положительной оценки, признаваемой всеми без исключения научными сообществами, не будет нести в себе негативной. Подобная утопия, на первый взгляд, вполне возможна, если касаться только вопросов, связанных с физическим выживанием людей в мире. Но здесь кроется другая опасность: социальная. Например, не исключена возможность полного перехода человечества на компьютерное общение, что категорически плохо скажется на внутреннем психическом состоянии каждого индивида в обществе. Именно такие социальные дисгармонии в итоге могут привести к реальным проблемам выживания человека как личности.

Главным способом преодоления негативных физических, и социальных последствий возникновения искусственного интеллекта является осознанное человеческое понимание появляющихся проблем. Человек должен осмысльить и определить для себя, что ему важно и необходимо. Такой сложный путь – единственное возможное решение всех вопросов о существовании и развитии искусственного интеллекта.

Литература:

1. Хант Э. Искусственный интеллект/Пер. с англ. Белова А.Д.,Ю.И. Крюкова. Под ред. В.Л. Стефанюка – М.: Мир, 1968. – 559с.
2. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 208 с.

История философии в новом интеллектуальном контексте

ОСМЫСЛЕНИЕ РАННЕСТОИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «АВТАРКИЯ»*

А. А. Санженаков

Институт философии и права СО РАН

Прежде чем перейти к рассмотрению и осмыслению понятия «автаркия» (autarkeia) в рамках раннестоической традиции, скажем несколько слов

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №.11-33-00347а2).

о его истории. Это понятие, условным русскоязычным аналогом которого может выступать «самодостаточность», было введено в философский оборот Демокритом. До него этот термин использовался только как прилагательное (*autarkēs*), не имея отношения к философии. Философская составляющая, которой Демокрит наполнил этот концепт, заключалась в том, что «*auto* – в термине дает не усиление, а точность, отсутствие выхода за строго ограниченные пределы, тем самым автаркия у него обеспечивает минимальные жизненные потребности и имеет коннотации естественности» [1]. Приближенность к природе посредством отказа от того, что не относится к естественным потребностям (а значит, по природе не может быть желаемым) – именно в таком значении автаркия входит в философский язык.

Обратимся теперь к фрагментам ранних стоиков и выясним, какие новые смысловые оттенки добавили стоики в содержание данного термина. Стобей, перечисляя эпитеты добродетели, отмечает, что она самодостаточна (*autarkes*) «поскольку ее достаточно (*eksarkein*) для того, кто ею обладает» (III 208). Андроник Родосский: «Самодостаточность – настрой, позволяющий довольствоваться необходимым и само собой доставляющий то, что потребно для жизни» (III 272). Суммировав эти выдержки, мы можем заключить, что стоическое понимание «автаркии», с одной стороны, во многом схоже с демокритовским, с другой стороны, понятие «автаркии» обогащено новым смыслом. Каким же именно? Стоики, в отличие от Демокрита, посредством «автаркии» характеризуют не просто человека, ограничивающегося минимальными потребностями, а человека добродетельного. На первый взгляд смысл один. В самом деле, будет ли равнозначным сказать: «автаркиен человек с минимальными потребностями» и «автаркиен человек добродетельный и в силу этого имеющий минимальные потребности»? Мы полагаем, что эти положения нельзя считать равнозначными. Демокрит ставит на первое место человека вождяющего (именно поэтому «исходным пунктом этики Демокрита является основоположение, что от природы каждое живое существо стремится к удовольствию и избегает страдания» [3, с.144]), но в силу своего разума, ограничившего себя минимумом: «ячменная лепешка и соломенная подстилка – вот самые сладкие лекарства от голода и усталости» (fr. 246, 1 DK). Для стоиков же приоритетным является добродетель человека (=абсолютное благо), все прочее (=относительные блага, как то здоровье, слава, богатство) прилагается (=предпочитается), но расценивается как безразличное (*adiafora*). Таким образом, между добродетелью как конечной целью человеческой жизни и безразличным как областью условных и ситуативных ценностей глубокая пропасть.

Зафиксированное нами разночтение выводит стоическую этику на качественно иной уровень по сравнению с предыдущей традицией. Еще античные доксографы обратили на это внимание, в частности, у Цицерона находим следующее свидетельство: Зенон «утверждал, что не только пользование добродетелью (как считали его предшественники), но и само по себе добродетельное расположение души прекрасно» (I 199). Таким образом, стоики

высоко ценили добродетель саму по себе, а не добродетельные поступки, не смотря на то, что они есть ее последствия. Красной нитью через весь корпус стоических текстов проходит рефрен: «Добродетели достаточно для счастья» (I 187-189, III 49-67). Следовательно, практическая реализация добродетели не стояла на первом месте в стоической этике. «Стоики изъяли мораль из мира, оторвали личное достоинство от личного счастья, полностью оградили добродетель от искажающих её эмпирических воздействий» [2, с. 11]. Безусловно, это было связано с детерминистским пониманием мира и, как следствие, отсутствием свободы человека. Оценив мир как совокупность необходимых причинно-следственных связей, стоикам пришлось поместить свободу в душе человека.

Продолжив осмысление стоического понятия «автаркия», мы выдвигаем гипотезу, что содержание этого концепта стоит дополнить еще одной характеристикой – самозамкнутостью. Под последней мы будем понимать отсутствие прямой связи между добродетелью и деятельностью добродетельного человека. Безусловно, такая интерпретация «автаркии» связана с определенными трудностями. Сложно представить, что добродетельный человек в своих поступках не руководствуется добродетелью, в то время как она есть его суть (уклад души, по Аристотелю). Этому тезису противится здравый смысл. Если же данное положение рассмотреть в рамках стоической философии, то его противоречивость сглаживается. В стоической философии мы находим понятия (*fantasia hormetike, sunkatasthesis praktikas*), свидетельствующие о том, что стоики отделяли практический уровень от теоретического уровня. Так как у стоиков есть понятия, которыми они оперируют и на уровне теории, и на уровне практики (например, «согласие» [теоретическое] и «согласие практическое»), мы можем заключить, что эти два уровня параллельны друг другу. Как следствие, каждый из этих уровней имеет основание в самом себе.

В итоге мы заключаем, что раннестоическое понятие «автаркия» позволяет стоикам вывести свою этику на качественно иной уровень по сравнению со своими предшественниками. Кроме того, имеет смысл говорить о привнесении стоиками новых характеристик в это понятие. Одна из них – самозамкнутость – была нами рассмотрена.

Литература

1. Брагинская Н. В. Автаркия // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2010. С. 43-46.
2. Гусейнов А. А. Двухуровневая структура ценностей в стоической этике // Этика стоицизма: традиции и современность. М., 1991. С. 9-27.
3. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. С. 397.
4. Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. М., 1998. 229с.
5. Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Хрисипп из Сол. Ч. 1 Этические фрагменты. М., 2008. 300 с.

sanzhenakov@gmail.com

АНТИЧНАЯ КОМЕДИЯ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ, ПОЛИТИКУ, ИДЕОЛОГИЮ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Е. В. Глебов

Новосибирский государственный университет

Античная комедия зачастую воспринимается как одно из обычных проявлений «карнавальной культуры», то есть явление, которое, давая смеховую разрядку в рамках достаточно жёстко организованного общества, остаётся достаточно самозамкнутым. Якобы, повеселившись на представлении, греки по окончании его возвращались к повседневности, в которой влиянию комедии места не было, или даже попадали в ситуацию, когда разоблачающий смех на представлении лишь укрепляет стремление в остальное время соблюдать законы, нормы, правила. Не уверен, что умозаключения «карнавальной теории» верны за пределами того исторического периода и того региона, для которого они были сделаны Бахтиным, а именно периода позднего Средневековья и Возрождения в Южной Франции. Но даже если бы «карнавальная теория» была верна для большинства культур на протяжении человеческой истории, именно ситуация в Древней Греции эпохи расцвета классической комедии является фальсификатором этой теории.

Дело в том, что в классической Греции посещение театра было фактически обязательным для всех граждан. Очень часто также забывается, что полис соответствует современному понятию «государство», а не «город», то есть зрителями были ВСЕ граждане государства. Такой ситуации в истории, насколько известно, не было больше нигде и никогда. Более того, все эти граждане получали субсидию в 3 обола, и получалось, что за то веселье на комедии (и за сопререживание на трагедии), которое они испытывали, им платили вполне приличные по тем временам деньги. 3 обола равны 2,5 гр. серебра, а по покупательной способности это двухнедельный прожиточный минимум. После Пелопонесской войны субсидия была увеличена в 2 раза, и «касса феорикона», как называют её историки, стала крупнейшей статьёй расходов бюджета Афин. На каждые театральные празднества из бюджета уходило около сотни килограмм серебра, а Великие Дионисии требовали свыше тонны серебра, к тому же следует включать в расходы талант (26,2 кг золота, покупательная способность грамма золота и грамма серебра в то время была примерно 20 к 1) как премию автору-победителю и полталанта за второе место. Так что «театральная промышленность» была важной отраслью хозяйства Афин в начале классического периода и стала доминирующей в конце его. Получается, что комедия лёгкий жанр только в эмоциональной сфере, а сфере экономики — весьма тяжёлый. За год любой управляющий «касской феорикона» легко становился олигархом, за это место борьба в итоге шла более жестокая, чем за пост архонта. Таким образом, сам факт того, что регулярно ставились комедии, имел важнейшее значение для экономики Греции, безотносительно их содержания.

Содержание влияло на политику и идеологию. Когда ВСЯ страна эмоционально включается, а потом обсуждает, например, злые сатиры Аристофана на архонта Клеона, это не может не влиять на поведение правительства, и, шире, на государственную политику. «Облака» несомненно повлияли на инициацию суда над Сократом, а скорее всего и на результат суда. А ведь процесс Сократа есть крупнейший эпизод не только внутренней политики Афин после Пелопонесской войны, но и всей идеологической и политической истории Греции. Даже в мелочах можно проследить, например, трансформацию политической терминологии под воздействием комедий. Так, слово «идиотай» первоначально означало гражданина-жителя деревни, в противопоставлении с «политикойменой» - гражданин-житель города, то есть служило маркером социальной стратификации. Свой нынешний отрицательный смысл оно приобрело, скорее всего, под воздействием неоднократного повторения эпизодов такого типа: приезжает из деревни на рынок селянин, а все вокруг обсуждают «Женщин в народном собрании». «А в чём дело?» - интересуется он, и все вокруг печально качают головами: что поделаешь, типичный идиотай, в театр не ходит... И постепенно слово приобретает современное значение «человек, который ничего не знает, не понимает».

Подобные примеры которых можно привести ещё множество, даже независимо от количества, подводят нас к выводу, что комедии, которых только на Великих Дионисиях ставилось до 50, оказали влияние на все основные стороны жизни Афин, выражаясь марксистским языком, «от базиса до надстройки». И их влияние должно было сказываться ещё долго после того, как период величия Афин и расцвета классических комедий, миновал.

glebov99@ngs.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭСХАТОЛОГИИ КАК КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПРОЦЕСС СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Э. И. Мартынюк

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Е. Э. Никитченко

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

Эсхатология как представления о конце света, начавшиеся формироваться в эпоху господствующего мифомышления, во многих интерпретациях, в зависимости от общей картины мира того или иного рода, племени и протогосударственного образования, вплоть до дифференциации синкретического сознания играла центральную роль в мировоззрении наших предков.

Аврамистическая религиозная традиция превратила «конец света» в «смысл истории», сделав время линеарным, что собственно способствовало становлению истории как науки, исследующей прошлое в настоящем, для извлечения уроков на будущее. Такого рода смыслы обрели и все иные сфе-

ры жизнедеятельности в иудео-христианской цивилизации. Конечно, будет чистой редукцией – сведение всех форм общежития лишь к ожиданию всеобщего Апокалипсиса, либо смерти близких и своей собственной, но обнаружить присутствие эсхатологических чаяний в социальной, либо индивидуальных практиках тоже ведь не составит большого труда, причём в любые времена, в конце-концов, даже не зависимо от того, что думали сами участники исторических событий; раз мы сами не можем избавиться от воспитанного в нас апокалиптического восприятия мира.

Разделяя в целом подобное видение сегодняшних попыток уразуметь и объяснить окружающий мир, применительно к теме нашей статьи мы можем назвать его одной из последних характеристик нашей эпохи свидетельствующей и именно об актуализации эсхатологии как конвергентного процесса современной религиозной жизни.

А теперь, перейдём, непосредственно к теме нашей статьи. В религиоведение понятие «конвергенция» как термин впервые ввёл Генрих Фрик (1893–1952), считавший сравнение религий исходным пунктом их изучения. В обосновании необходимости использования подобной научноёмкой терминологии он ссылался на традицию идущую от Шлейермахера, а из современников он приводил в качестве положительного примера использования такого рода понятий Рудольфом Отто, применявшего помимо «Закона параллелей в истории религий», и такие понятия как «гомология» и «аналогия». Кроме того, техника сравнения религий должна была быть пополнена, по мнению Г. Фрика ешё и таким термином как «habitus», тоже, как и все вышеуказанные термины почерпнутым из биологии (точнее из сравнительной морфологии органических форм жизни, достигшей несомненных успехов в классификации изучаемых объектов). Однако, как следует из дальнейшего содержания «Сравнительного религиоведения» Г. Фрика, под «конвергенцией» он подразумевал лишь характеристику наличия параллелей в развитии разных религий [1;134].

Между тем, лингвистический смысл «конвергенции» («склоняться, сближаться, сходитьсь в одной точке), и его научное содержание («сходство», «сближение», «слияние») значительно шире, чем используемое в религиоведческой литературе, до сих пор следующей предшествующей традиции, начало которой положил Г. Фрик. В рассматриваемый период он уже начал применяться в теологии и популяризирующих её идеи масмедиа в качестве констатации процесса становления нового типа взаимоотношений между представителями различных религий. Для краткости эти новые взаимоотношения охарактеризуем как: а) тенденцию к сотрудничеству в различных сферах социальной деятельности; б) тенденцию к объединению различных дениминаций; в) стремление к созданию единой всемирной религии и т.д. и т.п.

Ныне термин «конвергенция», используемый во всей его лексической полноте (прежде всего в значениях «сходство», «сближение» и «слияние») может быть применим для характеристики и классификации основных тенденций и процессов, сформировавшихся или обретших новое актуальное вы-

ражение в религиозной жизни во второй половине XX века. Как нам представляется, на сегодняшний день они таковы: акселерация, актуализация социальных доктрин, актуализация эсхатологии, американизация, вельтизация, виртуализация, глобализация, диалог, консюмеризм, модернизм (постмодернизм), новые религиозные движения, паксизация, приватизация, рационализация культовой практики, ревивализм, рост инклузивизма, секуляризация, синкретизм, сциентизм, современный религиозный плюрализм, унификация эзотеризации, толерантность, феминизация, фундаментализм, харизматизация, эгосинтонизация, эзотеризация, экуменизм (Подробнее см.: [2], [3].

«Актуализация эсхатологии» - определяется нами как такой конвергентный процесс, который имеет своим содержанием усиление и распространение как в религиозной среде, так и вне её ощущений, настроений, представлений, базирующихся на давно сложившихся и новых воззрениях, связанных с ожиданием приближения конца человечества и существующего мира. Этот процесс обусловлен именно современными, общими для всех конвергентных процессов причинами: экономические кризисы, социальные потрясения, историческая обстановка, и т.д. и т.п. и связанными с ними разочарованиями людей, принадлежащих к определяемым в эсхатологических чаяниях культурам.

Особенности нижеследующие: а) распространение миллениаристских настроений в конце XX века; б) использование катрен Нострадамуса в истолковании современных событий во всём мире (вплоть до России и Японии, о которых он и не подозревал); в) общее распространение пророчеств: увеличение их источников, новое истолкование старых, появление новых пророков и ясновидящих; г) акселерация (ускорение) в назначении конкретных сроков «конца времени»; д) формирование среди новых религий так называемых «doomsday cults»; е) истолкование современных артефактов с эсхатологической точки зрения; е) изменение представлений о загробном мире (рае и аде).

Отдельно можно очертить полиморфизм современной эсхатологии. На разных основаниях можно даже попытаться классифицировать нынешнее апокалиптические представления: например, архаические, современные, фьючерсные или космологические, солярные и т.д. и т.п. В связи с классификацией по времени можно выделить и такую черту актуализации эсхатологии как полихронизм, ибо не требуется особых доказательств, что на чувства современных людей воздействуют предсказания практически всех времен и народов, в том числе, и как следствие глобализации и виртуализации, да и других социальных трендов в религиозной жизни, определяемых нами как «конвергентные процессы»

Нельзя обойти вниманием и футурологию, получившую развитие во второй половине XX века, внесшую научную струю в обоснование первоначально лишь мифологических и религиозных представлений.

Кроме того, несмотря на глобальный и конвергентный характер современный эсхатологизм обладает, также как и раньше региональными, локальными и конфессиональными чертами. Так в украинской среде особо попу-

лярным знаком наступления «конца света» была чернобыльская катастрофа, в православии (особенно российском и украинском) в качестве знамений Армагеддона воспринимаются не малым числом верующих новые паспорта, штрихкоды, идентификационные номера и т.п.

С. Аверинцев изменил финал статьи «эсхатология» в той версии, которая была опубликована в 2001 году, в «Новой философской энциклопедии» (т.4), добавив в неё «банализацию» эсхатологии вообще, распространившуюся после падения СССР и «вульгаризацию» индивидуальной эсхатологии. Отмечая это обстоятельство, К. Сигов пишет, что С. Аверинцев завершает эту новую редакцию предупреждением: «...Ситуация серьёзной эсхатологии, оказавшейся в угрожающем пространстве между агрессией и со стороны сектуляризма, и со стороны сектантского духа, проблема для сегодняшнего религиозного мыслителя, какова бы ни была его конфессиональная (внеконфессиональная) принадлежность». [4]

К вышеназванным «банализации» и «вульгаризации» эсхатологии мы бы хотели добавить ещё и её «дадаизацию» в современном обществе. У нас уже накопилось достаточно анекдотов, распространяемых СМИ, чтобы сделать вывод о высмеивании практических всех сторон апокалиптического дискурса.

Все мы понимаем, что актуализация эсхатологии как конвергентный процесс современной религиозной жизни вызывает у исследователей далеко не смешливые ассоциации. Можно даже вспомнить притчу об осаде города, когда организатор грабежа горожан услышал от верующих солдат, что жители смеются, заключил, что грабить больше нечего и если народ стал посмеиваться над «концом света», то это вовсе не прибавляет оптимизма в ожидании будущего. Есть ещё одна расхожая наррация о пастухе, который развлечения ради орал «волки» и селяне сбегались, чтобы спасти стадо, а он веселился, радуясь своему розыграшу. Но, когда на стадо действительно напали хищники, на его призыв о помощи не явился никто. В заключение нам бы хотелось указать ещё на одну черту современного эсхатологического сознания – амбивалентность, тоже в той или иной мере свойственной современному общественному сознанию в целом, но имеющими свои особенности в рассмотренной нами религиозной сфере социального воспроизведения, о которых шла речь выше.

Литература

1. Frick H. Vergleichende Religionswissenschaft. - Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter and Co., 1928.
2. Мартынюк Э. Конвергентные процессы в религиозной жизни во второй половине ХХ в./ Э. Мартынюк // Науково – дослідний центр компаративистських досліджень релігій філософського факультету ОНУ, Одеса, 2002.
3. Мартынюк Э.И., Никитченко Е.Э. Конвергентные процессы в современной религиозной жизни / Э. Мартынюк, Е. Никитченко / Вопросы религии и религиоведения. Вып. VI: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Украины [Текст]: сборник. Часть 2: Религиоведение Украины

ны конца ХХ-начала ХХI в. / сост. и общ. ред. Колодного А.Н., Филипович Л.А., Климова В.В., Шмидта В.В. - М.: ИД "МедиаПром", 2010. - 556 с.

4. Сигов К. Актуальные аспекты эсхатологии Сергея Аверинцева / К. Сигов / – Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/1188/>

НОВАЯ МЕТАФИЗИКА ЖАКА МАРИТЕНА

А. В. Колесникова

Русско-немецкий университет (Новосибирск)

Метафизика является исконно философской проблематикой. И данный тезис не оспаривался до периода Нового времени, когда усилия мыслителей были направлены на преодоление метафизики (в частности «Новый Органон» Ф. Бэкона и др.), что привело в дальнейшем, к возникновению сциентизма и антисциентизма как контрнаправлений в решении проблемы кризиса ratio и критики основных принципов классической философии. Но преодоление обозначенных проблем возможно и на других основаниях, что продемонстрировано в русской религиозной философии рубежа XIX-XX веков и в Западно-европейской философии середины XX века, в частности в неотомизме, официальной философии обновления современного католицизма (aggiornamento) в учении Жака Маритена.

В неотомизме происходит европейское возрождение сущностной метафизики на основании современного прочтения «вечной философии» Фомы Аквинского, ведь без «сияния вечных ценностей» (Истины, Красоты и Блага) немыслима гармония внутреннего мира личности, сама бытийность и культура в целом. Современное прочтение подразумевает и корреляцию с философскими достижениями последнего столетия, и анализирование популярных идей классической традиции.

Ж. Маритен критически осмысливает феномен Реформации и особенно деятельность М. Лютера как разрушение гармонии средневекового мировоззрения, что привело «разнужданного Ренессансом» человека к торжеству рационализма и эмпиризма, одинаково разрушительных для бытийных основания существования. Ставка на выгоду, извлечение непосредственной пользы, идеализация естественного состояния (в эмпиризме и утилитаризме), привлекшие эгалитаризм, демократию и фашизм с одной стороны, и кантовская антропология и гегелевский панлогизм – с другой, стали, по мысли Ж. Маритена ключевыми факторами разрушения духовных принципов. Вместе с тем, философ высоко оценивает значение учения об интуиции А. Бергсона, концепцию бессознательного З. Фрейда, экзистенциализм С. Кьеркегора, Л. Шестова, Ф. Кафки (ставший же академическим экзистенциализм М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра расценивается им как «превратный»), а также неопозитивизм и французский неорационализм (См. Маритен Ж. Избранное: Величие и ничтожество метафизики; Философ во Граде).

Метафизика томизма традиционно подразумевает сочетание откровения с доводами разума для доказательства существования высшей Божественной реальности. Гармония единства веры (опыт) и разума (естественный свет) позволяет связать эмпирически доступные феномены с постижением онтологических глубин мироздания (Божественного бытия). Ж. Маритен свой разговор о путях восхождения к Богу начинает с экзистенциального переживания конечности, бренности человеческого бытия. Интуиция существования как «бытия-с-ничто» открывает человеку доступ к абсолютной реальности «бытия-без-ничто», к Богу.

Развивая аргументацию Ф. Аквинского в известных пяти доказательствах бытия Бога, Ж. Маритен предлагает шестое доказательство – на путях рационального движения к нему. Экзистенциальный опыт человеческого мышления свидетельствует о бессмертии нашей мысли и ее «предсуществовании» в разуме Бога, и Ж. Маритен предлагает «пути практического интеллекта» к Абсолюту, основанные на дофилософской интуиции (например, творчество художника осуществляемое благодаря поэтической интуиции божественной Красоты или нравственное действие как свободный выбор, имеющий своей конечной целью Божественное Благо). В разуме Бога присутствуют прообразы, формы всех вещей, содержится основание их сотворенного многообразия.

Бытие, согласно Ж. Маритену, соответствует Божественному провиденциальному плану и вместе с тем, обладает внутренними возможностями саморазвития. Бог, по мысли Ж. Маритена, не творит сущностей, не придает им окончательного вида бытия, чтобы затем заставить их существовать. Бог творит существующие субъекты, или основания, бытийствующие в своей индивидуальной природе, которая их констатирует, и получающие из творческого источника свою природу, а также собственное бытийствование, существование и активность. Каждый из этих субъектов обладает сущностью, выражает себя в действии и представляет для нас неисчерпаемый источник знания (Краткий очерк о существовании и существующем).

Процесс познания (последовательная дематериализация изучаемых феноменов) представлен Ж. Маритеном как сложная иерархическая структура (гносеологический аналог онтологической иерархии бытия), в которой метафизика есть некое смысловое завершение движения человека по пути познания (См.: Губман Б.Л. Жак Маритен // Философы двадцатого века. Книга первая. - М.: Издательство «Искусство XXI век», 2004.).

Сама реальность - некая скрытая целостность, переполненная познанием и любовью, постигаемая лишь через любовь на ее высшем уровне существования – «существования как дарующего себя». Ж. Маритен пишет следующее: «...метафизически рассматриваемая личность, являясь образцом бытийствования души, дарованной сложному человеческому существу, позволяя ему быть носителем собственного существования и свободно совершенствоваться, свободно отдавать себя, есть содержащееся в нас свидетельство щедрости, или размаха, бытия, которое раскрывается духом в воплощении духа и конституирует в скрытых глубинах нашей онтологической структуры внутрен-

ний источник ее динамики и единства...» (Краткий очерк о существовании и существующем).

Таким образом, Ж. Маритен постулирует существование человека как возможность осуществления замысла о нем Бога, если, конечно, сам человек этому замыслу и осуществлению открыт, а экзистенциальное прочтение философии томизма, по мысли Ж. Маритена, соответствует мироощущению современного человека и саму метафизику делает современной. Наш мир изменчив и постоянен одновременно, ведь изменчивость основана на необходимости и все это составляет целостность и прочность бытия.

alinaviktoria@ya.ru

Социально-философские исследования

ВНУТРЕННЯЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ТИП НАУЧНОГО ДИСКУРСА И ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Геополитика - междисциплинарная область, изучающая закономерности управления пространством различными государствами и межгосударственными союзами - участниками процесса глобальной коммуникации на нашей планете. Ядром геополитики была политическая география, в центре внимания которой традиционно находится сила и мощь государства, прежде всего военная, выражаяющаяся в способности решать задачи внешней безопасности, а также территориального расширения. Это выводило на первый план в геополитических исследованиях проблему взаимосвязи власти, территории и ресурсов.

Интерес к ресурсным возможностям государства, с которыми связана его сила и мощь, обусловил выход геополитики за пределы политической географии. Становление ее как междисциплинарной сферы исследования происходило за счет усиления экономической составляющей ее методологической матрицы. В структуре геополитики возникает геоэкономика, научная субдисциплина, объясняющая, как при помощи экономической мощи государства достигают внешнеполитических целей, перераспределяют в свою пользу мировые ресурсы и власть, обеспечивают собственное экономическое, технологическое и инновационное развитие.

Одним из важных инструментов геополитики является образное моделирование. Однако проект и его реализация на практике, как говориться, две

разные вещи, что и показала история XX века с двумя мировыми войнами и множеством локальных вооруженных конфликтов. Преувеличение роли географического и экономического факторов привело к кризису традиционной геополитической модели исследования и потребовало ее расширения за счет так называемых базисных, или социокультурных факторов.

В современных геополитических исследованиях важную роль играет учет социальных и культурных факторов, что усиливает значимость социологии, культурологии и философии, в частности, такого ее раздела как сравнительное изучение цивилизаций. Современная геополитическая парадигма исходит из представления о том, что базисными факторами, определяющими поведение государств в международных отношениях, являются социальные и культурные факторы. Это предполагает совмещение географического (в единстве физического, политического и экономического аспектов), исторического и социологического анализа практик управления территориями, населением и ресурсами на основе философской модели, позволяющей системно и непротиворечиво интегрировать различные дисциплинарные подходы.

В современных исследованиях принято различать геостратегию и геополитику. Геостратегические исследования нацелены на построение ресурсных, иногда функциональных моделей государств и отношений между ними в условных пространствах. Геополитика же имеет дело с качественно определенными пространствами, соединяя информацию о характеристиках самого пространства с информацией о способах политической организации в данном пространстве. Геополитика заключается в выяснении специфики взаимодействия географических факторов, включая антропный фактор (население) с различными формами управления. В данном случае речь идет о возможностях и ограничениях, накладываемых географией на организацию власти и управлеченческие практики.

Геополитика является не только наукой, но и формой политического участия, типом политического проектирования, нацеленного на мобилизацию народов и элиты на решение актуальных задач, стоящих перед обществом, с помощью географических образов (моделей) с заложенным в них зарядом политических ориентаций и установок. Задачи геополитики, говоря словами В.Л. Цымбурского, заключаются в следующем:

- породить у элит и народа мысль об отождествлении с неким «географическим организмом», изображаемым моделью;
- увлечь их сознание некоей «жизненной проблемой» этого организма;
- направить их волю на решение этой проблемы [1].

Российская геополитика как наука и практика управления развивается сегодня в русле мировой геополитической мысли. В российской науке идет процесс расширения геополитической тематики и терминологии, вырабатываются методологические подходы, среди которых можно выделить, вслед за Т.Е. Бейдиной и Г.Н. Нурышевым, следующие:

- геополитика есть теория и практика пространственно-временного освоения ресурсов развития;

— geopolitika есть разновидность внешней политики, исследующая связи между пространством и функционально-политическими характеристиками регионов;

— geopolitika изучает взаимосвязь внутреннего поля и внешнеполитической активности государства[2].

Последний подход представляется наиболее эвристичным, так как позволяет учитывать самые значимые мировые политические тенденции: полицентричность (многополярность) мира; конфликт между унифицирующим воздействием глобализации, интенсифицирующим модернизацию отдельных стран и регионов, и реальной потребностью их населения в сохранении мицоцелостности, заставляющей сопротивляться ее вестернизированным формам; повышение статуса внутренних регионов различных государств на международном политическом поле.

Это обстоятельство ставит необходимость изучения внутренних регионов, в том числе и макро-регионов России, таких как Юг, Кавказ, Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток, и их влияния на мировую geopolитическую ситуацию. С распадом СССР граница между внешней и внутренней geopolитикой стала условной. Значительная доля русских и русскоязычных соотечественников, граждан бывшего СССР, осталась за пределами России. Сама Россия принимает миграционные потоки из стран ближнего зарубежья. Многие из этнических мигрантов учились в советской школе, неплохо владеют русским языком, испытывают симпатии к СССР и России и готовы принять гражданство РФ. В то же время с мигрантами приходят иные, нередко чуждые россиянам традиции и модели отношений, препятствующие интеграции мигрантов в российское принимающее сообщество.

Свободное перемещение людей, товаров, денег через национальные границы увеличило социальную сравнимость. В глобальном обществе, частью которого является современная Россия, средства коммуникации позволяют человеку выбирать объект для сравнения чрезвычайно произвольно. Результатом этого сравнения нередко оказывается депривация, восприятие собственного положения как незаслуженно ущемленного в сравнении с другими, что чревато социальными взрывами.

Проблемы возникают не только в межличностной или межгрупповой, но и в институциональной сфере. Современное национальное государство испытывает давление со стороны транснациональных корпораций (ТНК), с одной стороны, и подвергается воздействию со стороны межгосударственных союзов, в которые оно оказывается вовлеченным, с другой стороны. Влияние ТНК и межгосударственных союзов с их экономическими и политическими структурами обуславливает неоднородность и неравномерность развития регионов внутри государства, усиливает мощь одних и ограничивает возможности других.

Выйдя на область практического применения, российская geopolitika нарабатывает стратегии регионального развития. В этой связи в научных исследованиях появилось понятие региональной geopolitики. Однако внутрен-

няя geopolitika включает в себя не только управление территорией, но и управление населением, что невозможно без учета его этнической составляющей. Как полагает А.В. Ремнев, внутреннее geopolитическое пространство вбирает в себя формируемый людьми социокультурный ландшафт, государственные и административные границы, этнические, конфессиональные и локальные идентичности, национальные проекты и миграционные процессы [3]. «...Пространство - реальность не только сегодняшняя, но и в очень большой степени вчерашняя», заметил Ф. Бродель. «Таким образом, заключил он, история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»[4].

Исходя из такого понимания внутренней geopolитики, правомерно будет охарактеризовать ее как тип политического проектирования, нацеленный на решение общезначимых задач:

- территориальное освоение пространств и социально-экономическое развитие регионов ради создания и поддержания их безопасного, устойчивого и целостного в границах государства развития;
- интеграцию населения на всей территории государства в социальные структуры, государственные и гражданские институты;
- воспроизведение единой — над-этнической, над-конфессиональной, над-региональной — гражданской идентичности.

Литература

1. Цымбурский В.Л. Дождались? Первая монография по истории российской геополитики. — Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait>
2. Бейдина Т. Е. Возможности геополитики в изучении малых региональных величин. — Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_00/14_BEIDINA.htm. С. 1–2; Нурышев Г. Н. Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. – 2005. № 5. – Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). – С.233-240.
3. Ремнев А. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX - начала XX вв. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 184.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. – М., 1994. – С. 19, 274

ГРАНИЦЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВЫРАБОТКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

М. В. Семеникова

Новосибирский государственный университет

В обществе всегда остро стояли проблемы, связанные с дискриминацией отдельных групп на религиозной, этнической, культурной почве. Различия или разграничения людей настолько сильны, что могут порождать определенные стереотипы, страхи и даже ожесточенные конфликты.

Социальные классы и социальные милье (milieus), субкультуры, так же как и страны, могут быть описаны и описываются в терминах пространства. Это дает возможность переосмыслить перспективу границы как социального феномена. Пространственная коннотация социальных и культурных "границ", культурные и социальные коннотации государственных границ позволяют использовать концепцию "социальных форм" или «форм социации» Георга Зиммеля [3]. С его точки зрения, индивиды на основе разнообразных мотивов и интересов создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят свое воплощение, и это единство реализуется в бесконечном количестве способов форм социации. Зиммель абстрагировал формы социации от соответствующего содержания для того, чтобы выработать «опорные пункты» научного анализа процессов, происходящих в обществе. Несмотря на достаточно глубокую изученность форм социальной жизни, в исследованиях Георга Зиммеля не удается определить, каким же образом осуществляется четкое разграничение между этими многочисленными формами.

Где пролегают эти границы, насколько они влияют на поведение и взаимодействие людей друг с другом, и возможно ли их изменение или игнорирование без негативных последствий? На данные вопросы можно будет ответить, если изучать проблему социальных границ, их специфику, функции и значение в современном обществе. Сформулировав понятие, что такое «социальные границы», появиться возможность для более глубокого исследования этого феномена в обществе.

В своей статье «Изучение границ в социальных науках» Мишель Ламон и Вираг Молнар пишут о необходимости различия символических и социальных границ, разница между которыми может показаться не совсем четкой и понятной. Символические границы на понятийном уровне являются различиями, которые вынуждают социальных субъектов разбивать по категориям объекты, людей, методы, а также время и пространство. Они - инструменты, с помощью которых люди и группы спорят и приходят к согласию по поводу определений действительности. Их исследование позволяет зафиксировать динамические измерения общественных отношений, поскольку группы конкурируют в создании, распространении, и институционализации альтернативных систем и принципов классификации. Символические границы также разделяют людей на группы и создают чувство причастности и идентифика-

ции себя как члена определенной группы. Они - среда, через которую люди приобретают статус и монополизируют ресурсы.

Социальные границы - объективные формы социальных различий, проявляющихся в неравном доступе и неравном распределении ресурсов (материальных и нематериальных) и социальных возможностей. Они отражены в устойчивых поведенческих образцах, и проявляются, например, в браке или совместном принятии пищи.

Теперь рассмотрим, как авторы соотносят эти два понятия. Когда символические границы согласованы большим количеством людей, они могут обладать сдерживающим характером и стать образцом социального взаимодействия. Кроме того, только тогда они смогут стать социальными границами, то есть, определять, например, социальную группы или класс и отдельную расу. Но символические и социальные границы должны быть рассмотрены как одновременно существующие: первые существуют на субъективном уровне, тогда как вторые проявляются в группах людей. На причинном уровне, существование символических границ может считаться необходимым, но недостаточным условием для существования социальных границ [1].

Таким образом, социальные границы представляет собой более широкое понятие, это не только принципы классификации или символические разграничения социальных групп, но и особые поведенческие модели, которые проявляются в том или ином обществе.

Чтобы на примере рассмотреть все многообразие понятия «социальные границы», можно рассмотреть типы границ, которые приводит венский социолог Роланд Гиртлер в своих работах. Он выделяет три типа границ.

Границы первого уровня или “границы страха и контроля” являются реальными барьерами. Примером может служить “железный занавес”, разделявший мир на Восток и Запад.

Границы второго уровня являются гибкими. Посредством гибких границ люди и группы людей охраняют и защищают свою индивидуальность, культуру и определенные интересы. Характеристикой этих границ служит то, что они используются для обозначения социальных сфер, где есть общее знание и культура, которая служит общим кодом поведения. Такие границы также содержат информацию о социальном статусе личности. В этих границах человек ощущает определенный уровень физической и психологической защиты и свободу, которые он готов защищать. Определенному кругу людей запрещено пересекать эту границу. Она указывает на начало мира особой культуры. Здесь существует особое окружение, в котором люди развивают собственную культуру и по этой причине выстраивают барьеры для предотвращения вмешательства со стороны внешнего мира. Человек возводит границы, за которыми он может строить новый мир в соответствии со своими желаниями.

Границы третьего уровня - исчезающие границы. Они почти прозрачны. Этот тип границ обычно имеет место в повседневной жизни (например, в магазинах, ресторанах, почтамтах, всяческих залах ожидания и т.д.). Эти

пространства доступны всем, у кого есть причина там находиться, они зарезервированы для определенных людей и недоступны для каждого [2].

Таким образом, можно говорить о двояком значении социальных границ. С одной стороны они необходимы для идентификации человека в обществе, защиты его интересов и психологического комфорта. С другой стороны, человек или конкретное общество заинтересованы в их нарушении или игнорировании для взаимодействия с другими людьми, обществами или социальными структурами для достижения общих или индивидуальных целей.

Проанализировав данные позиции к определению границ в обществе, попытаемся сформулировать определение социальных границ, позволяющее перейти к исследованию особенностей и функций данного феномена.

Социальные границы – это объективные формы социальных различий, которые устанавливаются в конкретном обществе или группе, указывающие на их специфические особенности и способствующие идентификации членов этого общества или группы, и отражающиеся в специфике поведенческих образцов, норм, правил, традиций и т.д. и взаимодействия членов общества или группы внутри и вне этих барьеров.

Литература

1. Lamont, Michèle and Virág Molnár. 2002. "The Study of Boundaries in the Social Sciences" Annual Review of Sociology. 28:167-95 <http://www.wjh.harvard.edu/~mlamont/papers/StudyOfBoundaries.pdf>
2. Хельга Патшайдер. «Ритуалы и символы, создающие повседневные границы (на примере клуба "Мотоциклетные ведьмы" и переселенцев в Трансильвании)». Сборник докладов представленных на семинаре "Кочующие границы", 1998г. Центр независимых исследований.

http://www.indepsocres.spb.ru/patsch_r.htm

3. Эрхард Штёльтинг. «Социальное значение границ». Сборник докладов представленных на семинаре "Кочующие границы", 1998г. Центр независимых исследований.

http://www.indepsocres.spb.ru/stoelt_r.htm

ahna2004@mail.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЧАСТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ ВЕКА В РОССИИ

А. В. Бутина

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В современном российском и зарубежном социально-философском дискурсе все чаще и настойчивей в качестве профессиональных производителей

идей, субъектов целерациональной деятельности, направленной на раскрытие потенциала общества, его модернизацию рассматриваются интеллектуалы и интеллектуальные сообщества. Изучение интеграции социальных проектов интеллектуалов в различные формы гражданской активности представляется значимым в контексте анализа проблемы взаимосвязи социальной и ментальной динамики. Практический смысл – возможность нахождения пути преодоления взаимного отчуждения, атомизированности и отсутствия субъектности в российском обществе.

Оценка участия интеллектуалов в процессах гражданской самоорганизации в России сталкивается с целым рядом проблем методологического характера. Несмотря на то, что проблема роли интеллектуалов в обществе стала предметом теоретического осмысления еще в конце XIX века, исследование феномена интеллектуалов и разработка концепции гражданской самоорганизации, социальных движений и групп происходили в рамках самостоятельных теоретических направлений, подчас независимо друг от друга. Кроме того, в России не сложилось оригинальной или в большей или меньшей степени законченной концепции интеллектуалов и их участия в процессах социальной и ментальной динамики. Большинство исследований, посвященных интеллектуалам, представляют собой анализ зарубежных концепций и попытку интерпретации с этих позиций российской действительности [2; 3; 4; 8; 11]. Имеет место терминологическая путаница в употреблении понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция». Онтологические, социально-экономические, культурно-политические и другие характеристики интеллигенции в России разрабатывались в трудах отечественных ученых на протяжении многих десятилетий и значительно более подробно. Более того, в российском дискурсе функционируют и другие термины, обладающие смежной коннотацией, например «эксперты» [1], «профессионалы», «фабрики мысли» [10] и т.д. В современных российских исследованиях разрабатывается проблема конверсии интеллигенции в интеллектуалов [5; 9]. Итогом конверсии является концепт интеллектуала, наделенный качествами субъекта общественной динамики, гражданской ответственностью и многими другими характеристиками, традиционно приписываемыми представителю интеллигенции. По мнению американского исследователя Э. Голднера, в российской действительности становление интеллектуалов как социального слоя было затруднено. Причинами затруднений являются «бюрократизация интеллектуалов» или «интеллектуализация бюрократии». Кроме того, значительная часть образованной прослойки с советских времен была представлена технической интеллигенцией, для которой специализированные профессиональные интересы были превыше всего [2]. В результате «технари» проявляли пассивность в решении вопросов, не связанных непосредственно с профессиональными интересами.

Определение интеллектуалов, взятое за основу в настоящем исследовании, принадлежит американскому социологу Р. Коллинзу: «интеллектуалы – это люди, которые создают деконтекстуализированные идеи» [7, с. 67]. По-

строение модели участия интеллектуалов в развертывании процессов самоорганизации граждан возможно с учетом специфики современной парадигмы теории социальных движений. В качестве основного критерия измерения случаев выбрана включенность социальных проектов интеллектуалов в конкретные формы гражданской активности, на степень которой оказывают влияние следующие факторы: структура политических возможностей; уровень организационного потенциала интеллектуалов; уровень развития каналов взаимодействия; степень реализации проектов [14].

Предметом изучения в настоящей работе выступает структура политических возможностей как совокупность экзогенных факторов, влияющих на организационный потенциал социальных движений и интеллектуальных обществ, таких как: 1) открытость политической системы; 2) раскол политической элиты; 3) динамика политического плюрализма; 4) динамика репрессий[15].

Единицами анализа выступают случаи интеграции проектов и деятельности интеллектуалов в социальную самоорганизацию. Пространственно-временные границы объекта исследования определены исторической динамикой российского государства во второй половине XX века. Положительные случаи характеризуются наличием отношений взаимной заинтересованности интеллектуалов и субъектов гражданской активности; наличием площадок для диалога; реализацией социальных проектов интеллектуалов в рамках деятельности социальных движений и организаций: СССР 1960-х гг. (ММК Г.П. Щедровицкого, игровое движение, протесты ученых, правозащитная деятельность акад. А. Сахарова); СССР 1979 г. (программа «Экополис» Д. Кавтарадзе); Россия 1990-е гг. (миссионерская деятельность А. Меня, проекты Леонтьевского центра, центров «Индем», «Стратегия»). Отрицательные случаи – случаи, в которых как интеллектуалы, так и гражданские активисты не проявляют заинтересованности во взаимодействии; отсутствуют площадки для диалога интеллектуалов и гражданских активистов; проекты интеллектуалов, как правило, не востребованы со стороны гражданского общества: СССР 1950-е гг.; СССР 1960-е гг. (деятельность Ю. Левады, Институт международного рабочего движения); Россия 1992 – 1994 гг. («команда Гайдара»).

В результате анализа обозначенных случаев можно сделать ряд выводов. Во-первых, в большинстве отрицательных и положительных случаев характер политической системы в России (СССР) определяется как закрытый, что не препятствовало становлению конвенциональных форм консолидации интеллектуалов, примерами которых служат работа ММК, развитие «игрового» движения. Во-вторых, в большинстве случаев отсутствует фактор оппозиции, тем не менее, фоном для большинства положительных случаев выступают периоды ослабления репрессий и расширения гражданских свобод, а также переломные периоды российской истории. В ряде положительных случаев имеет место конфликт властных групп. Как в положительных, так и в отрицательных случаях фиксируется противодействие правящей элиты разработке и

воплощению социальных проектов интеллектуалов. Однако репрессии не являются достаточным фактором для прекращения разработки проектов интеллектуалов, а также их политического участия. Структура политических возможностей в исследованных случаях носит скорее неблагоприятный характер, но и благоприятные условия деятельности интеллектуалов могут способствовать их включенности не в гражданскую активность, а в разработку государственных программ.

Анализ объективных условий интеграции интеллектуалов в процессы гражданской активности во второй половине XX века в России показал, что структура политических возможностей является необходимым, но не достаточным фактором включенности интеллектуалов в проблемы и практики общественных организаций и движений. Это означает, что успешная интеграция возможна и при неблагоприятной структуре политических возможностей, характеризующейся закрытостью политической системы, отсутствием явной оппозиционности. Гипотезой, требующей подтверждения на следующем этапе исследования, является положение о том, что определяющее значение для успешной интеграции имеет наличие у интеллектуалов организационного потенциала, социального, символического и публичного капитала, что позволяет им строить сети взаимодействия с субъектами гражданской активности и самоорганизации.

Литература

1. Ашкеров, А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма / А. Ашкеров. – М., 2009.
2. Галкин, Д.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества / Д.В. Галкин, Е.В. Казанкина // Вестник ТГУ. – 2007. – № 298.
3. Голиченко, Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований / Т. Голиценко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2.
4. Иноземцев, В. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6.
5. Заусаева, Н.А. Возможна ли конверсия отечественной интеллигенции в интеллектуалов / Н.А. Заусаева // Доклады участников Пятого Всероссийского конгресса политологов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. – М., 2009.
6. Квакин, А.В. Интеллектуальная элита – интеллектуалы/интеллигенция: еще раз о соотнесении понятий / А.В.Квакин // Интеллигенция и мир. – 2001. – №2/3.
7. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск, 2002.
8. Сморгунов, Л.В. Интеллектуалы в политике / Л.В. Сморгунов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Сер. «Философия. Социология». – 2008. – Том 21 (60). – №3.

9. Степанова, О.К. Понятие «интеллигенция»: Борьба в символическом пространстве и во времени / О.К. Степанова // Социс. – 2003. – №1.
10. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. – СПб, Норма, 2002.
11. Фирсов, Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века / Б.М. Фирсов // Звезда. – 2001. – №8.
12. Хабермас, Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала / Ю. Хабермас // Неприкосновенный запас. – 2006. – №3.
13. Яницкий, О.Н. Фазы развития российского экологического движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isras.ru/files/File/Istoriya_.../Yanitsky_Fazi_razvitiya.pdf.
14. McAdam, D. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing / D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. – Cambridge, 2004.
15. Meyer, D. Protest and political opportunities / D. Meyer // Annu. Rev. Sociol. 2004. 30:125–45 doi: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110545;

anabutina@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: СЛАБОСТЬ БАЗОВЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В научном мире традиционно считается, что исторические науки базируются исключительно на дескриптивной методологической основе, однако это утверждение не вполне соответствует действительности. На пути современного историка неизбежно возникают проблемы, если он в своей работе опирается на концепцию разделения методологий на нормативную и дескриптивную в духе классификации наук В. Дильтея.

Так, В. Дильтей утверждает, что «науки о духе – единое целое рядом с науками о природе», и существует необходимость «отграничивать единое целое наук о духе от наук о природе». Науки о духе он понимает как, «совокупность наук, имеющих своим предметом исторически-общественную действительность»[1], однако исследование исторической действительности в целом – задача многоплановая и трудоемкая, ведь ее немаловажными и неотъемлемыми явлениями будут история культуры, история науки, история философии и т.д. История науки и философии, во всяком случае до периода Нового времени, теснейшим образом переплетены. Помимо этого, к каким наукам отнести, например, пропозициональную логику или иначе, логику высказываний, которая оперирует формулами и по сути является формальной теорией, на деле же она имеет наиболее близкое отношение к филологии, которую однозначно относят к гуманитарным наукам, выражаясь в термино-

логии Дильтея к «наукам о духе». К этой же категории наук можно отнести филологические дисциплины, например лингвистику, многие разделы которой смыкаются с такими естественными науками как физика и биология, через акустику и физиологию. История возникновения и развития языков, или филология древних языков к которым непосредственно относятся египтология и ассириология, являются в то же время историческими науками, но по методам близки логике и семиотике, особенно в части дешифровки древних текстов. Эта близость продиктована сурою необходимостью, когда перед исследователями стоит задача дать верное истолкование и описание тому, что достоверно неизвестно, что зачастую даже не имеет аналогов для сравнения. В этих, казалось бы, абсолютно гуманитарных дисциплинах применяются не только различные логико-комбинаторные методы, но и методы математического анализа. Яркий пример – это процесс дешифровки древней критской письменности или так называемого минойского (этеокритского) языка. Математический анализ, который провела А. Кобер по своей основной специальности математик, позволил выявить специфические особенности грамматики так называемого «линейного письма Б», а также предположить наличие общих гласных или согласных для некоторых слоговых знаков. Это позволило М. Вентрису, основываясь на результатах достигнутых А. Кобер, а также дальнейшем использовании логико-математического метода, в общих чертах дешифровать ту часть критской письменности, которую называют «линейным письмом Б»[2].

Не отрицая аналитической значимости работы Дильтея для понимания природы научного познания, для философии в целом, особенно в части поиска гносеологических оснований познания, все же стоит отметить что, не только нашим современникам, но и его непосредственным последователям и единомышленникам была очевидна несостоятельность идеи о некой полной автономии наук о духе. Отстаивая независимость методов познания в науках о духе, не тождественным методам в индуктивных науках, он нацелен на критику зарождающегося, по его мнению, научного догматизма, прежде всего «догматизма эмпириков», как отметил Х.-Г. Гадамер [3].

В сущности, классификационные «крайности» и требования методологической автономии в позиции Дильтея носят сиюминутно-исторический характер, как реакция на естественно-научный редукционизм позитивистов, стремившихся навязать гуманитариям свой методологический диктат, и таким образом свести все многообразие социально-исторических явлений к действию неких простых и «прозрачных» механистических правил. То есть, выражаясь проще, здесь мы имеем извечный спор «физиков и лириков» на этапе формирования новых критериев научности знания. Попытки дуалистически классифицировать нарождающиеся науки по ряду неких исчерпывающих признаков, где методология выступает в роли главного разграничивающего критерия, во второй половине XIX – начале XX в философских были довольно многочисленными. В более поздних философских исследованиях

это противостояние «гуманитариев и естественников» получило название «диспут о методе» (Methodenstreit).

Другую классификацию подобного рода предложил В. Виндельбанд, который в основание различия между науками сразу поставил метод. Виндельбанд не разделяет науки по предмету изучения указывая что принцип деления следует искать в формальном характере познавательных целей наук, также выделяя два вектора направления исследования: общие закономерности и отдельные факты. Целенаправленность по Виндельбанду определяется методами, которые он отождествляет с типами мышления, первый называя номотетическим или законополагающим, второй – идиографическим, то есть описывающим особенное и единичное. Он вводит новые критерии различия между методами, типами мышления и в конечном счете между естествознанием и историей. В естествознании мышление на основе индукции выявляет общие закономерности, в историческом исследовании метод нацелен на фактическое описание единичных и специфических явлений, без дальнейшего обобщения. Эта схема деления почти в точности соответствует современным представлениям о разделении научной методологии на нормативную и дескриптивную, но между ними очень трудно провести четкую границу. В конкретном естественно-научном или историческом исследовании присутствуют элементы взаимопроникновения и переходов нормативных методологических установок в дескриптивные и обратно, как бы по спирали, как же возможно в подобной ситуации провести гносеологические границы между целыми науками? Можно лишь говорить об отдельной принадлежности методов и то условно, и относительно конкретных задач, стоящих перед исследователем, так как в рамках даже одного исследования они зачастую призывают в причудливой взаимосвязи и переплетении. Выражаясь в терминологии Виндельбанда номотетические, то есть законополагающие методы зачастую находятся в подчиненной служебной зависимости по отношению к идиографическим описывающим единичное, что на первый взгляд кажется абсурдным.

Если Дильтея выдвигает методологическое требование «понимания» для достижения исторического процесса как «духовной целостности» посредством переживания, то его последователь О. Шпенглер утверждает тезис об абсолютной уникальности различных культур, между которыми отсутствует какая-либо преемственность и можно говорить лишь об их сменяемости. По Шпенглеру культуры будь они разрознены по времени или одновременные – не проницают друг для друга. Любой современный историк, как представитель чуждой культуры, не может реализовать методику Дильтея «понимания посредством переживания» и адекватно понять, отразить реалии иной культуры или отношения между одновременными культурами далекого прошлого. О. Шпенглер достаточно категоричен, утверждая что: «в результате понимание чрезвычайно сложной и богатой следствиями психологии этих отношений (культур) оказывается столь же невозможным, как и психологии внутренней жизни самих этих культур»[4].

Хайдеггер вслед за Шпенглером, отрицает возможность «взаимопроницаемости» культур и тем самым утверждает принципиальную их необъяснимости для исследователя. Единственно возможный путь полноценной интерпретацией истории он видит в процедуре ее субъективного осмыслиения, неким самостоятельным мыслителем.

Концепции исторического исследования Виндельбанда, Дильтея, Шпенглера, Хайдеггера и их последователей сводятся к отрицанию самой возможности вскрытия закономерных процессов в историческом развитии. Отрицается существование любых закономерностей развития и история становится театром абсурда, бессмысленным и непостижимым набором неповторимых фактов, не связанных друг с другом и не поддающихся научному исследованию. Интересен тот факт, что эта позиция также получила название историзм [5], хотя трудно представить эту разновидность историзма как методологический принцип.

История науки, как и общая история – это всегда взаимосвязь закономерного и специфического, в причудливом переплетении, где при приближении и сужении масштаба рассмотрения деталей, специфическое приобретает черты закономерного для данных условий, места и времени. Таким образом, в общем и закономерном уже заложены черты релятивности, придающие вариативный диапазон проявлениям закономерных процессов, в заданных условиях определяющих их своеобразный генезис.

Однако не следует понимать релятивность в духе герменевтики и неокантианства как полное отсутствие «опоры», взаимосвязи и взаимовлияния. Скорее данная трактовка ближе к физическому принципу относительности, явленному и в социальной истории. Те явления, которые мы при определенном масштабе рассмотрения исторических событий определяем как специфические по отношению к закономерным, при увеличении (приближении) масштаба исследования приобретают свойства закономерных, при этом вновь обнаруживается своя специфика и т.д. Не следует забывать и о вариативности, которая должна пониматься как отдельные специфические проявления закономерных процессов, но не в единственно возможном варианте, а в неком заданном диапазоне потенциальных возможностей.

Литература и примечания

1. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. //Т. 1: Введение в науки о духе. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. - С. 280.
2. Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности: Введение в микенологию. – М.: Наука, 1988. – С. 17-18
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики.— М.: Прогресс, 1988. - С. 292
4. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. В 2 тт. //Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. - Новосибирск: Сибирская издательская фирма ВО "Наука", 1993. - С.39

5. В философской литературе в отношении термина «историзм», иногда подменяемым термином «историцизм», но в тождественном значении, заметна существенная путаница, видимо в связи с использованием различными философскими школами без определенной договоренности о едином определении.

КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В КОНЦЕПЦИЯХ П. БУРДЬЕ И Р. КОЛЛИНЗА

А. Ю. Дудчик

Белорусский государственный университет (Беларусь, Минск)

Философская критика понятия субъекта как автономного и самодостаточного участника познавательного процесса имеет достаточно давнюю историю. В данном тексте мы сосредоточимся на критике понятия субъекта применительно к проблематике истории философии на примере социологии знания. Социология знания является междисциплинарной областью, изучающей социальный контекст, который влияет на процесс познания и содержание самого знания. Нами будут рассмотрены концепции анализа истории философии в концепциях французского и американского социологов П. Бурдье и Р. Коллинза.

Социологическая программа П. Бурдье представляет собой одну из наиболее известных попыток синтеза объективистских (структурализм) и субъективистских (конструктивизм) подходов к пониманию социальности в целом. При этом Бурдье отмечает, что корень подобных теоретических противоречий и оппозиций зачастую находится в области практических интересов и отношений. Так, размышляя о проблеме функционирования оппозиций в поле науки, Бурдье говорит, что «это искусственные противопоставления ... однако смысл их заключается в той социальной функции, которую они выполняют для тех, кто этими оппозициями пользуется» [1].

Исходя из концепции Бурдье, объективная социальная среда производит габитус – систему предрасположенностей, зачастую не осознаваемую самим носителем и выступающую в качестве «практического чувства». Габитус субъекта определяется его положением в рамках социального пространства, т.е. совокупности социальных позиций, определяющих друг друга и исторически формирующихся. Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них. При этом для каждого из полей характерны определенная степень автономности, собственные «ставки» и интересы, внутреннее деление и способы легитимизации позиций.

В своих работах Бурдье достаточно подробно анализирует особенности научного, литературного, художественного полей. Большое внимание уделя-

ет он и истории философии, показывая существенные отличия в производстве и потреблении философского знания от областей науки (как естествознания, так и социогуманитарных дисциплин). Так, в работах «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» [2], «Homo Academicus» [3], «Наброски к самоанализу» [4] Бурдье выводит особенности философских позиций не столько из внутренней логики философских построений или индивидуальных предпочтений отдельных мыслителей, а из их положения внутри философского поля. Продуктивным в таком случае оказывается описание и анализ самого этого поля (см. работы последователя Бурдье Л. Пэнто [5]).

Другой вариант социологического подхода к истории философии предлагает американский социолог Р. Коллинз в своей известной работе «Социология философий» [6]. Основной единицей анализа для Коллинза выступают не понятия, теории или фигуры отдельных философов, а связи, которые устанавливаются между философами и которые создают феномен социальных сетей в философии. Именно анализ социальных сетей и коалиций, возникающих как внутри одного поколения философов («горизонтальные связи»), так и между разными поколениями («вертикальные связи»), позволяет, с точки зрения американского исследователя, наиболее полно выявить социальную природу философского знания, проявляющуюся именно во взаимодействии между философами.

Весьма важным, с точки зрения Коллинза, является не только анализ взаимоотношений между крупными философскими фигурами (количество которых, согласно сформулированному американским социологом «закону малых чисел», достаточно ограничено), но и их связь с последователями, комментаторами, популяризаторами, благодаря активной деятельности которых та или иная философская доктрина во многом и приобретает широкую известность. При этом, несмотря на кажущуюся незначительность собственных интеллектуальных достижений, именно последователи той или иной философской доктрины во многом и создают ее привычный и широко известный образ. Кроме того, большую роль в становлении и приобретении популярности философских идей, по мнению исследователя, играет и организационно-институциональный аспект философии, ее тесное взаимодействие с социально-политическими институтами (государством, церковью, университетом, научными сообществами и т.д.).

При этом для возникновения продуктивных социальных сетей, по мнению Коллинза, не обязателен консенсус между их членами относительно основных аксиоматических положений. Напротив, наибольшая продуктивность как раз таки проявляется при выявлении несовпадающих, зачастую противоположных точек зрения на значимую с точки зрения современников проблему. Участие в активных дискуссиях и обсуждениях требует от философов определенных усилий для концептуализации теорий, категориально-понятийного аппарата, аргументации, а также эмоциональной и интеллектуальной энергии. При этом «будучи наиболее чистой формой абстрактно-рефлексивной деятельности, философия постоянно переоткрывает собственные основания,

обращаясь не вперед, но назад, углубляя свои вопросы путем сомнения в их основаниях» [6, 789].

Таким образом, в работах Бурдье и Коллинза реализуется социологический подход к изучению истории философии. В результате критики методологического индивидуализма ими предлагаются иные предметности для изучения: социальное поле производства и потребления философского знания (Бурдье) и философские социальные сети (Коллинз). На наш взгляд, подобные подходы могут быть плодотворными и при изучении постсоветских философских традиций.

Литература

1. Бурдье П, Шартье Р. Люди с историями, люди без историй / П. Бурдье, Р. Шартье – [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/shart.html> – Дата доступа: 01.02.11.
2. Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / П. Бурдье . – М.: Праксис, 2003. – 272 с.
3. Bourdieu P. Homo Academicus / P. Bourdieu – Stanford: University Press, 1990. – 344 р.
4. Bourdieu P. Sketch for a Self-Analysis / P. Bourdieu – Chicago: University Of Chicago Press, 2008. – 128 р.
5. Пэнто Л. Эскиз философского поля Франции в 1960—80-е гг. / Л. Пэнто // Логос. – 2004. – № 3-4. – С. 205-230.
6. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change / R. Collins – Cambridge, Massachusetts, and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. – 1098 р.

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ

И. А. Кудинов, А. А. Горпинич

Запорожский национальный университет (Украина)

Современная политическая действительность характеризуется возрастанием роли политических мифов, что обусловлено массовизацией и интенсивной информатизацией общества. Массовое сознание требует упрощенного понимания современных политических процессов на основе мифологических схем, выступающих результатом общественного творчества. Общие плоскости функционирования мифа, политики и СМИ в современном мире формируют предпосылки их постоянного взаимодействия и взаимосвязи. Вместе с тем, именно СМИ создают новое качество коммуникации в обществе, непосредственно влияя на формирование политических мифов [1, 73].

Рост количества субъектов политического процесса, у каждого из которых есть свои интересы и потребности, приводит к недостатку порядка и ста-

бильности, что значительно увеличивает риск и неопределенность в процессе принятий решений обычным человеком. Кассир видит в этом жизненную почву для создания мифов, которые регулируют существующий "беспорядок". Соответственно, СМИ через выполнение конкретных функций стремятся упростить процесс выбора правильного решения. Среди основных функций СМИ можно выделить следующие:

- информационная функция – получение и распространение сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях. На основе полученной информации формируется общественное мнение о деятельности органов власти, объединений граждан, политических лидеров и т.п.;
- образовательная функция – донесение до граждан определенных знаний позволяет адекватно оценивать, упорядочивать сведения, полученные из разных источников, правильно ориентироваться в противоречивом потоке информации;
- функция социализации – усвоение человеком политических норм, ценностей, образцов поведения позволяет ему адаптироваться к социальной действительности;
- функция критики и контроля;
- мобилизационная функция проявляется в побуждении людей к определенным политическим действиям или к социальной бездеятельности.

По мнению А. Цуладзе, СМИ выступают мощным инструментом оперативного управления массовым сознанием, поскольку способны изменять представления людей о существующей действительности посредством формирования мифов. Целью информационного воздействия является изменение поведения объекта воздействия благодаря трансформации "картины мира", который существует в его сознании. Если для сознания характерен стереотип, что в прошлом – все плохо, а будущее – неопределенно, то таким сознанием лучше манипулировать, но не управлять [3, 154-161].

Говоря о взаимодействии мифов и СМИ, следует остановиться на таком определении: "миф есть слово... если мы посмотрим на существующие политические мифы, то найдем в них не только переоценку наших этических ценностей, а также изменение языка. Волшебное слово берет верх над семантическим словом. Но это удобное применение магических слов - еще не все. Если слово умеет постигать некоторый эффект, ему должно следовать внедрение новых обрядов" [2, 58-69]. По мнению Р. Бартеса, слово может выражаться в устной форме или письменной, то есть высказанное в письме, фотографии, фильме, репортажи, рекламе – это все может быть носителем мифического языка. Подчеркивая роль мифа как слова, т.е. единицы коммуникации, подаваемого в виде письменной формы и формы изображения, Р. Бартес акцентирует внимание на том, что слово, несмотря на свой коммуникационный потенциал, позволяет сохраняться мифической речи, придавая ей тем самым подобных свойств коммуникатора. По мнению Дж. Камбелла, мифы вместе со СМИ выполняют педагогическую функцию, обучая людей действовать по различным ситуациям, влияя на формирование политического

поведения. Например, реклама, фотография, фильм, репортаж, представленные в СМИ зрелица, указывают на определенные схемы поведения, делают их общеупотребительными в обществе [1, 74].

Модернизированной технологией современных политических мифов есть образное создания массовой демократии. Это искусственная апелляция к общественному сознанию посредством манипуляции экспертов по рейтингам – по результатам выборочного опроса, когда респондент выбирает между вариантами суждений самого эксперта. Такие рейтинги являются искусственными моделями реальной мысли широких масс, которые якобы "оживают" эксперты. Распространяется подобная информация через печатные и электронные СМИ, популярные газеты, журналы, сайты и т.д.. Примером симуляции массовой демократии – могут быть "экзит-полы" (социологический опрос избирателей на избирательных участках в день голосования), которые активно применялись оппозиционными политическими силами на президентских выборах в Сербии (2000), в Грузии (2002), в Украине (2004) и в Беларуси (2006). Результаты "экзит-полов" обнародовались в качестве альтернативных данных, которые якобы отражали реальную общественную мысль. Это создавало впечатление, что официальные власти замалчивали истинные результаты голосования или же фальсифицировали их, хотя сами "экзит-полы", разумеется, не выдерживали никакой критики относительно их объективности. Манипуляции результатами социологических исследований приводят к созданию монополии на общественное мнение со стороны определенных политических субъектов, которые стремятся использовать миф о демократии исключительно как политический инструмент в борьбе за власть.

Таким образом, СМИ, благодаря своим функциям, влияют на формирование политических мифов, способствуя созданию упрощенного представления о действительности на основе усвоения массовым сознанием коллективных чаяний и стремлений. Политический миф, используя схематизм восприятия, автоматизм реакции программирует внутренний мир человека, создавая предпосылки эффективной манипуляции.

Литература

1. Гайдук Ю., Зинчук В. Масс-медиа как создатели современных политических мифов // www.nbuu.gov.ua.
2. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1990. – №2. – С. 58-69.
3. Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: Политиздат, 2003. – 384 с.

ФОРМООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Пазников

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Регрессивные явления, наблюдаемые в обществе, уже к началу XXI в. породили широкие предпосылки к мифогенезу. Миф проникает во все сферы социальной деятельности, что делает его главным источником формообразования. Результатом интерсубъективного становления мифа стало возникновение новых социальных групп, к числу которых можно отнести религиозные и эзотерические секты, преступные сообщества, политические объединения. Внутри них человек находит успокоение, безопасность и осмысленность. Понимание данных процессов опирается на рассмотрение двойственной природы мифа.

Миф объединяет в себе рациональное и иррациональное. В рациональном человек пытается через миф достичь ясной картины окружающего мира; однако на современном этапе миф рассматривается прежде всего как средство избавления от страдания и от сознания как главного его источника. Наблюдается активность мифотворчества в его "смутном" бессознательном обнаружении. Прослеживается стремление уйти от реального, от существующих проблем, от самой жизни [2], в область мифологического, где всё проще и подчинено главной идеи. В политике, бизнесе, криминале это власть, обогащение, процветание, известность и т.д., для религиозных сект - идея верности, служения "мессии". Для современного общества особенно характерны мифы "успешного человека", "криминальный миф", "миф духовного пути", "миф современности", "миф консервативности" и т.д.

Отсутствие работы по осмысливанию действительности, эксплицированию мифологических текстов ведёт к тому, что миф актуализируется в бессознательном и "незаметно" подменяет действительность вторичной реальностью. Реальность политика, чиновника, нувориша или люмпена далека от действительных социальных проблем. Все они живут в соответствии с "диктуемой" мифом идеей; их интересы и ценности содержатся в рамках их собственного "сиюминутного" существования. Со временем происходит всё большее погружение предметов в миф, которые после этого функционируют в социальном уже с изменённой логикой. Процесс такого поставления-подмены является источником формообразования и гармонизации отношений на основе контраста.

Основной способ проявления мифа – мифологические символы. Этими символами становятся предметы техники, одежды, продукты питания. Внутри социальной группы символы становятся сакральными; формируется фетиш. Из ряда таких вещей, которые отождествляются с мифом, образуется идентичность [3] человека. Например, товары престижного спроса (украшения, одежда, автомобили и т.д.) сакральны в политических и криминальных

группах. Важную роль играет фирма-производитель товара, которая символизирует определённую социальную группу. Особенно часто сегодня предметом фетиша становится техника. При стремительном усложнении техники, вся её сложность была помещена в коробку, которая, благодаря дизайну, проста и понятна; от человека требуется минимум усилий. Не понимая при этом принципов действия, он относится к ней как к предмету магии. Инженер, то есть человек, посвящённый в тайны техники, становится магом. К нему прислушиваются, идут за советом, как к шаману племени.

Символ, помогая его владельцу отождествляться с мифом, даёт магическую силу – не настоящую, виртуальную; в действительности нет разницы между двумя аналогичными товарами разных марок, между дорогим и дешёвым, модным и не модным.

Рост числа мифологических символов приводит к снижению ценностей вещей “профанного” (не-мифологического) мира. Произведения искусства, наука, философия, религия считаются чем-то лишним и несуральным в “новой реальности”. Предмет, которым нельзя владеть или изменить, уничтожается, “приносится в жертву”. Так демонстративно сжигают знаки старой власти при смене режима, уничтожают книги, памятники архитектуры, наконец, целые населённые пункты (как при постройке ГЭС). Подменяя логику предмета, можно “обезвредить”, сделать “своим” всякое чуждое: насилие назвать “оправданным”, тиранию – “демократией”, стихийный бунт – “войной за независимость” и т.д. Такая практика широко практикуется в политике и СМИ.

Онтологически новые формы не самостоятельны: они есть способ проявления мифа. Главная их черта – простота и однозначность: как в наскальном рисунке, в них нет никаких “лишних” деталей. Логика продиктована преобладающим мифом: “быстрое лучше медленного”, “дорогое лучше дешёвого”, “своё ближе”, “Россия – великая”, “идти в ногу со временем”, “даёшь свободу!”, “деньги делают деньги” и другие.

Складывается особая модель межличностных отношений. В различных регламентах, предписаниях, ритуалах, приметах, привычках и т.д. – стремление удержать поведение в рамках мифологического. Исчезает амбивалентность; мысли и поведение разделяются на “правильное” и “неправильное”. На основе контраста строятся гендерные, дружеские, корпоративные отношения. Чувства однонаправлены, ярко выражены, иррационально возникают и сменяют друг друга. При этом человек не может объяснить, почему следует поступать именно так.

Наиболее ясно формообразование прослеживается в языке: упраздняется многозначность, неоднозначность слов; появляются элементы “новояза” (слова “позитив”, “негатив”, “крутого”, “окей” и др.). На место рассуждения и диалога приходят готовые текстовые конструкции, формулы, эмблемы, неологизмы.

Нами видится большая опасность проникновения мифологического в социальное. Ведь чем больше человек включён в миф, тем меньше самостоятельности: миф – через бессознательное – определяет любую деятельность.

Конечным этапом для субъекта мифологии становится полное соединение с мифом, распад личности, замена её на идентичность, присоединение к мифу и окончательное растворение в его стихии.

Литература

1. А.Ф. Лосев. Диалектика мифа. М.: Академический Проект, 2008. – 303 с.
2. Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2011. – 1040 с.
3. В.О. Пелевин. Generation "П". Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2010. – 608 с

apaznikov@gmail.com

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК КРАЙНЯЯ ФОРМА КОНСЕРВАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

И. С. Лысенко

Сибирский государственный аэрокосмический университет (Красноярск)

Мы исходим из того, что в условиях консерватизма управление межэтническими и межнациональными отношениями предполагает верховенство духовной власти над властью светской. Управление в условиях консерватизма осуществляется средствами институтов духовной власти (институт церкви, общественные объединения и др.) в соответствии с внеправовыми социальными нормами. Государство и нормы права выступают лишь инструментом осуществления верховенства духовной власти. Государство лишь подчиняется институтам какой - либо идеологии, доктрине, идеи, религии, общественного договора и т. д.

Следовательно, в условиях консервативного управления первостепенное значение приобретают внеправовые социальные нормы. Особое отношение к традициям, обычаям, моральным нормам составляют основу духовной жизни. Э. Бёрк отмечает, что если кто-то действует, абстрагируясь от того, что создали и передали нам предки, проявляет неуважение к институтам и ценностям прошлого, то он рискует тем самым разрушить связь времён и уничтожить общество как саморазвивающийся во времени и в пространстве организм [2, 47].

Тем самым, в соответствии с консервативным типом управления приоритетными для жизни общества являются межэтнические отношения, которые регулируются внеправовыми социальными нормами (нормы религии, нормы этнической морали, культуры, идеологические нормы, складывающиеся веками). В свою очередь нормы права выступают как определённые интерпретации внеправовых социальных норм, реализующихся государствующими социальными институтами.

Реалистская методология выступает как основа исследования консерватизма. В соответствии с реалистской метафизической методологической традицией общественный договор, идеология выступают в качестве общественного идеала – идеальной абстрактной думающей сущности. Общественный идеал восполняется внеправовыми социальными нормами.

В разные эпохи различные философы предпринимали попытки охарактеризовать тоталитаризм. Среди отечественных философов к сущности тоталитарного режима обращается И.А.Ильин. «Тоталитаризм – это политический строй, беспрепятственно расширявший своё вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объём своего управления и принудительного регулирования», - пишет И.А.Ильин [4, 134]. Тоталитарное государство в понимании И.А.Ильина есть всеобъемлющее государство, поскольку нет нужды в самостоятельности граждан, ибо она вредна, опасна и нетерпима. Если обычное правосудие, по его выражению, исходит из предпосылки «что не запрещено, то разрешено», то тоталитарный режим исходит из иной предпосылки: «что не разрешено, то запрещено». И.А.Ильин объясняет данное положение тем, что тоталитарный режим основан не на законах, а на распоряжениях, инструкциях, и специальных указах. И.А.Ильин делает вывод о сущности тоталитарного режима: сущность «состоит не столько в форме государственного устройства, сколько в объёме управления. Этот объём становится всеохватывающим» [4, 135].

В коллективной работе «Тоталитаризм в Европе XX века» выделяются несколько признаков тоталитаризма как крайней формы консервативного управления, в числе которых называется унитарная идеология, монополия массовой информации, централизованный контроль над всеми сферами жизни [5, 500]. При этом государство выступает как универсальное сознание и дух нации, а нация – высшей личностью.

Идеологический догматизм проявляется в неприятии опыта и аргументации, реальных фактов. Идеологическое мышление освобождается от реальности и настаивает на «более истинной реальности». При этом догматическая идеология распространяется на человечество вообще без применения её к поведению конкретного человека, поскольку в условиях тоталитаризма как крайней формы консервативного управления общество становится Одним Человеком.

Считаем целесообразным обратиться к выявлению такой практики тоталитарного управления межэтническими и межнациональными отношениями как фашизм. Отметим, что фашизм как крайняя форма консерватизма возник на основе такой версии консерватизма как идеологический консерватизм. Принято выделять следующие тоталитарные режимы, которые основаны на идеологии фашизма: правление Ф.Франко в Испании, правление Салазара в Португалии, правление Б.Муссолини в Италии, правление А.Гитлера в Германии. Так, современный немецкий исследователь Н.Фрай отмечает наличие господства идеологии в режиме фашизма [6, 77]. Так же он отмечает, что национал-социалистический режим сразу претендовал на тотальный кон-

троль всей общественной жизнью. В случае с фашизмом в качестве идеологии, которая претворяется в жизнь на основе философии консерватизма, выступает национал-социалистическая идеология. В условиях идеологического консерватизма происходит замещение норм морали нормами права в соответствии с определённой идеологией.

В данном случае органы власти используются для реализации национал-социалистической идеологии. Например, в Германии закрепление национал-социалистической идеологии произошло в 1933 году после принятия Закона о «Единстве государства и партии» [3, 286].

Управление, основанное на фашистской идеологии, по-существу является расистским. Пропаганда в Германии основывалась на идеи так называемой германизации других народов. Отвергается равенство рас. Обосновывалось право немцев на генетическую избранность, что можно характеризовать как проявление национализма. В данном случае под национализмом понимается идеология исключительности и превосходства одного этноса над другим. Как полагает И.А.Ильин, тоталитарный режим внушает чувство собственного превосходства над всеми другими народами [4, 136]. Тоталитарный режим Ф.Франко в Испании так же основан на национализме, который объявлялся «традиционной испанской ценностью» [5, 151].

Фашизм, как пишет И.А.Ильин, уходит в крайности национализма и шовинизма. Враждебное отношение фашизма отмечается не только к различным этносам, но и к религиям, поскольку фашизм сам начинает претендовать на религиозное значение. Так, в 1938 году Б.Муссолини обнародовал «Расовый манифест», провозгласивший необходимость сохранить чистоту итальянской расы, причислив её к арийской. Из этого следует, что все иные этносы объявлялись врагами фашистов.

Управление в условиях тоталитарной формы консерватизма направлено на завоевание мирового господства и подчинение всех этносов своему господству и создание единого человечества на основе единой идеологии [1, 513]. В этой связи допускается применение насилия к другим государствам с целью упрочения своего положения, поскольку согласно концепции тоталитаризма государство не ошибается в своих действиях до тех пор, пока оно сильно. Например, в 1930 годы Б.Муссолини в речи к миланцам 25 октября 1932 года утверждал, что «XX век будет веком фашизма, веком итальянского могущества, будет веком, в течение которого Италия в третий раз станет руководителем человеческой цивилизации, потому что вне наших принципов нет спасения ни для отдельных личностей, ни тем более для народов» [5, 109]. По выражению Б.Муссолини, фашистская Италия является единственной нацией, которая может дать доктрину всем народам земли. На подобное мировое господство претендовала и фашистская Германия.

По мнению философа Х.Арендт, согласно тоталитарному управлению уважение к другим этносам и признание их субъектами истории препятствует стремлению тоталитарного государства к господству, поскольку, если этни-

ческая общность ставит свои интересы выше интересов государства, то она представляет угрозу безопасности страны [1, 593].

Таким образом, тоталитаризму как крайней форме консервативного управления соответствует исключение всякого выражения этнической индивидуальности человека или отдельной этнической общности, что обуславливает наличие шовинизма, национализма и межэтнической напряжённости. Нормы права выступают в качестве определённой интерпретации господствующих в обществе внеправовых социальных норм.

Литература

1.Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В.Борисовой, Ю.А.Кимелева, А.Д.Ковалёва, Ю.В.Мишкене, Л.А.Седова. Послесл. Ю.Н.Давыдова. Под ред. М.С.Ковалёвой, Д.М.Носова. М.: ЦентрКом, 1996. - 672 с.

2.Бёрк, Э. Письмо г-на Бёрка к члену Национальной ассамблеи в ответ на некоторые возражения в отношении его книги о положении дел во Франции / Э. Бёрк // Правление, политика и общество : сб. / пер. с англ. Л. Полякова. – М. : КАНОН-пресс ; Кучково поле, 2001. – 480 с.

3.Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770 - 1990. СПб., «Наука». - 2003, 467 с., С. 286

4.Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Том 1 / И.А.Ильин; со-
ставление, предисловие и комментарии Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс,
2008. – 528 с.

5.Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, ре-
жимов и их преодоления / Руководители авторского коллектива Я.С.Драбкин,
Н.П.Комолова. М.: Памятники исторической мысли, 1996.-540 с., (Серия
«Россия-Германия-Европа», Вып. 2), С.500

6.Фрай Н. Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия,
1933 – 1945 / Н.Фрай; [пер. с нем. Л. Ю. Пантиной; науч. Ред. А. Ю. Ватлин].
– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ГИИМ, 2009. –
255 с., С.67

ПРАВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. С. Сергиенко

Курганский государственный университет

Несмотря на то, что в современных социальных исследованиях право вы-
ступает непосредственным предметом изучения такой специальной дисци-
плины как юриспруденция, оно также является предметом исследования со-
циальной философии, нацеленной в отношении права на анализ его места в
системе социального бытия в целом. Юридический и социально-

философский подходы к праву являются взаимодополняющими друг друга, однако обладают собственной спецификой.

Для большинства наших соотечественников право ассоциируется исключительно с деятельностью законодательных и судебных органов, а юриспруденция является комплексной общественной наукой о правовых нормах и различных аспектах правоприменительной деятельности [1]. В рамках такой науки право исследуется как некое волеустановленное явление, выраженное в совокупности правовых норм, принятых уполномоченными на то органами в установленном порядке и носящих обязательный и принудительный характер, подкрепленный угрозой применения санкций за их нарушение. Данный подход был сформирован во многом благодаря влиянию позитивизма, противоположного по своей сути естественно-правовому типу правопонимания. Следствием же данной противоположности явилось двуединство предмета юриспруденции, в качестве которого в наиболее обобщенном виде можно выделить взаимосвязанные феномены права и государства.

Так, согласно юридическому подходу, предметом юриспруденции является позитивное право в качестве нормативной формы свободы, а также государство как институциональная форма данной свободы. Право здесь выступает, прежде всего, как некое объективное, не зависящее от воли законодателя, явление. В свою очередь, с позиции позитивизма, предметом юриспруденции является только право, составной частью которого выступает государство, как единственный источник и творец права.

Основной же задачей отечественной юриспруденции является исследование входящих в ее состав правовых отраслей, анализ которых происходит на уровне изучения норм права отдельно от социальной реальности. Об этой проблеме говорит В. А. Четвернин, указывая на стремление юриспруденции к изучению правовых норм в «чистом виде», то есть в том, котором они сформулированы в официальных текстах [2]. Такая ситуация ведет к возникновению формалистической юриспруденции, предметом которой выступает совокупность содержащихся в нормативно-правовых актах норм, существующих независимо от социальной реальности [3]. Однако любая правовая норма является, в первую очередь, нормой социальной и существует лишь там, «...где ее наличие демонстрирует социальная практика» [4].

Таким образом, основной задачей юриспруденции выступает получение теоретического знания о существующих отраслях права, взаимосвязи и порядке применения правовых норм, а также об институциональной системе органов, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования правовой системы в целом. Данная наука не занимается исследованием специфики функционирования права в социуме, его места и роли в системе социальной регуляции и влияния на политico-правовую сферу жизни общества.

В отличие от юридических дисциплин, основной задачей социальной философии относительно права является изучение универсальных характеристик правового регулирования общественных отношений путем исследова-

ния общих принципов, норм и форм взаимоотношений их субъектов. Данная наука, абстрагируясь от конкретных проявлений норм права, направлена на изучение философской сущности правовых явлений, в аспекте их постоянного изменения и развития, с целью исследования общества, как некой целостности, базирующейся на взаимосвязи и взаимодействии составляющих ее элементов.

Именно в системе социальных отношений возникает право и формируется юридическая регуляция, субъектами которой выступают как социальные общности, так и отдельные индивиды. Взаимосвязь данных субъектов выражается в их воздействии друг на друга, когда правовая деятельность отдельных индивидов формирует правовой облик общества в целом, и наоборот, правовое общество способствует соблюдению норм права его отдельно взятыми представителями.

На современном этапе развития, в условиях формирования правового государства и гражданского общества, важнейшей характеристикой различного рода социальных общностей является наличие у них свойства правосубъектности, то есть возможности выступать полноценным участником правоотношений. Данные требования являются следствием социального характера права, приобретенного в процессе развития общества и его перехода от эмоциональной регуляции к правовой, в которой право силы заменяется силой права. Именно при переходе к рациональным методам решения возникающих споров путем судебных процедур, участник правоотношения, социальный субъект, приобретает статус субъекта юридического, отличительными характеристиками которого являются способность свободного, вариативного выбора, а также договороспособность, предполагающая ответственность как за должное выполнение принятых на себя обязательств, так и за их нарушение.

Функционирование правовой регуляции становится возможным лишь в рамках социума, достигшего определенного уровня развития, на котором каждый индивид обладает необходимыми для участия в правоотношениях характеристиками, как социального, так и биологического типа (правоспособность и дееспособность). Так, для приобретения юридического статуса индивид должен обладать способностью к рационально-волевой регуляции поведения, осуществления свободного выбора и формирования собственной автономной структуры поведения, а также чувством ответственности за исполнение принятых на себя обязательств. Социальный статус правового субъекта наделяет его специфическими правами и обязанностями, определяя основные сферы реализации собственных целей и интересов, а также способы регуляции своего поведения и взаимодействия с различными социальными институтами.

Право, таким образом, играет ключевую роль в процессе становления общества, являясь также одним из наиболее важных факторов его дальнейшего развития. Возникнув вместе с появлением социального мира, пройдя долгую эволюцию наравне с другими типами социальной регуляции, право на сего-

дняшний день является основным критерием определения степени развитости того или иного общества.

Подводя итог рассмотрению предметного соотношения таких исследующих право областей знания как юриспруденция и социальная философия, стоит отметить, что существующая взаимосвязь данных научных направлений обусловлена общностью их объекта при сохранении дифференциации предметных областей. Так, общим для обозначенных научных направлений объектом исследования является правовая реальность. Предметом же юриспруденции выступают «...объективные свойства государства и права...закономерности их возникновения, функционирования и развития как относительно самостоятельных общественных институтов» [5]. В свою очередь, предметом социально-философских исследований является взаимодействие человека, как части социума и правового субъекта, с окружающей его системной действительностью, а также изучение основных механизмов функционирования в обществе правовой регуляции.

Литература

1. Гайков В. Т. Юридический словарь / В. Т. Гайков. - Феникс, 2006. – с. 348.
2. Четвернин В. А. Проблемы теории права (для особенно одаренных студентов) PDFM / В. А. Четвернин. - М., 2010. – с. 5.
3. Там же, с. 6.
4. Там же, с. 6.
5. Спиридовон Л. И. Теория государства и права / Л. И. Спиридовон. - М., 1999. - с. 6 – 7.

sergeenkoas@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОСУДИЕ» И «ЗАКОН» В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ Н. БОББИО (ПО РАБОТЕ «TEORIA GENERALE DELLA POLITICA»)

М. А. Томюк

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Норберто Боббио (1909–2004) – итальянский философ, правовед, политолог, являлся членом национальной Академии наук в Турине, Британской академии, был пожизненным сенатором Итальянской Республики.

Концепция правосудия Н. Боббио изложена в его работе «Teoria generale della politica» («Общая теория политики»), впервые изданной в 1999 г.

Н. Боббио придерживается позиции политической философии, согласно которой в содержательном плане понятия «правосудие» и «закон» совпадают. Так, законный владыка (законный представитель, законный

преемник) уже изначально осуществляет власть справедливо, так как право исполнения власти закреплено за ним законом. Если, например, увольнение работника фирмы произошло на законных основаниях, то оно, с точки зрения закона, справедливо. В нормах международного права прописаны случаи, которые дают право государству начать войну («*vim vi ripellere licet*» – насилие можно отражать силой), тогда и война становится законной, а значит и справедливой войной. Выходит, что «справедливо то, что предписано, только потому, что оно было предписано (имеется в виду предписание верховной власти, у которой есть легитимное право издавать законы), и несправедливо то, что запрещено только по причине факта быть запрещенным» (цит. по: [1, р. 261]; перевод наш. – М. Т.).

В концепции Н. Боббио отношение между законом и правосудием уточняется через понятие «равенство». Закон – это некое правило поведения, норма, у которой есть два символа: «символ общности» и «символ абстрактности». «Символ общности» – это «директива, содержащаяся в норме; она обращена на категорию субъектов или статус (отец, сын, спруг, собственник, продавец, уполномоченный и т. д.), даже в случае, когда категория субъекта составлена всего одним единственным человеком (например, королем, королевой, президентом республики, премьер-министром), но не на отдельного субъекта (Иванова, Петрова, Сидорова)» [1, р. 262]. «Символ абстрактности» означает, что предметом регламентирования является акция какого-либо типа (кража, убийство, расправа, кредит, долгосрочная аренда и др.).

Через характеристики общности и абстрактности, считает Н. Боббио, закон «гарантирует первичную форму равенства, формального равенства, понимаемого как одинаковое обхождение с теми, кто принадлежит к одной категории» [1, р. 262]. Отсюда «главный принцип, который требует равного отношения к равным (и не равное отношение к не равным), называется верховенством правосудия» [1, р. 262].

Н. Боббио считает, что в отсутствии закона судья вынужден судить от случая к случаю, поэтому, рассматривая дело в судебном порядке, «может принять неправильное решение (по небрежности, по ошибке или предумышленно): судить два одинаковых дела по-разному или два разных дела одинаковым способом» [1, р. 262]. Поэтому решение судьи, опирающегося на традицию, нормы религиозного или морального характера или на предыдущие решения по аналогичному случаю, а также мнение профессионального юридического сословия, может быть ошибочным, нарушающим равенство субъектов права.

В результате он приходит к выводу о превосходстве «государства законов» над «государством людей». Н. Боббио приводит цитату из произведения Еврипида «Просительницы»: «Ничто не может быть более вражеским в городе, чем тиран. Когда нет общих законов и сила в руках одного человека, когда он сам для себя издает законы, то равенство не дей-

ствует. Когда, наоборот, есть писаные законы и самый слабый может отвечать власть имущим, когда они его оскорбляют, то и слабый, если он прав, может победить сильного» [1, р. 263].

Судьи должны руководствоваться в практике формулой: «Закон должен быть одинаковым для всех». Только тогда закон будет применен объективно, потому что «только этот способ гарантирует равное отношение к равным» [1, р. 264].

Н. Боббио отмечает, что дискриминация по мотивам пола, расы, этноса, социального положения, религии и т. п. нарушает принцип равенства всех перед законом. Еще у Солона, пишет он, мы находим: «И я предписал законы, равные аристократу и плебею, применяя к каждому прямое правосудие». По мнению Н. Боббио, порядок не терпит несправедливости дискриминации.

Н. Боббио пишет: «Проблема была бы существенно упрощена, если бы все люди были равны во всем, если говорить метафорически, как два одинаковых бильярдных кия или как две капли воды. В этом случае было бы достаточно всего одного критерия: «Для всех все одинаково». Не было бы необходимости делить на категории по какому-либо различию и все принадлежали бы одной категории. В мире, в котором все элементы принадлежат одной категории, правило правосудия: «Необходимо трактовать равных по равному», – не работает и этим исчерпывается проблема правосудия» [1, р. 266]. В итоге не нужно выявлять и учитывать критерии дифференциации, которые являются яблоком раздора, которые лежат в основе столетних споров о распределении обязательств и должностей, делят людей на разные категории.

Действительно, люди не являются одинаковыми, они равны и не равны, и не все одинаково равны и одинаково не равны. Те, кто равны на основе одного критерия, могут быть не равны на основе другого и наоборот, заключает философ.

Итак, какие сходства или различия значимы? Философ рассуждает: «Есть случаи, где все легко решается: рост не имеет значения при определении права голосовать (но значим возраст), но рост значим для военной службы, а также для некоторых других видов деятельности. Но значимо ли это для получения любой общественной должности?» [1, р. 267]. Это простые и очевидные случаи. Но есть и сложные случаи, когда недостаточно применить один критерий, когда применяются несколько критериев одновременно или один или несколько критериев для исключения других. Например, почему пол из значимого (ущемление политических прав) стал незначимым? Чем другим можно объяснить, что быть чернокожим в обществе белых в некоторых странах больше не имеет значения для пользования гражданскими и политическими правами, а в других случаях этот признак все еще значим.

Н. Боббио обращается к Конституции, где закреплено положение, что все граждане наделены равными правами, равны перед законом без раз-

личия по расовым, половым, языковым, религиозным, политическим взглядам, социальному положению. Не есть ли это конец дискриминации? На самом деле различия расы и пола не стерты, раса и пол продолжают быть различными. Что изменилось, так это оценка, которая дана важности этого различия в отношении определенных правовых возможностей. Но есть и другие различия, например, по возрасту, интеллекту или стремлению к достижению совершенства в собственной работе, которые могут быть достаточно важными в определенных ситуациях. «С другой стороны, по отношению к таким стертым дискриминациям как пол, могут быть достаточные причины для их поддержания в ситуациях, в которых равное отношение обращается в недостаток», – пишет философ [1, р. 268]. Н. Боббио приходит к выводу, что «говорить, что такие равные – это одно, и совсем другое то, по отношению к чему они равны» [1, р. 268].

Н. Боббио считает, что правосудие может быть представлено двумя правилами, которые дополняют друг друга:

- правило первое: правосудие дает каждому свое («*suum cuiuscumque tribuere*»);
- правило второе: правосудие дает каждому по заслугам («*suum agere*»). Оба правила дополняют друг друга, эти два правила – две стороны одной медали.

Литература

1. Bobbio N. Teoria generale della politica. Torino: Giulio Einaudi, 2009.

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В СЕМИОТИКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

А. С. Райкова

Новосибирский государственный университет

Термин «цивилизация», по сути, краеугольный камень в фундаменте нашего мироощущения, которое менялось на разных уровнях развития общества. Потому, в некотором смысле, в исследовательских целях представляется важным проследить эволюцию термина с точки зрения «работы» одного из семиотических процессов – закона «семиотического ослабления» признака. Этот закон действует в различных областях нашей жизни: экономике, культуре, праве и т.д.

Так, по своей природе право – семиотическая система, которой присущи все черты эволюции знаков. В этой системе действует своего рода семиотическая закономерность – трансформация от сильного символа к слабому, а затем и к совсем слабому [Проскурин, 2008. С. 11].

В культуре с подобными семиотическими процессами мы сталкиваемся, изучая акты жертвоприношения. На смену кровавым ритуалам принесения жертвы пришли более гуманные способы «умиротворения» богов (вложение к пьедесталу идола пищи, драгоценных даров). Интересно проследить с этой точки зрения и эволюцию понятия «месть». Ю.С. Степанов пишет, что «месть – первичная форма наказания, осуществляемая потерпевшим и его близкими. <...> В историческое время она подвергается различным ограничениям, благодаря которым приобретает публичный характер, потому что подлежит контролю общественной власти. Постепенно месть сменяется системой выкупов» [Степанов, 2004. С. 432]. Таким образом, мы можем говорить об общем семиотическом процессе – «материальное, физическое воздействие на агента (в данном случае – подлежащего мести) сменяется воздействием ослабленным, замещением (выкупом)» [Проскурин, 2008. С. 14].

Но «семиотическое ослабление» признака, на наш взгляд, не обязательно должно быть связано с эволюцией кар векторе смягчения наказания. Любопытно проследить эволюцию термина «цивилизация». Мы остановились именно на правовой области «работы» признака, т.к. изначально, как ни странно, слово «цивилизация» использовалось как юридический термин.

Определение точной даты появления слова «цивилизация» представляется весьма сложным. Большинство исследователей склоняется к тому, что слово возникло во Франции довольно поздно, в XVIII в., как производное от прилагательного *civilisé* «благовоспитанный, просвещенный» и от глагола *civiliser* «смягчать нравы, просвещать», которые широко употреблялись уже в XVI в. «Слово «цивилизация» еще в 1732 г. оставалось термином сугубо юридическим, - пишет Фернан Бродель, - и означало судебный акт или судебное решение, которое превращало уголовный процесс в гражданский. Современное выражение – в смысле «перехода к цивилизованному состоянию» - возникло позднее, в 1752 г., под пером Тюрго <...> Впервые в напечатанном тексте это слово появилось в работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756) Мирабо» [Бродель, 2008. С. 33-34].

Ф.Бродель подчеркивает, что возникает слово «цивилизация» неслучайно, а «потому что в нем нуждались». Так, прилагательные вежливый, учтивый, культурный, цивилизованный (т.е. с хорошими манерами) не могли быть соотнесены ни с одним существительным. При этом Ф. Бродель указывает, что Универсальный словарь Антуана ФюреТЬЕРА (издан в 1690 г.) определял слово *poli* следующим образом: «Используется в моральном смысле и означает цивилизованный. Цивилизовать, облагородить нравы, приобщить к культуре и обществу... Ничто так не цивилизует и облагораживает молодого человека, как общение с дамами» [Бродель, 2008. С. 34]

Более того, Э. Бенвенист обратил внимание, что существительное *civilisation* появилось позже прилагательного и глагола. Подобное явление учёный объяснил слабой продуктивностью класса абстрактных существительных технического характера: слова с окончанием на *-isation* были мало распространены и их количество возрастило медленно. Бенвенист пишет, что

из всех производных с таким окончанием, лишь у слов *organisation* и *civilisation* произошёл переход к значению «состояния», тогда как остальные сохранили значение исключительно «действия» [Бенвенист, 2010. С. 390-391].

Изначально слово «цивилизация» использовалось как юридический термин. В подтверждение этому Жан Старобинский в своей работе [Старобинский, 2002. С. 111] приводит статью из «Всеобщего словаря» Треву (1743):

«Термин юриспруденции. Это судебный акт, судебное решение, которым уголовный процесс превращается в гражданский. Цивилизация дела осуществляется посредством превращения следствия в дознание, или иначе».

В переводе уголовного процесса в гражданский, т.е. «цивилизации дела», также наблюдается тенденция замещения сильного семиотического действия ослабленными семиотическим действием: от государственного интереса – к частному интересу; от широты приемов исследований – к отсутствию психологической подоплеки; от наказания преступника – к обеспечению интересов потерпевшего.

Но уже в 1795 году, как пишет Ж. Старобинский [Старобинский, 2002. С. 113], у Л. Снетлаге (*Nouveau Dictionnaire français contenant de nouvelles créations du peuple français*, Göttingen, 1795) значится:

«Слово это, употреблявшееся лишь в судебной практике, в смысле превращения уголовного дела в гражданское, употребляется для того, чтобы выразить действие цивилизования или же наклонность некоторого народа смягчать, а вернее исправлять свои нравы и обычаи, внося в гражданское общество [*société civile*] ясную и деятельную нравственность, исполненную любви и добрых дел. (Каждый Гражданин Европы вступил сегодня в сей последний бой за цивилизацию. Цивилизация нравов.)»

Литература

1. Бенвенист Э. Общая Лингвистика. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. 448 с.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Изд-во «Весь мир», 2008. 549 с.
3. Проскурин С. Г. Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 2. С. 11-18.
4. Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 110-149.
5. Степанов Ю.С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.

raykova88@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ XX ВЕКА В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Н. И. Гончарова

Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)

На уровне правовой науки формирование виктимологии (вначале – как частной криминологической теории) напрямую связано с введением в научный обиход понятия «система», а также с признанием того факта, что жертва преступления является отнюдь не случайным элементом в структуре противоправного деяния, и что создание эффективной системы противодействия преступлениям (а тем более системе преступности в целом) невозможно без соответствующих исследований феномена жертвы преступления.

Первые отечественные исследования виктимологического характера относятся к середине 60-х гг. По сути дела, это только ориентиры будущей работы: публикации в журнале «Советская юстиция», выступления на конференциях и семинарах. Но уже через несколько лет появляются монография Франка Л.В. «Виктимология и виктимность», исследование Ривмана Д.В. «Виктимологические факторы и профилактика преступлений», диссертация Минской В.С. «Поведение потерпевшего в генезисе преступлений против личности», статьи Остроумова С.С., Номоконова В.А. При всех недостатках «первичного исследования» названные работы обладают рядом достоинств, делающих их актуальными и в наше время. Это, прежде всего, ясное осознание того факта, что любой человек может стать потерпевшим (жертвой преступления), что неосторожное поведение жертвы отнюдь не является оправданием преступления, совершенного в отношении нее, и, в то же время, что существуют вполне объективные факторы, делающие именно данное лицо более уязвимым для противоправных посягательств. А самое главное, речь идет о практическом применении результатов данных исследований, как на уровне индивидуальной виктимологической профилактики, так и на уровне государственной политики.

Изучение поведения потерпевшего в рамках правовых дисциплин продолжается в самом начале 80-х гг. (к этому времени относятся статьи представителей Омской высшей школы милиции, в частности, Левертовой Р.А., Клейменова М.П.), а затем на несколько лет оказывается как бы «в тени». В сборниках научных трудов, материалах конференций виктимологический аспект исследований не прослеживается, хотя сам термин «виктимологический» и его производные становятся все более и более привычными в юридической литературе. Распространенным становится упоминание о «виктимологической вине потерпевшего», т.е., таком поведении потерпевшего, которое объективно вызвало совершение преступления в отношении него.

Вновь обостряется интерес к виктимологии уже на рубеже 80-90-х гг. Появляются серьезные исследования, в которых (порой без обращения к термину «виктимность») проводится подробный анализ поведения потерпевшего в рамках криминологической оценки преступления, причин и условий, способ-

ствовавших его совершению. (Так, можно назвать обстоятельную работу Мошака Г.Г. «Преступление в семье: истоки и профилактика», очень взвешенное и объективное исследование Антоняна Ю.М., Голубева В.П., Кудрякова Ю.Н. «Изнасилования: причины и предупреждение»).

В обеих названных работах сохраняются лучшие традиции отечественной виктимологии. По мнению авторов, сочувствие к жертве преступления не должно подменять объективный анализ случившегося. Но, с другой стороны, нельзя ставить знак равенства между виктимностью и виной потерпевшего. Более того, авторы второго исследования специально акцентируют внимание на многозначности понятия «виктимность»: «Под виктимностью можно понимать, на наш взгляд, два явления: (1) незащищенность личности со стороны государства, общества и микроокружения от каких бы то ни было преступных посягательств..., и (2) ее субъективную предрасположенность стать жертвой преступления, что ослабляет способность противостоять преступнику». [1; 26]

Авторы монографии убеждены, что защищать личность от каких бы то ни было посягательств – неотъемлемая обязанность как государства, общества в целом, так и конкретно правоохранительных органов. Данное исследование является, в какой-то мере «рубежным», поскольку в последующие годы роль государства в виктимологических исследованиях рассматривается нечасто.

В первой половине 90-х гг. происходит определенных «перелом» в устоявшихся криминологических воззрениях. Становится общепризнанным тот факт, что личность и поведение жертвы являются важными факторами криминогенной ситуации. И в то же время возникает новая тенденция: гиперболизация роли поведения потерпевшего и принижение значимости действий преступника. (Проще говоря, речь идет о «перекладывании» вины с преступника на его жертву.) В связи с объективными политическими процессами минимизируется роль государства и уровень его ответственности за охрану общественного порядка, защиту своих граждан от криминальных экспессов. (В частности, работы Сливки С.С.)

В заключение добавим, что процесс развития виктимологических теорий в Украине и в России в начале 21-го века, на наш взгляд, имеет ряд сходных черт. С одной стороны, стремительно растет количество исследований по данной проблематике, осуществляются попытки создания целостных концепций виктимологической безопасности, разрабатываются программы социальной и психологической реабилитации жертв преступлений, определяются возможные формы компенсации нанесенного ущерба. В настоящее время мы заново открываем для себя тот факт, что вне взвешенной государственной политики невозможно обеспечение виктимологической безопасности даже на уровне индивида.

С другой стороны, немалая часть исследований имеет «вторичный характер» по отношению к европейским и американским работам, как с точки зрения предмета исследования, так и в плане используемых методов. Предлагаемые выводы и рекомендации нередко носят общий характер, что не способ-

ствует созданию эффективной системы виктимологической защиты личности и общества.

Литература

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. – М., 1990. – 192 с.

Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Н. В. Наливайко, А. В. Наливайко

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Современная модернизация России невозможна без мощного реформирования отечественной системы образования. Знания, получаемые в процессе обучения, подвергаются изменениям каждый год и устаревают подчас раньше, чем учащиеся сумеют их усвоить (с начала XX в. до 1950 гг. период удвоения научных знаний был равен примерно 50-ти лет; последующие годы периоды удвоения знаний стали еще короче – 10–15 лет, а по отдельным отраслям уже составляют 1,5–2 года, в настоящее время общие периоды удвоения научных знаний сократились до 1,5–2-х лет). Поэтому специалист обязан постоянно доучиваться и переучиваться. В обучении необходимо перейти к другим единицам содержания образовательного процесса: обучать методам, подходам, способам, парадигмам. Таким образом, на первый план выдвигается проблема метода познания и метода обучения, а значит, и изменения технологии обучения. Иными словами, в экономике, основанной на знаниях, образование и обучение приобретают постоянный, непрерывный характер, распространяясь за рамки собственно учебных заведений – в фирмы, некоммерческие и правительственные организации, – пронизывая всю реальную социально-экономическую деятельность.

Следует отметить, что развивающаяся в современном модернизирующемся обществе профессионализация «сужает» профиль специалиста. Но интегративные процессы в науке и обществе требуют подготовки специалистов широкого профиля, способного в короткие сроки переквалифицироваться в соответствии с нуждами общества и производства. Есть основания говорить о новой проблеме отечественного модернизирующего общества и системы об-

разования: с одной стороны – необходимо реализовать тенденцию к фундаментализации подготовки специалистов в вузе, так как фундаментализация «расширяет» профиль специалиста; с другой – необходима подготовка специалистов к конкретной деятельности в конкретной сфере производства, их.

Сегодня в условиях модернизации и реформирования системы образования необходимо сформулировать требования к минимуму гуманитарной подготовки: образованный человек обязан знать историю своего Отечества и не быть манкуром, забывшим свое прошлое; необходимо понять, в какой точке социально-исторического пространства мы находимся, каковы объективные пути развития современной цивилизации; специалисту не только необходимо владеть методологической основой научного исследования, но, прежде всего, понимать меру своей ответственности за себя перед другими.

Необходимо внимательное и широкое обсуждение проблемы стандартов, предлагаемую реформаторами. Дело в том, что стандартами предложено сократить число предметов в старших классах с 16–21 до 9–10; а также выделены три обязательных предмета – курс «Россия в мире», ОБЖ и физкультура. По остальным учащимся предоставляется выбор: математика, физика, химия, биология, русский язык и литература выпали из числа обязательных предметов. Математику и физику ученики могут выбирать по своему усмотрению – вплоть до одного часа в неделю. При этом действует ограничение, из каждого блока школьник вправе выбрать только два предмета. Но возникают проблемы: сможет ли ученик, сам сделать выбор необходимого для его будущего и будущего страны комплекта предметов? Почему такой ответственный пункт – гарантия будущего для государства – перенесен в самый неустойчивый пункт – выбор школьника? Нам представляется, что стандарты вредны тем, что вводя, свободу выбора школьника, реформаторы фактически подрывают право государства быть субъектом управления в целях обеспечения будущего страны.

Вопросы глобализации культуры и образования становятся важнейшими для человечества. Хотя глобализация имеет экономические формы и политические последствия, она все более обнаруживает первичность культуры и образования на глобальном уровне, определяет глобальные тенденции развития образования.

Во-первых, образование меняет свой статус и становится товаром, знание продается и покупается, экспортируется и импортируется как любой другой продукт. Мы видим сегодня тенденцию мощной эволюции образования в сторону расширения платного образования, постепенно образование все более превращается в сферу услуг для населения. В России тенденция превращения образования в платное усиливается, сопровождаясь «уходом» государства из образования. Государство «уходит» из образования, меняются и трактовки представлений об образовании как о благе за счет государства к взгляду на образование как услугу и предмет экономических отношений. Переход в образовании от государственного финансирования к частным инвестициям имеет положительные стороны, позволяя образованию оперативно

реагировать на запросы рынка. Но есть определенные опасности. Существует опасность неравного доступа к качественному образованию в условия социального и экономического расслоения общества, что зависит от доходов семьи и др.

Во-вторых, происходит интеграция системы образования в единый мировой поток, где особое значение приобретает информационная подготовка, формирование навыков жизни будущих специалистов в условиях массированного сетевого информационного воздействия. Глобализация, как известно, – это проявление современной научно-технической революции, глубинная суть которой заключается в органической связи производства – науки – образования, в превращении производства в широкомасштабный инновационный процесс, в возникновении нового способа производства, основанного на информационных технологиях. Действительно, предоставив уникальные возможности в области передвижения капитала, товаров и услуг, современные информационно-коммуникативные технологии стали основой формирования так называемой новой экономики. Глобальная интеграция, происходящая в мировом сообществе, все больше ориентируется на интеграцию системы образования в единый мировой поток.

Мы глубоко уверены также в том, что если современная цель развития образования состоит в модернизации системы образования, то мы подтверждаем отставание данной системы. Модернистская логика развития современной системы образования включает свою первоочередную цель – послушной подготовки рабочей силы, нужной для использования современных технологий в современном материальном производстве. И эта цель не сочетается с идеей формирования творческой, толерантной, адаптивной личности, способной найти свое место в современном быстро меняющемся мире, отражающей интересы эпохи постмодернизма и ориентированной на культурное содержание эпохи. Логика данного рассуждения заставляет задуматься о том, что современная реляция в пользу «инноваций» и «инновационного образования» фактически является вчерашним днем, вчерашней парадигмой модерна. Нам представляется, что нельзя уничтожать культуру в угоду развивающегося в России рынка. Главная задача отечественной образовательной политики сегодня заключается не в модернизации системы образования. В необходимости модернизации системы образования никто не сомневается. Основные тенденции в развитии отечественной системы образования состоят не в усовершенствовании методик и технологий обучения и воспитания, поскольку такое усовершенствование идет постоянно, являясь перманентным процессом. Главная задача развития российской системы образования состоит в решении вопроса о содержании и общей ориентации образования на отечественную культуру с ее смыслами. А это и есть то особенное, атрибутивное для нашей новой философии образования, осмысливающей современные глобальные тенденции российской системы образования.

nnalivaiko@mail.ru

КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

С. И. Черных

Новосибирский государственный аграрный университет

Концептуализация кризиса образования как социально-философской проблемы требует обозначения основополагающих моментов, обозначающих сам кризис. Задачи статьи состоят именно в этом.

Первый круг вопросов, требующих своего решения, связан с противоречием, формирующимся как результат тотальной информатизации всей жизнедеятельности социума в целом и образовательного пространства в частности. Рассмотрение образовательного пространства, как инварианта информационного пространства позволяет, во-первых, сформулировать тезис о структурной идентичности первого и второго. Во-вторых, зафиксировать существенное несоответствие в качественных и количественных характеристиках изменений, происходящих в трех основных элементах образовательного пространства: источнике информации, приемнике информации и собственно передающей среде как результирующей совокупности коммуникационных взаимодействий. Основания обозначенного противоречия связаны с тем, что источник информации в «компьютерном формате» резко «оторвался» по темпам своего изменения от приемника информации. В результате структура передающей среды, а в случае образования речь идет о системе образовательных взаимодействий, теряет устойчивый характер и с неизбежностью переходит к поиску новых организационных форм для приобретения утраченной устойчивости, как необходимой характеристики своего функционирования.

Второй круг вопросов связан с противоречивым характером принципов предыдущей образовательной парадигмы и парадигмы формирующейся. Применительно к российскому образовательному пространству данное противоречие проявляется через смену принципов эгалитарности, плановости и фундаментальности, лежащих в основании традиционной парадигмы, на принципы элитарности, диверсифицированности и компетентности.

Следует отметить еще одно важное в исследовательском плане обстоятельство, связанное с изменением образовательных парадигм: в условиях информатизации общества формируется новое электронное образовательное пространство, парадигмальные основания которого практически не представлены в рамках социально-философской рефлексии. Электронное образовательное пространство, став частью жизнедеятельности социума, разрывает традиционные связи основных субъектов образования (государства, гражданского общества и личности), преобразует их функции, усиливая уже имеющиеся противоречия. Тем не менее, как уже было отмечено выше, процессы, связанные с тем, что электронное образовательное пространство стало частью социальной реальности, последствия данных процессов, структура, сущность электронного образовательного пространства слабо определяются

как область исследования и почти не изучается влияние компьютеризации на субъектов образования.

Изменения, связанные с переходом от предыдущих, традиционных оснований к новым, трансформируют не только передающую среду, но и самих субъектов образования как способа воспроизведения жизнедеятельности общества и личности. В результате трансформаций образование перестает «писать» производство и науку необходимыми им кадрами, не выполняет запрос со стороны общества на предоставление кадров необходимой квалификации. А общество в лице работодателей, соответственно, перестает верить в возможность эффективной подготовки кадров соответствующей квалификации, в саму возможность оптимизации интеграционного взаимодействия между образованием и запросами социума.

Третий круг вопросов связан с изменением субъекта образования, а точнее с многочисленными дискуссиями относительно субъекта образования и его представленности как некоторого теоретического конструктора, которые, на мой взгляд, не учитывают принципиально важного момента. Традиционно, как показывает анализ идентичности субъекта в образовательном пространстве, в различные исторические периоды развития образования как коммуникативной деятельности и (в этих рамках) как способа производства жизнедеятельности социума и личности, определяющую роль играло либо государство, либо гражданское общество (преимущественно церковь, как его элемент), либо личность. В современном обществе, в соответствии с предполагаемыми проектами модернизации образования, приоритетное начало отдается личности. Другими словами, именно личность определяется как цель образования, как основной определяющий элемент образования. Однако формальное утверждение личности как основного субъекта образования, приоритет личности на уровне законодательных документов и различных педагогических концепций, по сути является вариантом делегирования функций, выполняемых государством в рамках традиционного образования собственно личности. В реальности личность, как субъект образования, лишена автономности и функционально определяется государством как субъектом образования. Основными вариантами «исхода» личности за рамки государственного подавления выступает элитарное образование либо интернет-образование. И если основным минусом первого варианта является его, ограниченность в силу финансовых, организационных, психологических причин, то основным минусом второго варианта выступает неопределенность и неподконтрольность последствий, что, тем не менее, не мешает расширению электронного образовательного пространства. В результате субъект-объектное образовательное отношение, как основа образовательного пространства традиционного типа и особенно передающей среды, как его элемента, сменяется информационно-образовательным. Основной отличительной характеристикой последнего является его преимущественно субъект-субъектный характер, причем для выполнения роли обучающего практически не существует никаких ограничений (обучающим может быть даже вень, то

есть компьютер с образовательной программой). А в пространстве виртуального бытия субъект-субъектные отношения приобретают квазисубъектный характер, когда отношения «Я - Другой» трансформируются в отношение «Я-Я-как-другой».

Четвертый круг проблем, связанных с изменением парадигмы традиционного образования, определяется как проблемы изменения архитектуры образовательного пространства. Они вызваны изменением жесткофиксированной вертикальной организации образования (дошкольное, школьное, послешкольное образование) в сторону горизонтального построения, которое лишь частично определяется государством. В рамках пространственной архитектуры образования это обозначает то, что парадигмальный каркас локальных типов образовательных пространств (национальных или региональных) вынужденно или добровольно интегрирует в результате информатизации в глобализационный контекст образования. Вынужденная или принудительная интеграция характеризуется плоскостной многовариативностью, которая проявляется в дилемме национального -глобального, общенационального - локального, личностного -государственного, гуманитарного - технического и так далее. Обострение противоречий между ними актуализирует роль государства в их решении.

Изменение образовательной парадигмы в современных российских условиях не ограничивается выше проанализированными проблемами, однако именно они, на мой взгляд, имеют определяющий и интегративный характер. Их фиксация, рассмотрение, анализ и решение (даже частичное) является основанием для разработки новой социально-философской теории, адекватно отражающей происходящие изменения в области образования. Необходимо еще раз отметить, что кризис современного образования изначально связан с изменением парадигмы и трансформацией старого традиционного образования. Это, в свою очередь, является следствием информатизации общества и возникновением, распространением нового типа образовательного пространства - электронного образовательного пространства.

2560380@ngs.ru

«АРХИТЕКТУРА» СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. П. Загорулько

Новосибирский государственный педагогический университет

Как перед образованием в целом, так и перед языковым образованием в частности, стоит задача подготовки обучающегося к жизни в поликультурном обществе. Мы согласны с В. А. Лекторским, что коммуникация, понимаемая как диалог, дает ключ к пониманию проблем, которые возникают как в развитии познания, так и в обществе и культуре, что явля-

ется одной из главных тем неклассической эпистемологии [см.: 2, с. 12]. В настоящее время общество оказалась в такой ситуации, когда речь идет «о необходимости видеть <...> в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностных и интеллектуальных систем отсчета» [2, с. 30]. Необходимость изучения связей между субъектами познавательной деятельности обусловлена тем, что они предполагают коммуникацию, социально и культурно опосредованы и исторически изменяются. Как пишет В. А. Лекторский, «нормы познавательной деятельности меняются и развиваются в этом социально-культурном процессе. В этой связи формулируется программа социальной эпистемологии, предполагающей взаимодействие философского анализа с изучением истории познания в социально-культурном контексте» [2, с. 113]. Поскольку «возникновение информационного общества делает проблематику получения и ассилияции знания одной из центральных для культуры в целом», поскольку «проблематика и характер теории познания существенно меняются. Находятся новые пути к обсуждению традиционных проблем. Появляются вопросы, которых не существовало для классической теории познания» [2, с. 114]. Эпистемология отдает приоритет не классическому отношению «субъект – объект – познание», а структуре и динамике самого знания. В связи с вышеизложенным необходимо специально остановиться на эпистемологическом различии овладения родным и неродным языком, поскольку современные миграционные процессы обострили эту проблему.

Миграционные процессы, обусловленные развитием информационного общества и глобализацией, изменяют «архитектуру» языкового образовательного пространства. Исходя из того, что образовательное пространство представляет собой форму единства людей, складывающуюся в результате их совместной образовательной деятельности [см.: 3, с. 4], можно утверждать, что языковое образовательное пространство формируется в результате совместной образовательной деятельности людей, основой для которой выступают потребности участвующих в ней субъектов по освоению родного и неродного языков. Мы считаем, что на языковое образовательное пространство в условиях глобализации влияют, с одной стороны, факторы собственно образовательного пространства (выступающего как общее по отношению к языковому пространству), а с другой стороны – специфические условия формирования языкового пространства. Значение понятия «языковое образовательное пространство» для исследования национального и интернационального языкового пространства заключается в осознании необходимости учета различий между овладением человеком родным и неродным языком, а также пониманием взаимообусловленности при изучении родного и неродного языков.

Развитие интернационального языкового пространства напрямую зависит от развития национального языкового пространства. Миграция усиливает значимость именно интернационального языкового пространства, которое стимулирует развитие языкового образовательного пространства. Это связано с тем, что овладение неродным языком происходит не путём повторения уже пройденного процесса развития, а совершается через другую, ранее усвоенную речевую систему, стоящую между неродным языком и миром вещей [см.: 1, с. 204]. Поэтому овладение неродным языком может осуществляться с помощью родного языка, оказывая на него влияние. Так, приступая к изучению неродного языка, человек переносит систему значений из родного языка на неродной. Кроме того, усвоение неродного языка позволяет обобщать явления родного языка и помогает осознать, что родной язык выступает как частный случай языковой системы [см.: 1, с. 266–267]. Исходя из диалектики общего и частного, можно предположить, что языковое образовательное пространство представляет собой совокупность языков и субъектов образовательного процесса, находящихся во взаимодействии друг с другом; то есть речь идет об особым образом организованном социальном пространстве, в котором выстраивается диалог культур, стимулирующий развитие каждого включённого в него человека.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М. : Лабиринт, 1996. – 416 с. (Сер. «Философия риторики и риторика философии»).
2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М. : УРСС, 2001. – 256 с.
3. Шендрик И. Г. Образовательное пространство субъекта и его проектирование : моногр. – М. : АПКиПРО, 2003. – С. 3–59, 149–154.

lpzagorulko@list.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Ю. С. Рудакова

Горно-Алтайский государственный университет

Вместе с развитием человеческого общества изменяются средства и способы передачи информации. На сегодняшний день основным источником и средством распространения информации, необходимой для функционирования социальных институтов, являются средства массовой коммуникации. Все чаще современный человек начинает представлять себе мир не в соответствии со своим личным восприятием, а через образ действительности, сформированный средствами массовой коммуникации. Особая роль в формировании образа реальности отводится «визу-

альности», которая становится специфическим способом производства значений.

Активное использование визуальных образов в медиасреде коренится в особенности их восприятия человеком. Известно, что большую часть информации мы получаем по зрительному каналу. Визуальный образ воспринимается человеком как более достоверный, чем аудиальный, и понимается он гораздо быстрее, чем текст. Г.Г. Почепцов приводит следующие результаты исследований: «... 69% получаемой с экрана информации не дублируется словами. При этом наблюдается и различие в запоминании: половина аудитории запоминает 16% вербальных тем новостей, но 34% визуальных тем. В пересказе вербальных тем 32% опрошенных делают ошибки и только 15% ошибаются, пересказывая визуальные темы. Одновременно это канал, который более эффективно использует информацию, донося до аудитории максимум возможных сведений. Если 69% вербальной информации замечает менее трети аудитории, то в случае аудио-визуальной информации речь идет о потери лишь 50% информации»[1, 349-350].

Видеоряд позволяет не только проиллюстрировать вербальную информацию, но и добавить ей образности, выразительности, порождая дополнительные смыслы. Обращаясь непосредственно к чувствам человека, он вызывает более эмоциональный отклик.

Визуальный материал зрительного ряда активирует в долгосрочной памяти зрителя множество иных образов, сопрягающихся с его личным опытом, порождая ассоциации и вызывая чувство сопричастности.

Для его интерпретации несущественны различия в языке, как для вербальных и письменных сообщений. Более важными оказываются различия в культуре.

В целом понимание визуального языка зависит от многих составляющих: образования, жизненного опыта, визуального кода определенной культуры и т.п. Однако надо понимать, что универсального кода для интерпретации смыслов визуальных сообщений не существует.

Мир современного человека наполнен бесконечным разнообразием визуальных образов и знаков. В визуальной форме можно выразить любое событие в нашем мире, даже то, что мы чувствуем и о чем мечтаем. Однако событие становится информацией только в том случае, если оно оцифровано в звуко- или видеоряде. Такое, ставшее информационным, событие начинает жить своей жизнью, подменяя собой событие реальное. Визуальные образы, создаваемые современными медиа способны не только нести информацию, но формировать определенные представления о системе социальных отношений и позиций.

Архитектура визуального образа, используемая современными медиа, носит сложный характер. Условия, управляющие способами изображения отнюдь не произвольны. Они выстраиваются исходя из необходимых результатов воздействия. События становятся лишь набором образов, из

которых, как из детского конструктора, можно собрать различные по смыслу сообщения. Из минимального количества единиц изображения специалист-профессионал сконструирует сообщение в необходимом контексте и с высокой силой воздействия. Такой манипулятивный потенциал визуальных сообщений отмечается многими исследователями. Именно поэтому визуальный образ становится главным «оружием» в борьбе за потребителя в различных сферах жизнедеятельности человека.

В формировании успешного визуального образа, способного обеспечить необходимую реакцию аудитории, заинтересованы маркетологи, продающие товар и услуги на рынок, политические лидеры, выстраивающие необходимый им имидж, и обычные пользователи сети, выставляющие свои фото и видео в интернете. От этого зависит решение главной для них задачи: привлечение внимания конкретной целевой аудитории.

Таким образом, создаваемый современной медиа реальностью визуальный продукт конструирует наш взгляд, форматирует сознание, тем самым формируя определенное восприятие и понимание мира. Наши вкусы и предпочтения в еде и одежде, развлечениях, образовании и отдыхе, желаниях, начинают определяться исходя из образов, предлагаемых медиасредой. Потребляя определенным образом препарированную информацию видеообраза, мы становимся тем, что мы видим.

Некритически потребляемая информация лишает нас индивидуальности. Одно из проявлений данного феномена отразилось в понятии «официальный планктон».

Визуальные образы в средствах массовой коммуникации обладают способностью не только нести информацию, но и формировать у людей определенные представления о системе социальных отношений и позиций.

В таких условиях визуальность становится не просто текстом культуры. Она есть специфический способ производства значений. В ней человек становится не только потребителем информации, но и ее пользователем. Посредством визуальных образов осуществляется трансляция социальных смыслов, формируется социальный опыт. Современные технологии предлагают все новые и новые возможности по фиксации социального опыта людей с помощью современных визуальных средств коммуникации.

Визуальный образ, апеллируя, в первую очередь, к эмоциональным слоям психики человека, создает иллюзию, воспринимаемую и переживаемую им как абсолютно достоверную реальность. Эта новая реальность носит симулятивный характер, ориентируя не столько на вещи, сколько на их образы, изменения особенности ее потребления. Существуя в реальности, формируемой средствами медиа, человек начинает испытывать зависимость от нее.

Все это, несомненно, ставит вопрос об информационно-психологической безопасности личности. Одним из возможных путей обеспечения которой может стать медиаобразование.

Литература

1. Почепцов, Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов. - М.; «Рефл-Бук», 2001.

yulirudakova@ya.ru

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Микичур

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Знаменитый «спор о позитивизме в немецкой социологии», начало которому было положено в 1961 г. в Тюбингене выступлениями двух выдающихся мыслителей К. Поппера и Т. В. Адорно, наметил ключевые для критического подхода вопросы, которые приобрели новую актуальность в связи с происходящим в настоящее время реформированием образования. Переход от зуновской системы к формированию компетенций открыл дорогу для внедрения новых педагогических методик, одной из которых является технология развития критического мышления. Интерес современной педагогики к критическому мышлению делает актуальным осмысление критической традиции. Начатая в середине прошлого века дискуссия между ведущими представителями критического рационализма (К. Поппер) и критической теории (Т. Адорно) актуализировала проблему наличия или отсутствия неразрывной связи между знанием о фактах и ценностями. В ходе ее были выявлены ключевые различия в понимании критики представителями этих направлений. Для Поппера критика не несет в себе никакого содержательного смысла и представляется простым механизмом оправдания всеобщих научных суждений. У Адорно критика, означает раскрытие противоречий реальности через ее познание и преобразование социального мира на его основе. Критический подход Поппера позволяет уйти от догматизма, но вместе с тем освобождает исследователя от моральных оценок.

Метод Адорно претендует на сохранение ценностной компоненты. На его содержании и анализе хотелось бы остановиться.

Критический метод Адорно способствует возвращению человеку свободы, а также «трансцендированию» его за рамки существующего общественного порядка. Адорно, в соответствии с гегельянской философской традицией, считал возможным в процессе познания воспроизводить саму реальность и потому вырабатывать и применять категориальный аппарат, определяемый предметом. Для этого нужно заменить существу-

ющий тип мышления на констеллятивную или эстетическую рациональность. Построение новой модели мышления Адорно начинает с критики существующей, которую считает ответственной за кровавые события I половины XX века. Мысление по модели констелляции предполагает отказ от системности и иерархичности, сохранение нетождественного, устранение субъект-объектных отношений через установление сродства познающего и познаваемого.

Новая модель мышления реализуется в единстве двух моментов: рационального и миметического. Франкфуртский теоретик пытается в своей модели объединить мыслительную и творческую деятельность. Рациональный момент предполагает связанность элементов и их организацию в единое целое по типу «констелляции» (созвездия), которое удерживается благодаря его отрицанию в частях и элементах. В констелляции нет первоэлемента, из которого выводятся последующие элементы. Все ее составляющие располагаются одинаково близко к центру, тем самым образуются поперечные связи и исчезают последовательные логические цепочки. Они заменяются отношением одновременности мыслимого, следуя закону «паратаксиса», логической одновременности. Логичность, присутствующая в констелляции, отличается от традиционной отсутствием иерархии. Отсутствие раз и навсегда определенных причинно – следственных связей приводит к утрате линейного вектора времени, направленного из прошлого в будущее. Явления не становятся достоянием прошлого, они продолжают происходить. В соответствии с этим, по Адорно, реальность предстает как непрерывное становление. Констеллятивное построение помогает сохранить потенциал вещи, она не становится раз и навсегда определенной, с течением времени меняется ее содержание.

Центральным моментом процесса познания у Адорно декларируется определение предмета, которое подразумевает дифференцирование наимельчайшего и ускользающего от понятия. «Дифференциированность» как способность различать равное от неравного, без которой невозможна синтетическая функция мышления, по Адорно, является качественной характеристикой мышления. Дифференциированность в процессе ее осуществления становится внутренним опытом для познающего, что предполагает «миметический момент избирательного родства познающего и познаваемого». Миметическая составляющая реализуется через уподобление познающего познаваемому. Это подражание, но не тому, что существует, а тому, что должно быть, идеалу, основанному на ненасильственном, духовно-телесном единстве человека с природой, воспоминание о котором находится где-то в глубине психики человека. Миметические способности, по Адорно, заложены в природе человека. Благодаря им субъект, созерцавший, слушавший, читавший творение искусства, неминимо растворялся в нем, забывая о себе.

Наличие эстетической составляющей, по мнению Адорно, является гарантом наличия ценностной компоненты в мыслительном процессе.

Эта ценностная компонента актуализируется через сопричастность по-знающего познаваемому. Для Адорно мышление по типу констелляции открывает подлинную реальность, которая является благой и разумной. Обладание истинным знанием служит гарантом нравственного поведения. Таким образом, воззрения Адорно можно отнести к этическому абсолютизму, как и учение Сократа. Франкфуртский теоретик заостряет проблему соотнесения этических ценностей и способа мышления. Он акцентирует внимание на эстетическом измерении отношения человека к миру, его связи с ценностями. Нужно согласиться с тем, что в процессе познания субъект дает явлениям эстетическую оценку, относя их к прекрасному, возвышенному, безобразному и т.д. Эта оценка имеет ценностный характер. Однако нельзя забывать, что после того, как М. Вебер отрефлексировал распад триединства истины, добра, красоты, сама по себе эстетическая оценка перестала быть гарантом этической, то, что является прекрасным, не обязательно будет добрым и наоборот. Модель мышления, которую предлагает Адорно, основывается на ряде допущений, которые не являются бесспорными. Между тем в его философии представлен оригинальный вариант реализации идеи единства этики, эстетики и мыслительной деятельности человека.

Литература

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
2. Адорно Т. В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001.
3. Шишков И. З .В поисках новой рациональности: философия критического разума. М.: Едиториал УРСС, 2003.

«ПРОДУКТИВНЫЙ» ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А. Б. Аникина

Региональный институт управления (Ханты-Мансийск)

Хотя постмодернисты и доказали невозможность написания истории в соответствии с формулой Ранке «как это было на самом деле» [см. напр. Данто гл VI-VII], тем не менее, совершенно отказаться от нее историки не могут. И хотя в самой формуле ничего не изменилось, новый интеллектуальный контекст придал ей совершенно иное значение. Поскольку и про сегодняшнюю историческую действительность мы не можем знать, что же есть «на самом деле», не вполне корректно предъявлять то же требование к прошлому. Однако нам по-прежнему хочется знать, а что же было и что есть, посему методология и философия истории упорно продолжают искать все более тонкие инструменты для «поимки» постоянно ускользающей исторической реальности.

Одним из плодотворно работающих в этом направлении историков является Карло Гинзбург. В нашумевшей статье «Приметы» он из разрозненных на первый взгляд фактов развития культуры (в самом широком смысле – способов гадания вавилонских жрецов, методов определения подлинности картин, диагностики заболеваний и др.) эксплицирует некую методологическую парадигму, названную им «уликовой». Суть этого метода тоже сводится к выяснению того, что было на самом деле, по неприметным следам, легчайшим намекам, явленным нам реальностью.

Зарождение такого вида познания Гинзбург возводит к древнейшим временам человечества: «На протяжении тысячелетий человек был охотником. На опыте бесчисленных выслеживаний и погонь он научился восстанавливать очертания и движение невидимых жертв по отпечаткам в грязи, сломанным веткам, шарикам помета, клочкам шерсти, выпавшим перьям, остаточным запахам».[Гинзбург 2004, 197] Далее тот же способ получения данных о том, что есть на самом деле рассматривается в том, как врачи по внешним признакам пытались определять недуг больного, а чиновники – идентифицировать людей по отпечаткам пальцев.

Данный метод был назван уликовым (в том числе) постольку явления характеризуются по непроизвольно оставленным свидетельствам. Так, совершивший преступление человек пытается скрыть все следы, однако если он что-то все же не учел – это превращается в улику.

На первый взгляд то, что Гинзбург называет «уликовой парадигмой», не отличается от обычных научных методов познания, таких как синтез или индукция. Однако существенное различие состоит в том, что в данном случае речь идет не о выведении каких-либо обобщающих теорий, а об объяснении конкретной ситуации, наличного набора разнородных фактов, которые, предположительно, характеризуют одно явление.

Этот подход иллюстрирует эпизод из произведения другого знаменного итальянца. По форме это художественное произведение, тем не менее, его автор – Умберто Эко – известен как историк и специалист в области интерпретации знаков. В романе «Имя розы» бывший инквизитор (то есть, специалист по дознаниям), ученик Роджера Бэкона объясняет своему помощнику: «Разгадывать тайну – не все равно, что дедуцировать из первооснований. Это также не все равно, что собирать множество частных данных и выводить из них универсальные законы. Разгадывать тайну чаще всего означает иметь в своем распоряжении не более … трех частных данных, не обладающих с внешней точки зрения никаким сходством, и пытаться вообразить, не могут ли все эти случаи представлять собой проявления некоего универсального закона…» [Эко, 373]

Произведения самого Карло Гинзбурга демонстрируют элегантнейшее воплощение эксплицированного им метода [см. напр. Гинзбург 1998]. Но возникает вопрос: что именно позволяет объединить столь разрозненные

элементы, не связанные универсальными законами, в единую концепцию, в связное объяснение или прояснение того или иного феномена?

В статье «Приметы» Гинзбург пишет: «В познании такого рода решающую роль приобретают (как принято говорить) неуловимые элементы: чутье, острый глаз, интуиция». [Гинзбург 2004, 226] Однако, не желая использовать этот «дискредитированный», по его словам, термин (интуиция), Гинзбург поясняет то, что он имеет ввиду, через взятое у суфиев понятие «фираса» – «способность мгновенно переходить от неизвестного к известному, основываясь на знаменательных признаках». [там же]

Гинзбург поясняет, что этот вид интуиции укоренен в чувственных ощущениях, а посему не имеет ничего общего с иррационализмами 19-20 веков. Но это замечание не вносит ясности и не объясняет, на основании чего данные интуиции позволяют считать, что мы узнали что-то о том, «как оно было». С одной стороны, если главной целью истории является подтверждение или опровержение фактов, то не имеет значения, истинны или ложны взаимосвязи, которые установил между ними историк. Однако история уже давно переросла эту задачу, и принялась за разработку бездонного рудника человеческого опыта. В таком случае, найденные взаимосвязи между фактами, (если они не противоречат здравому смыслу) так или иначе расширяют и обогащают исторический опыт человечества.

Здесь смыкаются позиции историка-практика Карло Гинзбурга и философа герменевтического направления, отдавшего много сил философии истории Поля Рикёра. Рикёр рассматривал историю как интерпретацию, причем выделяя те же две составляющие метода: соответствие свидетельствам (уликам) и связность повествования. «Благодаря этому сложному взаимодействию между опосредованной референцией к прошлому и продуктивной референцией вымысла человеческий опыт в его глубоком временном измерении непрерывно переустраивается». [цит. с сайта [philosophy.ru](http://www.philosophy.ru)]

Литература

1. Гинзбург К. «Репрезентация: слово, идея, вещь» // Новое литературное обозрение № 33, 1998 г.
2. Гинзбург К. «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология истории. М.: Новое издательство 2004 г., с 198-241.
3. Данто А. Аналитическая философия истории, М.: Идея-Пресс 2002 г.
4. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет <http://www.philosophy.ru/library/ricoeur/last.html>
5. Эко У. Имя розы, СПб.: Symposium, 2006г.

lieda@ngs.ru

ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ ФИЛОСОФОВ ХХ В.

М. А. Дьячкова

Уральский государственный педагогический университет

(Екатеринбург)

О. Н. Томюк

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

В настоящее время, когда происходят изменения во всех сферах общества, когда возникает множество нестандартных ситуаций, требующих неординарного решения, изучение проблем творчества становится особо актуальным.

Творчество производно от глагола «творить». В науке существует множество подходов к пониманию творчества. К. Бергквист, иллюстрируя этот факт, дает образное сравнение: представим, что мы находимся в зале с тысячами зеркал, в которых отражается творчество; мы видим творчество всюду, мы рассуждаем о творчестве, но не знаем, какое изображение действительное, а какое – мнимое.

Традиционно в рамках классического стиля мышления творчество трактуется как деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Отсюда и основные характеристики творчества – неповторимость, оригинальность, уникальность и общественно-историческая значимость.

Обратимся к неклассическому пониманию феномена «творчество», сложившемуся в ХХ в. Трансформации в способе философского мышления о мире повлияли и на понимание творчества. Изменения в основном коснулись ракурса творческого конструирования реальности и видения человека как субъекта этого конструирования, а именно изменились антропологические основания творческого отношения человека к миру. Изменения в понимании творчества имели вектор – коммуникативность, складывалась коммуникативная парадигма исследования творчества, адекватная произошедшем в ХХ в. трансформациям в философском видении мира. Если в классических концепциях творчества в основе лежит указание на логическую работу «чистого разума», статичность, единство, категориальный анализ, то неклассическое понимание творчества провозглашает свободу, коммуникативное и самоорганизующееся движение, процессуальность, хаотичность, взаимодействие. Современная философия рассматривает возможность увидеть мир в состоянии постоянного движения, изменения и становления, в хаотичных самоорганизующихся коммуникациях, когда мир постоянно предстает другим, иным, новым.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли рассматривать новизну не только как основной, а вообще в качестве критерия творчества? Если постоянство заключается в непрерывном изменении объективной реальности, если все и всегда есть новое, то, что противостоит новизне? Современная философия активно оперирует таким понятием, как «инновация»,

где частица «ин-» подчеркивает спонтанность появления нового. Инновации заменяют новизну, соответственно этому происходят изменения в объяснении феномена творчества.

Так, А. Бергсон считал, что мир – это не законченная в своем становлении реальность, мир – это реальность становящаяся, иначе – «Вселенная длится», то есть произошел поворот во взгляде на мир [1, с. 47]. Именно интуиция, по мнению философа, дает непосредственный взгляд на мир, схватывает динамику, качественную неоднородность, подвижную непрерывность мира. Интуиция как принцип творчества у А. Бергсона актуализирует бессознательное и чувственную, телесную сторону познавательной деятельности (в классике значение имеет только «чистый разум», чистый интеллект), таким образом, интуиция дополняет интеллект и делает его способным к творчеству. Творчество А. Бергсон трактует как улавливание длительности, неустойчивости, изменчивости жизни.

Антропологический поворот в стиле и способе теоретического мышления проявился в новом видении человека П. Рикёра, обозначившего позицию – «подозрение к разуму», суть которой заключается в сомнении по поводу того, что разум является единственным фактором человеческой идентификации. «Подозрение» Рикёра повлияло и на понимание творчества: творчество трактуется как онтологическая характеристика человека, как способ его жизни.

Психоанализ З. Фрейда способствовал специфической интерпретации творчества – привнесению психологической составляющей в объяснение творчества, когда творчество связывается с бессознательным уровнем сознания, а творческое мышление трактуется как функция психики в целом, а не только функция разума.

Теория бессознательного З. Фрейда положила начало новому этапу в исследовании творчества. К. Г. Юнг швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии развил учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел источник творчества. Творческий процесс по Юнгу предстает как развертывание архетипа, когда художник, творец актуализирует, одухотворяет образ, доводит его до завершенности. К. Г. Юнг считает, что творческий процесс, являясь результатом напряженности сознания под давлением бессознательного, порождает трансцендентальную структуру, творящую, созидающую новое [3]. Трансцендирование как онтологическая человеческая характеристика и свойственный только человеку способ бытия обнаруживает у Юнга творческое содержание, так как именно трансцендирование есть прорыв в трансцендентное, преодоление пределов, расширение границ, освоение нового, выход за пределы традиции. Творческая сущность трансцендирования указывает на то, что творчество есть способ человеческого бытия.

Несомненная заслуга З. Фрейда, К. Г. Юнга состоит в том, что они обратили внимание на взаимодействие различных структур психики, их

коммуникацию при объяснении феномена творчества, исследовали сам процесс творчества.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в XX в. складывается неклассическая концепция творчества. В рамках неклассического стиля мышления подвергнуто сомнению классическое понимание творчества как деятельности, порождающей нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Новизна в классической концепции творчества является критерием творчества: в результате творческого процесса должно появиться нечто новое. В неклассической концепции творчества новизна была увидена не в результате творения, а в процессе творчества, в процессуальности.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / пер с фр. В. А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
2. Фрейд З. Архаические черты и инфантилизм сновидения // Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
3. Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.awareness-way.ru/content/190-psikhologiya-i-poeticheskoe-tvorchestvo1>.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА PR И МЕТАДИСКУРСА PR

Е. А. Нечаева

Ивановский государственный химико технологический университет

Современное понимание деятельности PR в Европе и Америке в экономической сфере ориентировано на потребителя, на установление добрых отношений со своей общественностью. В политической сфере происходят большие изменения. Граждане хотят принимать активное участие в решении повседневных волнующих их проблем и вопросов, обсуждение которых до недавнего времени было исключительной прерогативой органов власти. Неослабевающее внимание к профессиональной этике, проблемам взаимоотношений специалиста PR, государственных органов, прессы, клиентов, разных групп внешней и внутренней общественности. Западный PR занимается даже вопросами экологии и сохранения окружающей среды. Методы PR-деятельности привели к сокращению и к запрещению многих опасных для природы и человека веществ.

В России PR зародился в конце 80-х годов, а как самостоятельная форма деловой активности начинает существовать только со второй половины 1990. Российский рынок современных PR-услуг зарождался на

фундаменте агитации и пропаганды советского периода и зарубежных методик PR-технологий. Это время можно назвать эпохой «дикого рынка», когда незащищенный российский бизнес претерпевал многочисленные катаклизмы. Российские предприниматели на том этапе не воспринимали PR, не понимали, зачем им это нужно, и не готовы были использовать методы PR в развитии своего бизнеса.

Сегодня политические реалии современной России демонстрируют нам, к сожалению, непрофессиональное, а подчас и преднамеренно искаженное представление о PR, особенно в ходе избирательных кампаний. С подачи недобросовестных журналистов PR в исконном своем понимании, как деятельность по достижению взаимопонимания между людьми и их организациями, основанная на правде и полной информированности, превращается в «пугало», «черный PR», который используется как инструмент лжи и клеветы в политической борьбе.

Было проверено нами, что Россия – это единственная страна в мире, где в PR-деятельности появились депрофессиональные явления. Одно из них джинса, т. е. продажа эфирного времени на радио и ТВ, газетных по-лос под заказные материалы. Телерадиосюжеты и передачи выполнялись на государственной технике, а оплата услуг осуществляется черным на-лом.

Второе – это черный PR и один из его видов – компромат. Материалы черного PR оплачиваются не только наличными деньгами, но и бартером, взаимными услугами и т. д.

Компромат – интерпретация достоверной информации, самый при-вычный и распространенный вид черного PR.

Один и тот же феномен в разных странах называется по-разному: ис-пользование фальсификации и обмана в своей деятельности в российской реальности номинируется как черный PR, а в американской – как *dirty technologies*. Это говорит о том, что за годы существования этого направ-ления деятельности в России в ней сложилась собственная эксплицитная система номинации, которая не является межъязыковой.

Для обозначения таких депрофессиональных явлений появляются в русском языке специальные лексические единицы, можно говорить о том, что формируется профессиональный сленг PR: черный PR, черный нал, джинса, пиарщики, пиарологи, пиаровцы, пиарить и т. д.

Это доказывает, что начинает складываться метаязык PR, который имеет свои специфические особенности. Позднее некоторые лексические единицы метаязыка, сформированного PR-специалистами, войдут в нор-мативные документы по PR. Начинают адаптироваться англоязычные заимствования и появляются русскоязычные эквиваленты путем кальки-рования или путем прибавления русских флексий к англоязычным основам. Использования второго способа хорошо просматривается в профес-сиональном сленге PR: к заимствованной лексеме из английского языка

прибавляются русские суффиксы (пиарщики, маркетеры, пиаровцы, про-пиарить).

Итак, мы увидели, как американский вид деятельности «PR» в русских реалиях трансформировался до неузнаваемости. Практика, которая строится только на достоверной информации, в России слала синонимом «клеветы». К тому же феномен PR в России разделился на несколько видов:

Чёрный PR—использование обмана, фальсификации для очернения, уничтожения конкурирующей партии, группы и т. д., распространение от её имени оскорбительных или экономически опасных заявлений и др.

Белый PR—открытая реклама от своего собственного имени. PR в узком смысле слова.

Серый PR—реклама, скрывающая свой источник. Также под серым PR иногда понимают разновидность непрямого черного PR, направленную на подсознание реципиента.

Жёлтый PR—использование, с целью привлечения внимания, оскорбительных для большинства населения данного государства элементов (табуированных слов в названиях, в изображениях — применение сексуального содержания — от ню, через эротику — к порнографии, в публичных действиях — псевдогомосексуализм, высказывание расистских, ксенофобных заявлений и т. п.)

Коричневый PR—нечто родственное неофашистской и фашистской пропаганде.

Зелёный PR—социально ответственный PR.

Кровавый PR. Это определение вошло в обиход после 11 сентября 2001 г. и стало употребляться для характеристики информационной составляющей терроризма. Суть кровавого PR в том, чтобы в правильном месте, в правильное время и правильным способом убить как можно больше (как можно значимых) людей или взять на себя ответственность за чужое громкое масштабное преступление.

PR цвета хаки. Информационное воздействие на противника в ходе военных действий, текущая пропагандистская работа с военными кадрами, СМИ и населением.

Анализ существующих видов PR показывает, что за годы существования этого направления деятельности в ней сложилась собственная эксплицитная система номинации, которая не является межъязыковой. Цветовое обозначение видов PR уникально и присуще только для России, это доказывает не только наличие PR-сленга в русском языке, но и еще одну особенность русского PR, которая проявляется в цветовом отображении особенностей PR-деятельности или ее специфики в определенный промежуток времени. Мы можем говорить, что те ассоциации, которые возникали в сознании русских PR-специалистов, номинировались языком при помощи определенного цвета.

fallow-deer@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. А. Ляшенко

Горно-Алтайский государственный университет

Современное информационное общество характеризуется превращением информации в один из важнейших глобальных ресурсов человечества, ускорением темпов развития науки и техники, созданием и совершенствованием новых интеллектуальных технологий. Процесс информатизации охватывает все стороны и сферы жизни общества и способы жизнедеятельности человека. Создаваемые информационные технологии меняют человека, не только дополняя его интеллектуальные ресурсы, но и воздействуя на психическую составляющую его жизни, что приводит к синтезу человеческого сознания и глобальных информационных систем.

Благодаря интенсивному процессу информатизации общества человек с детских лет получает гораздо больше разнообразной информации, чем когда-либо в прошлом, а это создает дополнительные возможности для развития его личности. Ведь развитие информационного общества диктует новые актуальные цели социализации человека. На первый план выдвигаются творческие, креативные способности, высокий уровень аналитического, системного и дискурсивного мышления, высокие адаптивные возможности, толерантное социальное поведение.

Использование информационных технологий, сетевых компьютерных коммуникаций позволяет резко усилить инструментальные, технологические и интеллектуальные возможности человека, высвободить творческий потенциал личности.

В то же время информационное общество несет многочисленные риски и опасности. Стремительно растущие потоки информации порождают риск того, что нужная информация может быть не найдена, потеряна, искажена. В условиях колоссальных объемов информации все труднее становится процесс ориентации, получения и переработки нужной информации. Мощь информационной техники и технологий, пронизывающих все сферы жизни современного информационного общества, порождает опасность манипулирования сознанием и поведением человека, угрожает дегуманизацией. Вот почему сегодня все острее ставится вопрос и осознается необходимость решения глобальной проблемы - во время подготовить общество к новым изменяющимся условиям жизни, а также к усложняющейся профессиональной деятельности человека в информационной среде, научить их самостоятельно действовать в этой среде, эффективно использовать ее возможности, уметь защищаться от негативных воздействий.

В этих условиях востребован новый тип культуры личности - информационный, выступающий как часть общей культуры, как целостная го-

твовность к освоению образа жизни, определяемого новыми ценностями информационного общества.

Следует отметить, что однозначного определения информационной культуры не существует. В одном случае она определяется как информационные качества личности (Вохрышев М.Г., Зубов Ю.С.), как «гармонизация внутреннего мира личности в ходе освоения всего объема социально значимой информации» (Зиновьева Н.Б.), в другом, – как информационная деятельность (Хангельдиева И.Г.), как «информационная деятельность аксиологического характера, т.е. обусловленная ценностями культуры» (Гречихин А.А.). Иногда информационную культуру связывают с определенным уровнем знаний, «позволяющих человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» (Медведева Е.А.), с новым типом общения (Михайловский В.Н.). Встречается понимание информационной культуры как характеристики уровня развития общества (Соснина Т.Н.).

На самом деле, информационная культура личности - это не только умения и навыки работы с компьютером и информацией, информационная культура - это еще и социокультурная основа жизни и поведения человека в информационном обществе, залог его социальной безопасности. Информационная культура личности в информационном обществе отражает особенности этого общества, его проблемы, тенденции, особенности, возможности. В ней значительно акцентируются элементы личностной культуры, актуализируется личностное начало. Эти тенденции проявляются в самых разных сферах жизни общества, а в областях, особенно интенсивно связанных и использованием информационно-коммуникационных технологий, их проявление наиболее сильно. В связи с возросшей ролью индивида в информационном обществе информационная культура личности становится главным основанием культуры информационного общества.

Человек должен осознавать свои потребности в информации, быть способным их выражать, иметь представление о многообразных современных информационных ресурсах. Он должен уметь вести поиск необходимой информации как в традиционной (бумажной), так и в электронной среде. Эти знания и умения составляют ядро информационной грамотности и являются неотъемлемой частью информационной культуры личности.

Человек, освоивший информационную грамотность, способен лучше учиться, он более подготовлен к самостоятельному получению знаний. Человек, имеющий необходимый уровень информационной культуры, не только имеет возможность получать качественное образование, он владеет способами непрерывного приобретения новых знаний и умениями учиться самостоятельно. Он умеет работать с любой информацией, с разнородными, противоречивыми данными, обладает навыками самостоя-

тельного, критичного, а не репродуктивного типа мышления. Все эти качества невозможны без важнейшего компонента информационной культуры личности - информационного мировоззрения. Человек, обладающий информационной культурой, может отличить информацию от дезинформации, способен критически оценивать чужое мнение и аргументировано выражать собственную точку зрения.

Развитие информационного мировоззрения, включающего убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, занимает особое место в концепции формирования информационной культуры личности, которая, являясь по своему содержанию органическим целым, предстает как степень совершенства человека, общества в целом или определенной его части по использованию информации во всех возможных формах жизнедеятельности.

ljashenko@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Д. М. Рыманов

Государственный медицинский университет (Казахстан, Семей)

Стало уже традиционным такое положение дел, при котором фундаментальные науки используют теоретические знания на практике, становясь в этом случае прикладными. Деление на теоретиков и практиков закономерный и нужный процесс, однако, часто при выборе поля исследования, ориентируясь на характер объекта и поставленные цели, наблюдается жесткое определение «границ владений». То есть прежде чем приступить к изучению проблемы, решают, принадлежит ли она теоретикам или практикам, после чего пользуются соответствующими методами. Такое отношение негативно отражается на результатах. Похожую ситуацию можно наблюдать в этике – исконно теоретической области знания.

Этика – это один из древнейших разделов философского знания, в наиболее общих чертах ее можно определить как учение о морали. Однако, сегодня этого не достаточно. Сложность такого объекта исследования как этика скорее заключается не в нем самом, а вне него. Так как множество отраслей знания требуют этического осмысления, точнее даже решения определённых проблем. Одной из таких отраслей является менеджмент.

Для того чтобы наиболее объективно раскрыть предлагаемый вопрос, нужно в первую очередь очертить понятийные рамки этики. Вот какое определение дает новейший философский словарь: «этика (греч. *ethika*: от *ethos* - нрав, обычай, характер, образ мысли) - 1) на уровне самоопределения - теория морали, видящая свою цель в обосновании модели до-

стойной жизни; 2) практически - на протяжении всей истории этика - обоснование той или иной конкретной моральной системы, фундированное конкретной интерпретацией универсалий культуры, относящихся к субъектному ряду: добро и зло, долг, честь, совесть, справедливость, смысл жизни и т.д. В силу этого в традиционной культуре этику разделяют на теоретическую модель морали и этику как моральное поучение». Где же в этом определении теория, а где практика? Теория, по-видимому, там, где речь идет о «теории морали», тогда когда оправдывают или опровергают те или иные поведенческие устои. А когда эти теоретические модели применяют для поучения, то это уже практика. Такое предварительное разделение, конечно, не является удовлетворительным, приведем еще несколько доводов в пользу разделения теории и практики. Первым доводом будет то, что сегодня появляются такие отрасли знания как, например биомедицинская этика, этика науки или этика управления. Эти зачастую молодые отрасли появились на стыке этики и какой-либо науки, отсюда специфичность проблем и сугубо прикладной характер этики. Другой довод так же заключается в особенности современной истории, когда все больше в почете практики, а не теоретики. Так все возрастает значимость лозунга «лучше сожалеть о том, что сделал, чем о том чего не сделал», конечно же, в определенном смысле здесь нет ничего дурного, однако, должна быть золотая середина между действием и созиданием. На этом этапе рассуждения подчеркнем суть рассматриваемой проблемы, которая состоит в этике менеджмента, а точнее в тех исследовательских подходах, которые применяются для его изучения. Так, в силу различных причин, многие авторы современных учебников и монографий в лучшем случае заявляют о прикладной этике, с помощью которой далее рассматривают основные проблемы менеджмента, причем проблемы этики в этом случае затрагиваются лишь поверхностно. Некоторые научные, учебные издания и вовсе, называя свои работы «этика управления», путают понятия этики и этикета, описывая в своих трудах лишь этикет управления. Таким образом, назревает необходимость расставить все по своим местам, и не случайно в названии данной работы подчеркнуто понятие теоретической этики, поскольку, как уже было отмечено, этику управления часто изучают лишь сквозь призму так называемой прикладной этики, отделяя ее тем самым от теории, а о правомерности такого разделения редко кто задумывается.

Как было уже отмечено, в менеджменте часто происходит подмена понятий этики и этикета, поэтому нужно ввести небольшое терминологическое уточнение. В словаре Ожегова можно найти такое определение этикета «это установленный, принятый порядок поведения, форм обхождения» или еще в энциклопедии – «этикет (французское *étiquette*), установленный порядок, соблюдение определенных норм поведения (например, при дворах монархов, в дипломатических кругах и т.п.)». Тем самым, этикет – это лишь некие правила поведения в том или ином

обществе и они никоем образом не связаны с этикой. Однако, при широком понимании этики можно предположить, что эти два понятия соприкасаются, но это с натяжкой. В связи с этим, если представить, что этикет - это прикладная этика и что именно так можно изучать этику менеджмента, то, во-первых, - это по меньшей мере не законно, а во-вторых, результаты исследования будут похожи на свод правил поведения без малейшего намека на этические проблемы.

Каким образом можно изучать управление с помощью прикладной и теоретической этики?

Если мы говорим о чем-либо прикладном, значит, оно должно как-то помогать человеку в повседневности и притом так, что все это ясно видят. Всевозможные отрасли физики, химии и математики позволяют нам пользоваться сотовыми телефонами, бытовой химией и различными приборами, которые облегчают и делают удобной нашу жизнь, а в чем проявляется прикладная этика?

На разных уровнях управления, будь то государство или предприятие важное место занимает вполне практический процесс принятия решений, где прикладная этика может очень помочь. Для того чтобы раскрыть проблему этики в управлении, мы прибегнем к индуктивному методу, а именно, возьмем за основу рассмотрения, такой важный аспект этики как справедливость. Со временем Сократа пытались ответить на вопрос что такое справедливость? Однозначных ответов нет и сегодня, несмотря на столь сложный объект как справедливость, подвергать анализу его, а не всю этику с ее многочисленными проблемами будет намного плодотворнее. Таким образом, обозначим поле исследования – это справедливость в управлении, а точнее справедливость прикладная и теоретическая. Далее мы подвергнем анализу одну и ту же управленческую ситуацию с позиций прикладной и фундаментальной этики.

Итак, перед нами возникла задача, какую управленческую ситуацию можно взять за образец для исследования. Для начала, определимся с полем исследования. Если широко понимать управление, то его элементы будут наблюдаться во всех областях и уровнях жизнедеятельности человека. Поэтому, для чистоты эксперимента, возьмем ситуацию из области управления организацией. Сократив исследовательское поле, мы вновь столкнемся с затруднением, а именно, какой уровень управления (имеется ввиду количество включенных в процесс управления индивидов) будет наиболее плодотворно подвергнут изучению. Если управленческая ситуация будет взята с организации, где количество сотрудников велико, то будет сложно разграничить влияние на справедливое поведение прикладной и фундаментальной этики. Поскольку для управления большой организацией в значительной мере применяется протокольная справедливость. То есть, имеются нормативные документы (устав, кодекс чести, мисси и тому подобное), следование которым считается нормой и правилом. Обсуждение подчиненными прописанных норм поведения в данном

случае не приветствуется и ведет к негативным последствиям. В этом случае возникает конфликт между прикладной и фундаментальной этикой, поскольку для первой нужны четкие управленческие указания, а для второй нет однозначных ответов в вопросах поведения, поступков, решения и тому подобного.

Взяв пример из области малых управленческих групп, мы так же окажемся в затруднительном положении, поскольку здесь чаще всего гла-венствует теоретическая этика с ее неоднозначностью. На этом уровне управление осуществляется с опорой на индивидуальность каждого сотрудника. Безусловно, здесь так же присутствует протокольная справедливость, но ее влияние крайне мало. Для рассмотрения нам остается средний уровень, где наблюдается сочетание протокольных норм и решений, а так же индивидуальных, с учетом особенностей сложившейся управленческой ситуации.

Определив поле исследования, нужно найти наиболее распространенную управленческую ситуацию и подвергнуть ее анализу. Для этого нужно иметь в виду, что коллектив организации, это объединение людей, связанных профессиональными интересами, направленный на решение общих для всех задач. В таком коллективе можно выделить диалектическое единство руководителя и подчиненного. С одной стороны, есть четкое противопоставление между ними, а с другой понимание значимости функций обеих сторон и принадлежность к общему делу. Таким образом, в нашем исследовании появляется направленность, а именно, диалектическое отношение руководитель-подчиненный. В этом ключе, управленческая ситуация должна быть связана с принятием решения руководителем. Основные случаи, когда возникает необходимость этического осмысления решений, можно обозначить следующим образом: повышение оплаты труда, поощрение сотрудников, благодарность, наказание, сокращение штатов. Конечно же, этим списком ситуации не оканчиваются, однако, они на наш взгляд, наиболее распространены. В большинстве случаев сталкиваются экономические и этические интересы. Поэтому рассмотрим ситуацию, когда встает необходимость в поощрении того или иного сотрудника или распределении денежной премии среди работников. С точки зрения прикладной этики справедливо будет то, что принесет пользу организации, и скорее всего будут учтены заслуги работников перед организацией. С точки зрения теоретической этики, поощрение может быть распределено и не в пользу организации, но, безусловно, в пользу сотрудника, этим случаем подчеркивается гуманистическая направленность фундаментальной этики.

Литература

1. Современный Энциклопедический словарь Изд. "Большая Российская Энциклопедия", 1997 г. OCR Палек, 1998 г.)

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка //http://ihtik.2x4.ru/encyclopedia_8janv2007/encyclopedia_8janv2007_1317.rar
3. Громова Л.А. Этика управления: Учебно-методическое пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА С ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ

И. В. Сапон

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
(Новосибирск)

Фромм пытался спроектировать будущее здоровое общество, и в этом уделял большую роль в психическом здоровье человека - этике. Будучи создателем неофройдизма, он развернул психоанализ в русло гуманизма, создав гуманистическую этику. Этот гуманистический психоанализ, как считал сам автор-создатель, был призван вместе с другими науками создавать "Гуманистическую Науку о Человеке как основу Прикладной Науки и Прикладного Искусства Социальной Реконструкции". [1]

Вопреки расхожему мнению, будто изучение этики уже не актуально, Фромм пишет: «"Реалисты" уверяют нас, что проблемы этики – это пережиток прошлого. Они говорят нам, что психологический и социологический анализ показывает, что все ценности существуют лишь относительно той или иной культуры. Они предполагают, что наше личное и социальное будущее гарантируется единственno нашим материальным успехом. Но эти "реалисты" оставляют без внимания некоторые суровые факты. Они не видят, что пустота и бездумность индивидуальной жизни, отсутствие плодотворности и, как ее следствие, отсутствие веры в себя и в человечество, обретя затяжной характер, ведут к эмоциональным и душевным нарушениям, которые, как правило, делают человека неспособным даже к достижению его материальных целей». [2]

Любовь к себе и любовь к другим часто считались действиями взаимоисключающими в философской мысли предшествующих эпох.

К примеру, Кант считал, что хотеть счастья другим — добродетельно, а желать счастья для себя — это естественное стремление человека, которое не может иметь положительной нравственной ценности. Кант видел в человеке врожденную склонность к злу, поэтому чтобы общество не вверглось в дикий хаос, его эту склонность нужно подавлять моральным законом (категорическим императивом). И хотя он признавал человека целью, а не средством, все же главное в жизни человека - моральный императив. Достижение собственного счастья по Канту возможно только при реализации морального закона, то есть в составе целого —

нации, государства. А “благоденствие государства” далеко не всегда совпадает с благоденствием отдельных граждан и их счастьем.

Ницше не принимал любовь и альтруизм, считая их выражением слабости и самоотрицания. Потребность в любви свойственна рабам, не способным бороться за то, чего они хотят, и потому стремящимся обрести желаемое через любовь. Общество — это “фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего бытия”.[3]

Фрейд также размышлял исходя из позиций изначальной недобродетельной природы человека, которую человек пытался бы скрыть или исправить, в соответствии с требованиями общества. (детские сексуальные влечения направлены на родителя противоположного пола, поэтому ребенок ненавидит родителя-соперника, человечество выработало этические нормы, чтобы сделать возможной социальную жизнь.). В концепции нарциссизма Фрейда у человека предполагается некоторое неизменное количество либидо. У младенца все либидо направлено на себя; (“первичный нарциссизм”). По мере развития либидо смещается с себя, своего “Я” на другие объекты. Если нормальное развитие нарушается, либидо вновь обращается на “Я”; это называется “вторичным нарциссизмом”. Согласно Фрейду, чем больше любви я направляю на объекты, тем меньше ее остается для самого себя, и наоборот. [3]

Все эти концепции предполагают этический выбор либо - либо. Либо любить себя, либо любить других. Фромм же подмечает логическую ошибку в подобных утверждениях. Любовь к себе и любовь к другим – не взаимоисключают друг друга! Если любовь к ближнему как человеческому существу — добродетель, то и любовь к себе — тоже добродетель, поскольку «я» - это ведь тоже человеческое существо!

Человек имеет право любить себя и быть собой, употреблять собственные силы не на какую-то цель, а на самого себя, придавать смысл собственному существованию, быть человечным. Иначе, когда человек подчиняется анонимной власти рынка, общественного мнения, "здравого смысла" или любой другой общепринятой бессмыслицы, как делали, кстати говоря, не только современники Фромма, но и спустя столетие – делают люди нашего времени, у человека появляется безразличие к себе, он теряет веру в свою уникальность, превращает себя в орудие внешних целей и относится к себе как к товару. Дальше, при подобном вещественном отношении к себе и своим близким, у человека возникает чувство бессилия и презрения к себе за это бессилие.

Свобода реализовать то, что потенциально заключено в человеке, а не подчиняться чужим требованиям, - вот главное условие счастья человека и его психологического здоровья. Человеку нужно заниматься интересным трудом, развивать себя как личность.

Фромм противостоит не только релятивистской этике, но этике авторитарной. Авторитарную этику можно отличить от гуманистической по

двум критериям - формальному и содержательному. Формально авторитарная этика основывается не на разуме и знании, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективном чувстве слабости и зависимости, на отказе от решений, предоставляющем авторитету право принимать их, руководствуясь своей магической властью, его решения не могут и не должны подвергаться сомнению. Такая этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо. В смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов авторитета, а не интересов субъекта; она - эксплуататорская, хотя субъект может извлекать из нее значительные психические или материальные выгоды. Пример такой этики - этические оценки у ребенка и нерефлективные ценностные суждения у взрослого.

В гуманистической этике человек сам и творец своих норм и их исполнитель, он их создает, регулирует и он же их соблюдает. Формально в гуманистической этике определить критерий хорошо – плохо может только сам человек, а не авторитет. Предметно в ней единственный критерий этической оценки – благополучие человека. [2]

Литература

1 Л. Чернышева. Послесловие переводчицы к книге Эриха Фромма «Человек для себя», Минск, Коллегиум, 1992
<http://www.tchernyshova.ru/Fromm-Chelovek-6.html>

2 Эрих Фромм «Человек для себя», Минск, Коллегиум, 1992
<http://www.tchernyshova.ru/Fromm-Chelovek-1.html>

3 Эрих Фромм «Анатомия человеческой деструктивности»
http://royallib.com/book/fromm_erih/anatomiya_chelovecheskoy_destruktivnosti.html

prosto.muza@gmail.com

КАК ВОЗМОЖНО ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ САМОУБИЙСТВА?

А. А. Плинер

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Во все времена можно было наблюдать возвышенное отношение к самоубийству. Искусство древних жителей Центральной Америки воспевало жертвенное самоубийство, древнегреческая культура почитала самоожжение Геракла как гармоничное и единственно верное завершение его жизни, а некоторые восточные культуры высшей этической ценностью для женщины предполагали добровольное следование за своим умершим мужем. В настоящее время искусство довольно часто обраща-

ется к теме самоубийства. Более того, эстетическая значимость данной темы в современности прослеживается начиная с театральных постановок и заканчивая молодежными субкультурами.

Однако прежде всего обыденное сознание задается вопросом: как возможна эстетизация (в узком смысле – утверждение прекрасным) столь противоестественного жизни действия, как самоубийство? Происходит это по причине, указанной Х. Ортега-и-Гассетом в эссе «Дегуманизация искусства»: «...для большинства людей эстетическое наслаждение не отличается в принципе от их переживаний, которые сопутствуют им в повседневной жизни» [2]. Наблюдая за моментом самоубийства, зритель автоматически «примеряет» на себя состояние самоубийцы или его близкого человека, связывая этот акт с собственным опытом. Таким образом, складывается понимание самоубийства как поступка, потенциально способного совершиться.

Восприятие самоубийства как поступка отдаляет нас от эстетического восприятия и привносит в представление самоубийства как чего-то прекрасного некий момент этического долженствования: говоря о невозможности эстетического восприятия акта лишения себя жизни и при этом возводя его в ранг ценностей, мы делаем его этической ценностью, представляем неким благом, к которому должно стремиться. Однако необходимо пояснить ошибочность подобного представления.

Проиллюстрировать это можно несколькими идеями М. Бахтина, высказанными в его работе «К философии поступка» [1]. Эстетическое видение, согласно М. Бахтину, не имеет отношения к действительному миру, миру поступков, а, следовательно, не может мотивировать человека на совершение поступка. «Попытка найти себя в продукте акта эстетического видения есть попытка отбросить себя в небытие», - пишет М. Бахтин. Бессмысленно отыскивать в эстетически воспринятом нечто, что может стать основанием для рационального, ответственного перед бытием поступка; такое поведение обозначает утверждения своего алиби в бытии, то есть исключение самого себя из бытия.

Таким образом, можно утверждать, что попытка подменить эстетические ценности этическими бесполезна. Соответственно, эстетизируемый акт самоубийства следует рассматривать исключительно с эстетической точки зрения. Остается лишь один вопрос – как можно назвать прекрасным то, что противоречит самой биологической природе человека, наделенного инстинктом самосохранения? Здесь в качестве наиболее правильного подхода к рассмотрению, что есть прекрасно, уместно принять античную концепцию красивого как гармоничного. Возвращаясь к мифу о Геракле, который покончил с собой, мы можем обнаружить, что самоубийство было единственным способом ухода из жизни, который был возможен для него: будучи сыном бога, он не мог быть убит врагом, и будучи непобедимым героем, не мог скончаться от старости, болезни или несчастного случая.

Эстетизация самоубийства лишена какой-либо утилитарной или этической установки. Из этого можно заключить, что акт самоубийства, изображенный в художественном произведении, не имеющий ничего общего с реальностью и рассчитанный на эстетическое восприятие, не может быть понят никак иначе. Это заключение дает нам право говорить об эстетике самоубийства как об отдельной, имеющей право на существование части эстетики.

Литература

1. Бахтин М. К философии поступка. [Эл. ресурс] URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html> (дата обращения: 17.10.2011).
2. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. С. 14.

pliner-n@rambler.ru

АНТИПУТЕШЕСТВИЕ КАК ВАРИАНТ АНТИУТОПИИ

Д. И. Жданова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Анализируя антисоветские романы, сюжет которых построен на железнодорожном путешествии (В. Ерофеев, «Москва-Петушки»; В. Максимов, «Карантин»; В. Пелевин «Желтая стрела»), можно выделить специфическую литературную модель, которую мы обозначаем как «путешествие без путешествия» или антипутешествие. Модель антипутешествия, построенная на материале советской и постсоветской прозы, оказывается вполне применима как к русской рок-поэзии (что объясняется сходным культурным кодом) так и к продуктами современной западной киноиндустрии.

Как устроена модель антипутешествия в железнодорожном сюжете? В официальной советской культуре поезд – популярный образ, с устойчивыми аллегорическим смыслами. Например, на плакате «Поезд идет от ст. Социализм до ст. Коммунизм» изображен локомотив, на котором развеивается красный флаг с портретами идеологов революции. Из окна выглядывает «испытанный машинист локомотива революции товарищ Сталин». Четко обозначен «график исполняемого движения большевистского поезда». В анализируемых нами антисоветских романах описывается тот же «поезд от ст. Социализм до ст. Коммунизм», но его агитационные атрибуты разрушаются: из вектора истории, неумолимо следующего к заранее намеченной станции, он становится поездом в никуда. Нормальное движение поезда в железнодорожном сюжете нарушено. В «Каран-

тине» поезд стоит на одном месте семь дней из-за холерного карантина. В «Желтой стреле» поезд идет в неизвестном направлении уже так давно, что пассажиры даже не осознают, что находятся в поезде, тем более не предполагая, что он может куда-либо доехать или остановиться. В «Москве-Петушках» герой едет по привычному пригородному маршруту, но электричка мистическим образом возвращается назад.

Основой для построения модели антипутешествия здесь является специфика передвижения на поезде: коллективность, изолированность, строгая определенность маршрута. Эти черты осмысляются в железнодорожном сюжете как главные негативные черты модели советского общества (и советской утопии). В результате сюжет приобретает следующие характерные черты:

- а) особые искажения движения: нарушение правильного движения поезда по расписанию; прекращение движения; поворот вспять;
- б) путешествие перестает восприниматься как путешествие: в нем нет ничего «нового»: оно неизменно, циклично, стабильно и т.п.; отсутствует характерная тема познания мира, удивления перед незнакомым, «чужим» миром; объектом наблюдения и местом действия остается статичное пространство вагона;
- с) герои – не путешественники в собственном смысле слова, а «пассажиры»: маршрут независим от пассажира; пассажир пассивен; пассажир совершает путешествие со случайными попутчиками.

Помимо антисоветской прозы, сюжет о «поезде в никуда» повсеместно встречается в русской рок-поэзии. Вот пример реализации модели антипутешествия

- в тексте Виктор Цоя: «Мы едем, не знаю, зачем и куда. / Мой сосед не может, он хочет уйти, / Но он не может уйти, он не знает пути, / И вот мы гадаем, какой может быть прок / В троллейбусе, который идет на восток. / В кабине нет шофера, но троллейбус идет, / И мотор заржал, но мы едем вперед...»

- тексте Андрея Макаревича: «Один говорил: наша жизнь – это поезд. / Другой говорил: перрон... / Один говорил: мол, мы – машинисты. Другой говорил: пассажиры... / Один говорил: нам свобода – награда, Мы поезд куда надо ведем.. /. Второй говорил: задаваться не надо, / Как сядем в него, так и сойдем. / А первый кричал: куда хотим, туда едем, И можем, если надо, свернуть / Второй отвечал, что поезд проедет

Лишь там, где проложен путь».

Декорации путешествия может варьироваться, но философская модель антипутешествия остается узнаваемой и в современной западной культуре. В «Метрополии» (шведский анимационный фильм 2009 года, название составлено из слов «метро» и «утопия») сюжет построен на том, что в недалеком будущем всю Европу связывает сеть сверхскоростных поездов метро, так что "путешествие стало настолько быстрым и удобным, что почти перестало быть путешествием". Поездки героя на велосипеде ста-

новятся вызовом этой системе.. классические мотивы антиутопии: в повествование вводится «Большой Брат»: его роль выполняет мегакорпорация, которая контролирует сознание граждан с помощью «внутреннего голоса». В фантастическом триллере «Пандорум» (2009) пассажиры космического корабля, которые должны были основать колонию на другой планете, за почти тысячу лет путешествия превращаются в монстров-каннибалов, «путешествуя» на корабле, который на самом деле давно достиг пункта назначения и оказался на дне инопланетного океана.

Таким образом, модель антипутешествия обнаруживает много сходных мотивов и композиционных с моделью антиутопии (с текстами Замятином, Оруэллом, Хаксли и др.):

- центральной проблемой становится проблема подавления личности обществом: подчиняясь коллективной логике антипутешествия, герой в той или иной мере становится «недочеловеком»: в антисоветских романах – алкоголиками и тунеядцами, в современной западной фантастике – мутантами или марионетками транснациональной корпорации.

- на место прогрессивной исторической воли становится злая воля рока или злая воля «Большого брата»; кризис веры в исторический прогресс, ощущение тупиковости выбранного пути развития

- техника и технический прогресс выступает в деструктивной роли (как средство угнетения и порабощения); в связи звучат руссоистские мотивы возврата к природному, «исконному», которое парадоксальным образом воспринимается как прогрессивное, имеющие потенцию к развитию.

Это позволяет предположить определенное сходство, существующее между социально-психологическими процессами позднего СССР и современного Евросоюза: сюжет антипутешествия сигнализирует о фрустрации общества, разочарованном в декларируемом пути общественного развития. Проявление этих сюжета в культурной поле позволяет говорить о появлении в породившем их обществе тенденций, сходные с диссидентскими настроениями времен застоя.

sabbaton@gmail.com

Раздел III **Теоретические проблемы права**

СУБЪЕКТ ЗАЯВЛЯЕТ О СВОЕМ ПРАВЕ

В. А. Токарев

Самарская государственная областная академия (Самара)

Несмотря на то определяющее для правовой ситуации (и права в целом) значение, каким обладает разрешающая ситуацию инстанция, ее основным участником становится правовой субъект, выступающий в роли субъекта во-прошания («За что?» или «Как?»), носителя акта признания («Наш суд – самый гуманный суд в мире!») и осваивающего в правовой ситуации личный опыт свободы. Проходя через правовую ситуацию, вопрошая и высказываясь, ее участник получает опыт свободы и определяет свою позицию по отношению к праву. «Свобода едина, но проявляется она по-разному, в зависимости от обстоятельств. Философам, ставшим на ее защиту, можно задать один предварительный вопрос: какова была та особая ситуация, которая дала вам опыт свободы?», - пишет Ж.П. Сартр [1, с. 197]. Разумеется, чужой опыт свободы нельзя передать никакими средствами, но слово позволяет осуществить коммуникацию, в том числе правовую, тогда как право быть услышанным гарантирует результативность состоявшейся коммуникации. Право быть услышанным – это право субъекта, способного свободно высказывать суждения, быть признанным.

В настоящее время актуальность права быть услышанным, имеющего все основания на признание в качестве «естественного» права, следя классической дифференциации прав и свобод, определяется двумя факторами. Прежде всего, это различение юридического и политического пространств, проходящее по линии акта суждения, обусловленного в судебном процессе формальными правовыми процедурами, а в политическом процессе – процедурами принятия решения, т.е. механизмом осуществления суворенной власти. Очевидно, что стремление участника общественных отношений высказать собственную точку зрения по тому или иному вопросу достигает своей цели, принимая правовую форму, когда заранее определена мера свободы, в том числе для высказываний. Сложнее обстоит дело с выражением мнения в политическом поле, где заранее определен круг субъектов, способных к легитимному высказыванию, что оставляет другим субъектам ограниченные возможности для дискуссии в перспективе потенциального перераспределения власти.

Вторым фактором, актуализирующим право быть услышанным, следует считать кризис республиканских ценностей и политической традиции, сформировавшихся под влиянием великих революций. Как отмечает А. Гарапон, «наблюдающийся сегодня рост влияния судов происходит в меньшей степени из сознательного, официально утвержденного выбора и в большей – из защитной реакции на крушение фундаментов в четырех сферах: политической, символической, психической и нормотворческой» [2, с. 28]. Речь идет о неспособности политических институтов оставаться верными демократической традиции и данным ими обещаниям, связанным с принципами принятия решений. Так, репрезентация вырождается в популизм и манипулирование общественным мнением, прозрачность – в повсеместное вмешательство СМИ, право – в нормативный продукт, не успевающий отвечать на вызовы времени. Единственным местом, где обеспечено символическое измерение демократии, остается зал судебных заседаний. «Судья – идет ли речь о судьях Нюрнберга или о более скромных судьях из наших городских предместий – находится здесь для того, – отмечает А. Гарапон, – чтобы напоминать человечеству, нации или простому гражданину о взаимных обязательствах и обещаниях, начиная с первого обещания жизни и достоинства» [3, с. 322]. Для напоминания же необходимо говорить, поскольку обращение к памяти соединено со словом. Участвующие в судебном процессе стороны, защитник, обвинитель, свидетели, судья – все они восстанавливают события прошлого и открыто сообщают о них в соответствии с требованиями процедуры, являющейся знаком правовой публичности, о чем было недвусмысленно заявлено в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Публичность высказывания субъекта входит в структуру права, понимаемого в более широком смысле, чем совокупность позитивных норм, а именно как пространство формирования субъекта, способного к высказыванию.

Тем не менее, в праве на высказывание кроется опасность и для субъекта, и для права. Хрупкость демократических традиций и излишняя формализация юридических процедур не защищают правовое поле от опасности символического и/или прямого насилия. Субъект высказывания может оккупировать пространство, предназначенное для свободной дискуссии, и в результате не только прекратить ее, но и приостановить действие правового порядка. «Если Революция – это язык, значит, она выдвигает на авансцену тех, кто умеет говорить на нем», – пишет Ф. Фюре [4, с. 212]. Тогда происходит переворот в иерархии ценностей, трансформирующий право на высказывание в обязанность слушать, а правового субъекта – в политического. История революций знает, какую цену приходилось платить их вождям, добровольно отвергвшим статус правовых субъектов в погоне за призрачными благами политического статуса. Проблема заключается в том, что слово с равным успехом может быть как средством передачи правового опыта, юридической традиции, и в более широком аспекте – средством обеспечения в обществе справедливости, так и инструментом насилия над сознанием участников общественных отношений. Ярким примером здесь могут служить речи революци-

онеров. «От Мирабо до Робеспьера революционный дискурс развивается в манихейских понятиях. Ценности обозначены, а смысл слова искажен: свобода, тирания, варварство, человечность, фанатизм... не соотносятся больше с ситуациями, действиями или чувствами, они консубстанциональны действующим лицам», - рассуждает Ф. Бенетон [5, с. 207]. Алхимия слова, принимающая форму политической риторики или идеологии, дискредитирует право на высказывание, поскольку «в итоге все сводится к главной дилемме: с одной стороны, Народ, невиновный по своей природе, с другой, - врачи народа, наделенные метафизической виной» [там же]. Право становится пустой формальностью, оболочкой, за которой не стоит ничего, кроме разрыва между старым и новым политическим порядком.

В демократическом обществе сложно представить себе право без корреспондирующей ему обязанности. Чтобы гарантировать какое-либо суждение от деформации в авторитарный монолог, корректнее рассматривать право на высказывание в качестве права быть услышанным, которому соответствует обязанность общества предоставить субъекту, заявляющему о себе как о правовом субъекте, возможность обрести свободу через слово. Признаками демократии, переживающей острый кризис и в то же время обновляющейся, являются не только и не столько активизация судебной власти и проведение демаркационной линии между политикой и правом, сколько переосмысление субъектом своей способности быть правовым, когда он, пусть и с налетом горечи, говорит о том, что «пока его требований не слышат». Здесь точка отсчета процесса формирования гражданского общества, адаптации институтов демократии к новым социальным реалиям и конструирования субъекта права, обладающего правом быть услышанным как залогом обещанных ему свободы и достоинства, во имя которых он согласился на все условия «общественного договора». Право – это обещание со стороны общества субъекту, способному обозначить себя в качестве автора своих высказываний и поступков, героя и рассказчика своей истории и способному отвечать за них, уважения его достоинства как общего блага.

Литература

1. Сартр Ж.П. Проблемы метода. М.: Академический Проект, 2008.
2. Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: NOTA BENE, 2004.
3. Фюре Ф. Постижение Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
4. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК УСЛОВИЕ ГАРАНТИРОВАННОСТИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В. Ю. Панченко

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Индикатором успешного функционирования механизма гарантирования реализации права (прав и свобод человека) – конституционно–правовое со-стояние гарантированности – т.е. обеспеченного правопользования или без-условно обеспеченной, доступной во всех необходимых ситуациях, компе-тентной юридической поддержки [3, С. 71].

Юридическое содействие реализации права в различных формах может эффективно выполнять свою гаран器ующую роль при наличии ряда усло-вий, таких как доступность, качество и своевременность. Рассмотрим по-следнее из них на примере такой формы юридического содействия реализа-ции права как юридическая помощь.

Своевременность юридической помощи означает, что любой человек должен иметь возможность воспользоваться юридической помощью немед-ленно в ситуации, когда в ней возникает необходимость [4]. Данное понима-ние должно рассматриваться в качестве принципиального положения и в случае пробельности нормативного регулирования предопределять практиче-ский порядок деятельности органов расследования, поскольку обвинительная дея-тельность («уголовное преследование во всех его проявлениях») может реально начинаться до официального уголовного преследования по подозре-нию или обвинению [2, С. 8].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 октября 2001 г. указал, что реализация права на юридическую помощь, в частности выполнение адвокатом процессуальных обязанностей защитника, не может быть поставлена в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело. В постановлении от 26 декабря 2003 г. Конституционный Суд РФ подтвердил эту позицию, указав, что нормы ст. 118 Уголовно–исполнительного кодекса РФ, запрещающие свидания осуж-денным, водворенным в штрафной изолятор, ограничивающие свидания од-ним краткосрочным в течение шести месяцев для осужденных, переведенных в единое помещение камерного типа, помещение камерного типа или оди-ночную камеру, не могут расцениваться как допускающие возможность ограничения права осужденного на свидания с адвокатом или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи [5], [6].

Показательным в плане требования своевременности юридической помо-щи является дело «Александр Зайченко против России (Aleksandr Zaichenko v. Russia)», рассмотренное Европейским Судом по правам человека.

21 февраля 2001 г. заявитель был остановлен по дороге домой сотрудниками милиции, осуществлявшими проверку данных о хищении топлива, при-надлежавшего работодателю. Обнаружив две канистры топлива в автомобиле

заявителя и не разъяснив его права, сотрудники милиции допросили его на месте и принудили к подписанию протокола осмотра, в котором он признавал, что слил топливо из служебного автомобиля. Впоследствии заявителю было предложено подписать объяснения о том, что он изъял топливо для личного пользования, а также с признанием того, что он уведомлен о своем праве не свидетельствовать против себя. Протокол осмотра и объяснение были направлены дознавателю, который сообщил руководству о наличии признаков состава преступления. 2 марта 2001 г. заявителю было предъявлено обвинение в хищении, и он подписал постановление о привлечении в качестве обвиняемого, признав, что ему были разъяснены суть обвинения и его права; он также указал, что не нуждается в защитнике. Во время судебного разбирательства заявитель, который был представлен адвокатом, представил счет, который, по его мнению, доказывал, что он приобрел топливо законным порядком. Однако суд первой инстанции признал счет недопустимым доказательством на том основании, что его следовало представить ранее. Он также отклонил показания двух свидетелей защиты, найдя их недостоверными по причине тесной связи свидетелей с заявителем. Заявитель был признан виновным и приговорен к условному сроку лишения свободы. Вынесенный ему приговор был оставлен без изменения при рассмотрении жалобы.

В своей жалобе в Европейский Суд заявитель ссылался на то, что он был лишен юридической помощи на досудебной стадии разбирательства (подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции) и что суд первой инстанции при признании его виновным не должен был учитывать его показания, данные на досудебной стадии (пункт 1 статьи 6 Конвенции).

Как указал Европейский Суд, статья 6 Конвенции является применимой к событиям 21 февраля 2001 г., поскольку, хотя заявитель на этой стадии не обвинялся в совершении какого-либо преступления, разбирательство в эту дату «значительно затрагивало» его ситуацию. Однако Европейский Суд напомнил, что способ, которым гарантии пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции подлежали применению на досудебной стадии, зависит от конкретных особенностей разбирательства и обстоятельств дела, оцениваемых в отношении всего национального разбирательства.

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд полагает, что милиция могла подозревать заявителя в хищении с момента, когда он не представил доказательств законности приобретения канистр с топливом, найденных в его автомобиле. Соответственно, они были обязаны уведомить его о праве не свидетельствовать против себя и хранить молчание. Хотя он был уведомлен о своем праве хранить молчание до того, как подписал показания о том, что присвоил топливо, к тому времени он уже дал показания против себя в протоколе осмотра [1].

Требование своевременности юридического содействия не ограничивается юридической помощью, оно в полной мере распространяется на все иные формы юридического содействия реализации прав, свобод, законных интересов человека и гражданина во всех случаях, когда законодательство устанавливает

лияет обязанность различных органов, организации и лиц такое содействие оказывать.

Литература

1. Александр Зайченко против России (Aleksandr Zaichenko v. Russia) № 39660/02 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2010, № 7.
2. Ларин Е.Г. Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий: автореф. дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008.
3. Любовенко Е.С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования: российский и зарубежный опыт: дис. канд. юрид. наук. М., 2008.
4. Основные принципы, касающихся роли юристов. (Приняты в г. Гаване 27.08.1990 г. – 07.09.1990 г. Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями): Пункт 7 // Информационная система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // Информационная система «КонсультантПлюс»
6. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» // Информационная система «КонсультантПлюс».

ТЕОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

А. Э. Енилеева

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
(Украина, Симферополь)

За последние годы проблеме толкования правовых норм и способам разрешения правовых коллизий в Украине был посвящен ряд исследований. При этом появлялись работы как общетеоретического характера, так и ориентированные на отдельные отрасли законодательства Украины.

Особо следует отметить, вышедшую в 2004 году монографию В.Г. Ротаня «Методология толкования нормативно-правовых актов Украины» [1], которая представляет систему приемов и способов толкования, а также авторскую методологию рациональных способов толкования норм права. Одним из ведущих факторов, определивших возросшее значение теории толкования норм права стала важная для правоприменительных органов проблема разграниче-

ния предметов правового регулирования Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины, пересекающихся в сфере регулирования частных имущественных отношений. Решению коллизий между указанными нормативно-правовыми актами, проблемам приоритетности конкурирующих положений ХК и ГК Украины посвящены отдельные работы Г. Знаменского [2], О.П. Подцерковного [3] и др.

Несмотря на пристальное внимание ученых к проблеме и высокую заинтересованность в ее решении, все же теоретическое поле на сегодняшний момент не удовлетворяет потребности практики. А именно – в большей части, теоретические предложения по решению коллизий являются неприменимыми в реальной ситуации. Так, результаты грамматического толкования норм часто граничат с отступлением от заложенного в ней смысла, обнаруживаемого в других позитивных нормах, по причине фиксированности внимания на синтаксически неудачной формулировке. Результаты телеологического толкования не всегда могут отвечать требованиям законности судебного решения, поскольку лишены рационального обоснования и т.д.

Таким образом, практика, в частности, судебных органов, которые с необходимостью толкования норм и разрешения коллизий в законодательстве сталкиваются ежедневно, демонстрирует необходимость дальнейшего развития учений о толковании правовых норм в теоретико-практическом направлении, с учетом проблем правоприменения. Даже на практике применения известного со времен Древнего Рима правила “*Lex specialis derogat lex generali*” (Специальный закон отменяет действие общего закона), возникает проблема определения границ применения этого правила и соотношения его с другими принципами и правилами разрешения правовых коллизий. Примером служит Информационное письмо Высшего хозяйственного суда Украины от 07.04.2008 г., в котором говорится о том, что при правоприменении используется не в целом закон как нормативно-правовой акт, а соответствующая правовая норма или ее часть, по содержанию которой устанавливается, является ли эта норма (или ее часть) специальной или общей [4]. Таким образом, даже в случае рассмотрения коллизии между общим и специальным законом, с уверенностью определить приоритетность последних нельзя.

Применение нормы права судебным органом есть также акт создания права, создания индивидуальной нормы. Любой акт применения права является созданием более низкой нормы на основе высшей нормы. Поэтому требование различать правотворческие и правоприменительные акты не всегда оправдано [5, 260-261]. Важность правильного определения содержания конкурирующих норм при толковании норм судами состоит в создании ими индивидуальных норм, которым, в отличие от всех иных видов толкования, предоставляется юридическая сила.

Немаловажным является и то, что сформированная судебная практика должна отвечать принципам законности и верховенства права, поскольку именно она становится основой правового порядка, и тем менее вероятным и проблематичным представляет изменение судебной практики по сложив-

шимся вопросам в дальнейшем. Важность поставленных вопросов определяет острую необходимость взаимного проникновения доктринальных наработок ученых, которым свойственно дистанцироваться от нормативной действительности, и правоприменительной деятельности судей, которым свойственно пренебрегать теоретическими постулатами в реальной правовой ситуации.

Поскольку судьи в своей деятельности руководствуются только законом, никакие теоретические конструкции не смогут стать обоснованием судебного решения, а потому выводы, полученные приемами толкования, должны находиться под защитой конкретных правовых норм. Наибольшие сложности представляет реализация на практике методов, которым свойственно принятие решения посредством субъективного определения воли «мудрого законодателя», поскольку результат напрямую зависит от личности оценивающего, а его объективность не может быть рациональна подтверждена. В данной связи, теоретические исследования в данной области должны быть, прежде всего, ориентированы на нужды правоприменения, способы толкования – отвечать возможности быть реализованными на практике, а выводы, полученные посредством толкования – возможности дополнительного подтверждения в содержании других норм.

Література

1. Науково практичний коментар до цивільного законодавства України. В 4-х т. Т. 4. Методологія тлумачення нормативно-правових актів України / Відп. Ред. В.Г. Ротань. – К.: Юридична книга; Севастополь: Ін-т юрид. дослід., 2008. – 848 с.
2. Г. Знаменський. Співвідношення загального і спеціального законодавства: методологічний аспект // Вісник Академії правових наук України. – № 1(32). – 2003. – с. 22 – 25.
3. Подцерковний О. П. Загальні і спеціальні норми: проблеми виявлення та вирішення конкуренції // Вісник господарського судочинства. – 2009. – № 6. – С. 34–43.
4. Вищий господарський суд України. Інформаційний лист від 07.04.2008 р. № 01-8/211.
5. Кельзен, Ганс. Чисте Правознавство : З дод.: Пробл. Справедливості / Пер. з нім. О. Мокровольського. – К.: Юніверс, 2004. – 496 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

И. П. Ковалев

Мариупольский государственный университет (Украина, Мариуполь)

Особенности функций конституционализма определяют специфику решения ключевой задачи теории конституционного права – дефиниции современ-

менного конституционализма. Вопрос содержания функций конституции поднимался в трудах многих украинских теоретиков (Баймуратова М.А., Орзиха М.Ф., Погорилко В.Ф., Фрицкого О.Ф., Тодыки Ю.М.) но лишь недавно в работах отдельных исследователей были предприняты попытки анализа конституционного функционализма.

Исследуем вопрос системы функций современного конституционализма. Можно привести мнение Жимирова В.М. о том, что в юридической науке до настоящего времени не выработано единого подхода к пониманию сущности и содержания феномена «функции государства и права» [3, с. 4]. Еще Бахрах Д.Н., анализируя особенности публичной власти, выделяя функциональный принцип разделения управлеченческой деятельности, основанный на полифункциональности социальных организаций. Общие функции понимались им, как относительно самостоятельные виды управлеченческой деятельности, отличающиеся друг от друга непосредственной целью, содержанием, процедурами, используемой информацией, структурой, формой [2, с. 29].

Афасижев Т.И. в рамках этого дискурса отмечает, что «наряду с явными функциями существуют последствия, которых никто не мог предположить, к которым никто не хочет, никто не ставит их перед собой цель» называя их латентными функциями и распределяя их на общие и специфические [1, с. 70]. Несмотря на отсутствие целостной теории юридических функций, отдельные авторы предлагают разрабатывать соответствующие концепты, опирая данными социологических и управлеченческих наук [4, с. 182].

Луман Н своеобразно интерпретирует понятие «конституция», отмечая, что различие общества и государства представляет собой модель реальности, с помощью которой интерпретируются конституционные тексты. При этом функциональное различие политической и юридической систем обуславливает не только соотнесенность последних, но и их определенный «синтез», что приводит к становлению в обществе основ правовой политики [4, с. 172, 238].

Отдельные авторы основной стратегической целью современного конституционного развития видят завершение этапа становления конституционализма в стране и возникновение зрелого, самодостаточного конституционализма, который органично сочетает в себе развитые составляющие: правовую модель, правосознание, политico-правовую, прежде всего правоприменительную, практику. В рамках этих направлений Сонина Л.В. выделяет сквозные задачи: оптимизацию конституционного законодательства, его конкретизацию в актах отраслевого законодательства, обеспечение общественно-политической и правовой стабильности, рост массового и профессионального правосознания [5, с. 16].

Интересно, что советские авторы, исследуя государственно-правовые категории, ввели феномен функциональных систем, «способствующих специализации управлеченческого труда, более квалифицированному решению вопросов, унификации процедур». Функционализм, по их мнению, повышает авторитет знаний, концентрирует внимание публичной власти на перспек-

тивных, сложных вопросах. Функционализм, добавляет Бахрах Д.Н., наиболее пригоден там, где основное внимание должно уделяться анализу тенденций, выбору альтернатив, решению перспективных вопросов, где есть максимальные возможности для унификации действий путем нормативного регулирования, методического руководства, в частности, на «самых высших уровнях управления», где есть «сильные функциональные начала» и «тенденция к усилению функционализма» [2, с. 29].

Можно видеть, что современный конституционализм должен рассматриваться через призму функционального подхода. Интересно, что функционализм предполагает возможность разграничения чисто технических и «бесспорных» аспектов правительенного поведения (деятельности) и создание всеобъемлющей сети международных институциональных отношений на основе учета таких потребностей.

Мнимость украинского конституционализма крайне ярко находит свое выражение в функционировании механизмов публичной власти на местах. Проблематика сворачивания демократической процедуры формирования местных властей, централизация системы местных администраций, фиктивность самоуправления в рамках района и области, свертывание материально-финансовой базы для реализации интересов местных сообществ обуславливают те вызовы, которые должен разрешить отечественный конституционализм.

При этом среди функций конституционализма, которые в функционалистическом обществе обуславливают внутреннюю структуру и характер его развития, важное значение имеют функции, напрямую влияющие на развитие муниципальных систем. Прежде всего, это функция децентрализации, обуславливающая направление и содержание действий правового государства, гражданского общества и самоуправляющихся структур на определение и обеспечение полномочий последних. Также важное значение имеют функция обеспечения устойчивого развития, функция демократизации и программная функция, анализ которых должен стать предметом дополнительных научных исследований.

Литература

1. Афасижев Т. И., Зубова Я. В. Правовое образование и правовая культура: вопросы взаимодействия // Вестник Адыгейского гос. университета. – 2006. – № 2. – С. 68-71.
2. Бахрах Д. Н. Организационные структуры государственного управления // Правоведение. – 1981. – № 6. – С. 27-36.
3. Жимиров В. Н. Юридический функционализм. Теоретико-методологический анализ : дисс. на соискание науч. степени д.ю.н. : специальность 12.00.01. – СПб., 2005. – 334 с.
4. Луман Н. Социальные системы : Очерк общей теории [под ред. Н. А. Головина]. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.

5. Хаас Э. Б. За пределами нации-государства: Функционализм и международная организация // Теория международных отношений [хрестоматия]. – М. : Гардарики, 2002. – С. 321–333.

«РЕАЛИЗАЦИЯ» И «ДЕЙСТВИЕ» КОНСТИТУЦИИ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Т. И. Ряховская

Сибирский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск)

Одним из показателей реальности существующей в государстве Конституции является возможность реализации ее норм прямо, без опосредующих звеньев. Эта идея нашла свое отражение в ч.1 ст.15 Конституции РФ, где обозначено, что она имеет прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Полагаем, прямое действие, представляется возможным отнести к характеристикам норм Основного закона, связанными и вос требованными в процессе реализации норм конституции. В связи с этим, особый интерес, на наш взгляд, представляют собой понятия «реализация» и «действие» Конституции России относительно которых, нет единства мнений среди ученых. В процессе анализа научных позиций нами были выявлены следующие позиции.

1. Действие Конституции определяют через формы реализации норм права.

Например, Б.И. Кожохин пишет, что прямое действие Конституции ограничено и не может рассматриваться в качестве единственного способа ее реализации. По его мнению, Конституция как юридический акт, составляющий фундамент всей правовой системы государства в процессе применения реализуется и непосредственно (как политикоправовой документ прямого действия), и с помощью всей совокупности юридических, политических и морально-этических норм, используемых в данном государстве [3, С.88]. То есть, в данном случае, автор рассматривал не столько «прямое действие» Конституции, сколько возможность ее «прямого применения», являющегося одной из форм реализации Конституции.

Ю.И. Гречцов, выделяет признак прямого действия конституционных норм: ее реальное и прямое применение общими судами, то есть, если та или иная норма Конституции применяется непосредственно общими судами, значит она имеет прямой порядок действия [2, С.94-96]. С нашей точки зрения, подобного рода деление не является обоснованным, т.к. сама Конституция РФ, закрепив прямое действие своих норм, не указывает, что какие-то из них таковыми не обладают.

А.Б. Венгеров по этому поводу пишет: что «прямодействие Конституции стало составным элементом применения права. Отчетливо видны две основ-

ные формы прямого применения Конституции: с помощью Конституционного Суда, имеющего для этого соответствующую процедуру, и с помощью других правоприменительных органов, в том числе обычных судов» [1, С.513, 518].

Полагаем, что приведенные выше идеи страдают главным недостатком – рассмотрение «прямого действия» Конституции только через призму ее применения. С нашей точки зрения данный подход является недопустимо узким, т.к. даже конституционно разграничено прямое действие и прямое применение Конституции РФ, что говорит о различных смысловых нагрузках этих понятий.

2. Согласно второму подходу, прямое действие Конституции не равно ее реализации.

Так, В.О. Лучин отмечает, что «действие Конституции свидетельствует о готовности ее оказывать фактическое влияние на общественные отношения. Реализация же начинается тогда, когда действием Конституции воспользовались соответствующие субъекты и ее регулятивное влияние находит свой объект. «Действие» и «реализация» конституции, рассматриваются им как различные грани, характеристики одного и того же явления [6, С.63-63].

Б.С. Эбзеев, также, рекомендуя не смешивать понятия «действие» и «реализация» Конституции, предлагает выделять динамический и статический аспект ее действия, под последним понимается действие конституции с момента объявления об этом. Динамическая же сторона, означает внедрение Конституции РФ в ткань общественных отношений в качестве ограничителя публичной власти и гарантии прав личности как главных признаков правового государства с характерным для него безусловным верховенством закона [7, С.6-7].

А.Н. Кокотов, разделяя «действие» и «реализацию» Конституции справедливо указывает, что реализация (осуществление) Конституции, ее норм, основных прав, свобод – характеристика действий субъектов права по поводу извлечения из Конституции заложенных в ней возможностей, правовых «потребительных стоимостей» [4, С.60].

И.А. Кравец, выделяет уровни прямого действия Конституции: «первый уровень – непосредственная реализация конституционных норм и способов их защиты гражданами РФ и иными физическими лицами, а в случаях, предусмотренных конституционным законодательством, и юридическими лицами. Второй уровень – применение конституционных норм судами общей юрисдикции и арбитражными судами при разрешении конкретных дел. Третий уровень – применение норм Конституции в конституционном судопроизводстве при реализации отдельных полномочий Конституционного Суда РФ» [5, С.368].

Таким образом, категория прямое действие включает в себя:

- действие Конституции во времени, в пространстве, по кругу лиц;
- исполнение, соблюдение, использование конституционных норм;

- ориентирование и обязывание органов государственной власти к прямому применению норм Конституции, следовательно, эта категория не тождественна реализации Основного Закона, а шире ее.

Литература

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. [для юрид. вузов]. – 5-е изд., стер. – Москва: Омега-Л, 2008. – 608с.
2. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции?// Журнал российского права. – 1998. – №6. – С. 94-99.
3. Кожохин Б.И. Некоторые особенности реализации российской Конституции// Вестник С.-Петербург. ун-та Сер.6, Философия, политология, социология, психология, право. – С.-Пб., 1996. – Вып.2. – С.87-93
4. Кокотов А.Н. Прямое (непосредственное) действие Конституции Российской Федерации// Вестник Уставного суда Свердловской области. – 2009. – №1(10). – С.59-65
5. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 675с.
6. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: Юнити – ДАНА, 2002. – 687с.
7. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации// Государство и право. – 2008. – №7. – С.5 -1

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НАРОДА И НАЦИИ В ПРАВЕ

Д. В. Козлов

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Одной из проблем теории права является соотношение понятий «народ» и «национа», который в широком, обыденном понимании принято рассматривать как синонимы. В качестве разграничения указывают область использования данных понятий, рассматривая «нацию» как более научный термин по сравнению с «народом». Однако помимо разного происхождения (понятие «национа» зародилось в Европе, а «народ» носит отечественный характер) есть и иные существеннейшее отличия.

Понятие «национа» появилось в Европе в эпоху становления современных государств, которое происходило в соответствии с принципом: один монарх – одна власть – одна вера – одна нация – один народ – одно государство. Соответственно любое возникающее государство носило мононациональный характер с преобладающим господством одной титульной нации. Даже и сегодня, несмотря на наличие многочисленных групп мигрантов в европейской науке по прежнему понятия «национа», «народ» и «государство» рассматриваются часто как синонимы.

В отличие от стран Европы Россия является многонациональным государством. Поэтому попытка использовать зарубежный опыт в данном вопросе представляется неправильным. Решение было предложено в Конституции Российской Федерации 1993 года, первая строчка преамбулы которой гласит: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» Следовательно, можно сделать вывод, что под народом понимается все население нашей страны (не слишком удачно именуемое россияне), а нация – это отдельные национальности, проживающие на территории РФ (руssкие, татары, украинцы, евреи и т.п.). Данное определение позволяет устраниТЬ противоречие, неизвестное западной терминологии.

Проблема соотношения понятий «нации» и «народа» становиться ещё более острой если учитывать, что в число основных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН входит принцип самоопределения народов (наций). Разумеется, самоопределение не обязательно связано с образованием своего государства, допускается и различной формы автономии и культурное обособление. Однако исторически именно на принцип самоопределения наций (народов) всегда ссылались и ссылаются национально-освободительные движения и сепаратисты в качестве обоснования выдвигаемых требований. Соответственно если признавать принцип самоопределения именно наций, а не народов, то появляется абсолютно законное основание для развала любого многонационального государства.

Дополнительной проблемой является отсутствие четких критериев, позволяющих оценивать совокупность индивидов как нацию. Во-первых, неясно, когда именно возникает нация и какое количество людей для этого необходимо. Во-вторых, ни один из признаков, призванных ограничить одну нацию от другой (язык, культура, территория проживания, самосознание) не носит бесспорного характера в современном мире. Существуют группы лиц с одинаковым языком и культурой, сходным самосознанием и проживающие на одной территории и, тем не менее, относящиеся к разным нациям.

Наконец, потенциальной проблемой со временем должно стать все более активное использование нового термина – «этноса». Он введен в научный оборот в XX веке, гораздо позже чем «народ» и «нация», в связи с чем не получил столь широкого распространения. В настоящее время он не используется в праве, поэтому игнорируется подавляющим большинством правоведов. Однако со временем ситуация должна измениться, чему немало способствует и популярность трудов Л.Н. Гумилева.

В завершение хотелось бы ориентировать коллег на более четкое использование терминов, а также выработать определения, которые можно будет с равным успехом применять не только в праве, но и в философии и социальных исследованиях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. №237. 25 декабря. 2009. №7. 21 января.

2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М: АСТ, 2005 – 560с.
2. Паин Э. Между империей инацией. М: Новое издательство, 2004 – 428с.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

А. В. Сигарев

Новосибирский государственный университет

В течение последнего десятилетия проблема экстремизма привлекает к себе повышенное внимание. В выступлениях руководителей страны постоянно подчеркивается опасность этого явления для России как уникального многонационального государства [1]. В структуре МВД в 2008 году образован Департамент по противодействию экстремизму (с марта 2011 г. - Главное управление), Министерство юстиции РФ ведет Федеральный список экстремистских материалов. В «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.», утвержденной указом Президента РФ 12.05.2009 № 537 [2] экстремизм назван одной из основных угроз.

Таким образом, в России развернут широкий фронт борьбы с экстремизмом, однако проблема в том, что само понятие экстремизма с юридической точки зрения не отличается ясностью.

Впервые это понятие в российском праве появилось в связи с подписанием 15.06.2001 Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [3]. В этом документе экстремизм определялся как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

В 2002 году был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. В ст. 1 данного закона содержится намного более широкое определение экстремизма (занимающее примерно страницу текста), включающее, в частности, такие действия, как:

«возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения»;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей действий, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением».

Таким образом, определение экстремизма в указанном законе существенно шире, чем в Шанхайской конвенции. Но законодатель не остановился на этом. В первоначальной редакции данного федерального закона говорилось о «возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни, связанной с насилием или призывами к насилию», однако в 2006 формулировка о насилии была исключена из определения, что сделало определение еще шире.

Понятие «экстремизм» в политологии означает приверженность крайним идеям, це-лям, формам общественно-политической активности. Попав в нормативные правовые акты, оно не приобрело присущей юридической терминологии ясности. Особенно трудно «антиэкстремистская» терминология вписывается в уголовное законодательство, всегда отличавшееся повышенным вниманием к четкости и ясности используемых понятий. В частности, ст. 282 УК РФ предусматривает ответственность за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации». До сих пор в правоприменительной практике не выработано адекватное понимание того, что считать социальной группой и как отличить критику от возбуждения ненависти.

Таким образом, борясь с одним опасным явлением – экстремизмом, российское законодательство создало другую опасность – возможность практически произвольного применения мер государственного принуждения в рамках антиэкстремистской политики. Бурная деятельность правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом в условиях, когда «объект» этой борьбы практически не определен, естественно не достигает цели, более того, приводит к нарушению конституционных прав граждан и дальнейшему подрыву авторитета государства. Конкретные примеры можно найти в докладах Уполномоченного по правам человека в РФ и литературе [5].

Решение данной проблемы видится в следующем. Безусловно, меры по борьбе с экстремизмом должны оставаться в российском законодательстве, поскольку экстремизм – это реальная, а не мнимая угроза. Однако нужно так подойти к определению этого явления, чтобы исключить его расширительное понимание, отграничить от схожих с ним, но законных и не представляющих опасности форм общественно-политической деятельности [6]. Если федеральный закон «О противодействии экстремизму» перечисляет действия, относящиеся к этому явлению, то аналогичным образом следовало бы перечислить и действия, к нему не относящиеся, например:

- критика деятельности органов государственной власти и местного самоуправления;
- указание на вклад представителей отдельной национальности, вероисповедания в развитие общества и государства;
- критика религиозных, философских, иных мировоззренческих идей, учений и концепций;
- публичное демонстрирование нацистской атрибутики в историческом контексте (в фильмах, фотографиях, литературных, художественных произведениях).

Литература

1. Грызлов Б. Экстремизм как угроза суверенной демократии // Рос. газ. - 2006. – 15 дек.
2. Собрание законодательства РФ. – 2009. - № 20. - Ст. 2444.
3. Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 41. - Ст. 3947.
4. Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. - Ст. 3031.
5. См., например: Эпштейн А., Васильев О. Полиция мыслей. Власть, эксперты и борьба с экстремизмом в современной России. – М.: Гилея, 2011.
6. Подробнее см.: Сигарев А.В. Конституционно-правовые аспекты противодействия экстремизму // Российская юстиция. – 2011. - № 3. – С. 62-64.

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Б. Дикин

Институт философии и права СО РАН

Исследовательский центр публичного права (Новосибирск)

И. Марино

Представительство Фонда конституционных реформ в Италии (Неаполь)

В современной российской правовой системе Конституционный Суд РФ традиционно выполняет существенную функцию в обеспечении эффективного развития и функционирования судебной системы страны, реализации принципа разделения властей и осуществления правовой охраны Конституции РФ. Правозащитная деятельность Конституционного Суда РФ за двадцатилетний период позволяет осуществить историко-правовой анализ событий, способствовавших его появлению в начале 90-х гг.

О перспективах и необходимости формирования конституционного правосудия России Конституционная комиссия Совета народных депутатов озабочилась своевременно уже в марте 1990 г. в материалах о первоочередных изменениях в конституцию РСФСР [1].

Проект Конституции Российской Федерации от Конституционной Комиссии предусматривал большой объем полномочий Конституционного Суда в

целях защиты конституционного строя. Например, проект от 21 февраля 1991 г. предусматривал его многочисленные полномочия, среди которых можно выделить следующие, не предусмотренные действующей российской Конституцией: 9) дает заключение по обвинению Президента РФ и вице-президента РФ в умышленном нарушении Конституции и законов РФ, 10) дает заключение об утрате Президентом РФ или вице-президентом РФ способности к исполнению своих обязанностей, 11) разрешает дела о противоконституционности политических партий и иных общественных объединений, 12) разрешает дела по оспариванию результатов народных голосований и народной инициативы...» [2].

В конечном итоге проект Конституционного Совещания стал Основным законом страны, а проект Конституционной Комиссии, который предусматривал больший объем полномочий у Конституционного Суда России, оказался не принятим. Однако значительная часть основных положений о Конституционном Суде проекта Комиссии была учтена. Два десятилетия деятельности Конституционного Суда свидетельствуют о его активной правозащитной деятельности в сложной исторической обстановке начала 90-х гг.

Тем не менее, в работе Конституционного Совещания рассматривались различные модели организации судебной власти в России, принятие которых могло существенно сократить объем полномочий Конституционного Суда, вплоть до его упразднения. Одним из вариантов предлагалось создание Высшего Судебного присутствия, в поддержку которого уверенно выступил судья Конституционного Суда Н.В. Витрук [3]. Впрочем, четкого представления о том, каким должен быть состав и функции этого предполагаемого органа, не было, и рассматривались разные варианты, среди которых доминировал тот, при котором в его состав должны были входить судьи всех верховных судов [4]. Многие участники рабочих групп возражали против введения такого судебного органа, о чем свидетельствует стенографический отчет заседания 22 июня 1993 г. рабочей комиссии Конституционного Совещания: «Высшее судебное присутствие является искусственной надстройкой над судебной системой, последствием введения которой может быть ослабление роли Конституционного Суда» [5]. Сложным оставался вопрос и о сохранении действующего кадрового состава Конституционного Суда, о необходимости изменения которого вплоть до роспуска, в частности, говорил Н.В. Витрук: «Это касается вопроса суда, возможно, избрания судей на определенный период времени, а не так, как сейчас. Опыт показал, что несменяемость состава, в особенности в сложный политический переходный период, не годится. Необходимо все-таки какое-то постепенное обновление состава суда, чтобы он не получился таким, каким он сейчас существует» [6].

Состав Конституционного Суда России в конечно итоге остался неизменным, и в условиях непримиримого конфликта Президента РФ и Верховного Совета РФ, завершившегося трагическими событиями осенью 1993 года, предпринимал всевозможные усилия по достижению компромисса конституционно-правовым путем. На основании Указа Президента РФ №1400 от 21

сентября 1993 г. деятельность Конституционного Суда была приостановлена до принятия нового закона, и фактически возобновилась лишь в 1995 году. Как отмечает В.Ф. Яковлев, и в настоящее время «Конституционный Суд выполняет роль определенного камертона, на который настраивается вся судебная система — и суды общей юрисдикции, и арбитражные суды» [7]. Хотя, по мнению судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, «...Конституционный Суд Российской Федерации оказывается не просто причастным, он является активным участником конституционной политики» [8].

Каковы перспективы деятельности Конституционного Суда России в будущем? Очевидно, главным направлением остается последовательное укрепление и повышение эффективности судебной власти и ее контрольных функций в российской правовой системе.

Новый Регламент Конституционного Суда РФ, утвержденный 24 января 2011 г., учитывает изменения в порядке организации Конституционного Суда РФ и порядке рассмотрения им дел, установленные Федеральным конституционным законом от 03.11.2010 г. №7-ФКЗ. В частности, из регламента исключены нормы, регулирующие рассмотрение дел в заседаниях палат (возможность рассмотрения дел не только в пленарном заседании Суда, но и в заседаниях его палат была предусмотрена ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» до внесения в него указанных изменений), и нормы, регулирующие комплектование палат и организацию их работы.

В настоящее время для обращающихся в Конституционный Суд РФ граждан или их объединений закон должен быть уже применен в конкретном деле судом, причем именно судом, а не каким-либо другим органом. По запросам судов проверяется конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле.

Регламент изменяет организационные формы конституционного судопроизводства. Разрешение дел в заседаниях палат больше применяться не будет. Рассмотрения всех дел, относящихся к компетенции Конституционного Суда РФ, согласно новому Регламенту проводятся в заседаниях с участием не менее двух третей от общего числа судей. Всем судьям предоставляется решающий голос в заседаниях. Ряд дел по принятым к производству жалобам Конституционный Суд РФ будет рассматриваться в заседаниях с проведением открытых слушаний с участием сторон и оглашением всех материалов дела, как это было ранее.

В регламент включена глава, устанавливающая порядок разрешения дел без проведения слушания в заседании Конституционного Суда РФ. Возможность разрешения некоторых категорий дел в таком упрощенном порядке также была установлена ФКЗ от 03.11.2010 г. № 7-ФКЗ, внесшим изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Подобный порядок применим только в тех случаях, если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что оспариваемые положения аналогичны нормам, которые ранее были признаны неконституционными,

сохраняющими силу, либо подобный вывод вытекает из предыдущих постановлений Конституционного Суда РФ.

Кроме того, такой порядок может быть применен, если оспариваемая заявителем норма ранее уже была признана не соответствующей Конституции РФ, но в тоже время правоприменительная практика требует нового вмешательства Конституционного Суда РФ для устранения фактов нарушения конституционных прав и свобод. Заявители или органы власти, которые приняли оспариваемые нормативные правовые акты, могут ходатайствовать о том, чтобы намеченный без проведения слушаний порядок разрешения дела был изменен и дело вынесено в открытое судебное заседание.

В соответствие с §52 нового Регламента дела, разрешаемые без проведения слушания, выносятся судьями-докладчиками в заседание Конституционного Суда РФ по мере готовности, но, как правило, не позднее чем через два месяца после принятия к рассмотрению соответствующих обращений.

Вне зависимости от процедуры рассмотрения дела все решения КС РФ имеют одинаковую юридическую силу. Кроме того, законом уточняется содержание принципа непрерывности. В настоящее время по новому Регламенту Конституционный Суд РФ может начинать рассмотрение нового дела до провозглашения решения по ранее начатому делу.

Итак, принятие нового Регламент Конституционного Суда РФ можно оценить с положительной стороны, так как, во-первых, устраняются имеющиеся на практике противоречия в организации деятельности Конституционного Суда, с другой стороны, конституционное судопроизводство имеет явно выраженную тенденцию к упрощению судебных заседаний.

Сохраняет свое значение и поиск эффективного механизма избрания состава Конституционного Суда РФ. Необходимо прямое избрание членов Совета Федерации, в составе которого решается вопрос об утверждении кандидатур судей высших судебных инстанций, предложенных Президентом РФ. Очевидно и то, что Президент РФ не может быть монополистом в предложении кандидатур судей Конституционного Суда РФ и расширение круга субъектов в этой сфере на альтернативной основе, безусловно, необходимо [9]. Избрание Председателя Конституционного Суда РФ также должно быть внутренним делом самого состава суда, а не происходить «по представлению Президента РФ».

Литература

1. В этих материалах речь шла еще о Комитете конституционного надзора РСФСР и о его конкретных полномочиях. См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы (1990-1993). Т.1. М., 1990. С. 46.
2. См.: Там же. Т. 2. С. 99.
3. См. комментарий Н.В. Витрука: «Но я бы еще хотел сказать в пользу Высшего Судебного Присутствия. Практика показывает, что необходим элемент сдержки и противовеса внутри самой судебной власти. У нас сейчас три

ветви судебной власти. И как бы мы ни говорили, что компетенция Конституционного Суда не перекрещивается с компетенцией других судов, все равно такое перекрещивание имеется, потому что Конституционный Суд, допустим, в нынешнем виде оценивает конституционность правоприменительной практики...». См.: Конституционное Совещание. Т. 11. М., 1995-1996. С. 8.

4. См.: Конституционное Совещание. Т. 11. С. 9
5. См.: Конституционное Совещание. Т. 13. С. 125.
6. См.: Конституционное Совещание. Т. 18. С. 338.
7. См.: Марино И. Президент и Основной закон России. Отцы-основатели Конституции: правовые позиции. М., 2006. С. 302; Дицикин А.Б. Становление и развитие науки конституционного права в России. Монография. Lambert Ac. Publ., 2011.
8. См.: Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2008. №1. С. 11; Дицикин А.Б. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в развитии науки конституционного права и конституционно-правовой доктрины // Современное право. 2008. №11. С.65-68.
9. В экспертном заключении Института законодательства и сравнительного правоведения по проекту Конституции РФ, одобренному Конституционным Совещанием, было указано: «Что касается отношений Президента и судебной власти, то исходя из особой природы Конституционного Суда, едва ли оправдано наделение Президента только правом представления кандидатур его судей на утверждение Совету Федерации. Очевидно, что круг субъектов, имеющих такое право, должен быть расширен». См.: Проект Конституции Российской Федерации, подготовленный Конституционной Комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации. Документы и материалы. М. Республика, 1993.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Р. Ю. Шульга

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД РФ

В условиях фактически отсутствия независимых судов в России, а также осуществления карательной уголовной политики, обращение в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) для восстановления нарушенных прав порой является единственной возможностью для российских граждан реализовать право на справедливое судебное разбирательство.

Учитывая низкий социальный и правовой уровень российских граждан, их обращения в ЕСПЧ продолжают носить ограниченный характер. Для

обеспечения реализации права на справедливое судебное разбирательство необходимы не только совершенствование государственных механизмов защиты прав и свобод, но и предоставление гарантий в деятельности неправительственных правозащитных организаций (НПО), призванных своими методами восстанавливать нарушенные права, осуществлять контроль за состоянием дел с правами человека. Роль НПО особенно важна не только по причине значимости проблем, рассматриваемых ЕСПЧ, но также и потому, что они помогают избежать неравенства сторон в ходе разбирательства. Государство-участник Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) [2] имеет в своём распоряжении мощную машину, финансовые средства, юристов, специально подготовленных для представительства в Суде, а также высококвалифицированных экспертов. Заявитель не располагает такими возможностями. Конечно, он может принять финансовую помощь, предлагаемую Судом; но даже и в этом случае его возможности всё же остаются неизмеримо меньшими по сравнению с государством, на которое он жалуется.

НПО могут значительно сократить число обращений в Суд, если они дают разумные советы и разъясняют заявителям, считающим себя жертвами нарушений прав человека, условия принятия обращений к рассмотрению по существу, сферу прав и свобод, защищаемых Конвенцией, и обстоятельства, по которым обращения могут быть не приняты Судом.

Число непринятых и очевидно безосновательных обращений по поводу нарушений, выходящих за рамки действия Конвенции и её дополнительных протоколов, всё ещё слишком велико. Согласно статистическим данным ЕСПЧ, в 2010 году было подано 61.300 заявлений, из которых только 22.724 были признаны приемлемыми для рассмотрения ЕСПЧ [7].

Иногда достаточно проинформировать лиц, подавших жалобу, о том, что аналогичный случай уже рассматривается в Суде, целесообразно подождать решения этого дела, а не подавать заявление аналогичного характера. В том случае, если ЕСПЧ признает государство виновным в нарушении Конвенции, результаты рассмотрения этого дела являются не только средством защиты заявителя в его деле, но и имеют большое значение для внесения изменений в национальное законодательство и пересмотра практики по схожим делам.

Однако реальная ситуация с изменением как правоприменительной практики, так и с внесением необходимых изменений в законодательство, в связи с вынесенными решениями ЕСПЧ, остаётся удручающей. Российские суды и законодатели, в подавляющем большинстве случаев продолжают игнорировать исполнение вынесенных решений ЕСПЧ. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин подверг сомнению безусловное исполнение решений ЕСПЧ [1] после вынесенного решения «Константин Маркин против России» в октябре 2010 года, заявив о необходимости установления «предела уступчивости» и приоритете национального правосудия [3]. Президент РФ Д.А. Медведев заявил о необходимости введения механизма «защиты национального суверенитета» [5]. В качестве такого механизма первым заместите-

лем Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ А.П. Торшиным предложен законопроект, согласно которому российские законы, признанные ЕСПЧ нарушающими Конвенцию, теперь должны будут проходить дополнительную проверку в Конституционном Суде РФ на предмет их соответствия Конституции РФ. При этом, согласно законопроекту, если Конституционный Суд признает закон соответствующим Конституции РФ, пересматривать законы и вынесенные на их основании судебные решения не потребуется [4].

Озвученные заявления порождают государственную систему игнорирования решений ЕСПЧ. Предлагаемый механизм «защиты национального суверенитета» нарушает взятые Россией обязательства при подписании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В этой связи необходимо принятие специального закона, регулирующего вопросы исполнения принятых обязательств, вытекающих из норм Конвенции, а также решений Европейского суда по правам человека.

Расширению взаимодействия судебных органов и НПО мог бы способствовать вступивший в силу 1 июля 2010 года Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (в редакции от 18 июля 2011 года) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [6]. Открытый доступ к решениям судов должен расширить возможности осуществлять гражданский контроль над деятельностью судебных органов правозащитными организациями.

Хотя НПО за непродолжительный период своей деятельности уже доказали свою значимость в системе защиты прав и свобод человека, в отношении них продолжает оставаться «остаточный» принцип трактовки их роли в российской правовой конструкции прав человека. Практика показывает, что НПО в России брошены на произвол судьбы; они не имеют ни прочного законодательного статуса, ни государственной поддержки, ни экономической базы.

НПО занимают достойную нишу в инфраструктуре защиты прав и свобод человека. Уже невозможно представить функционирование системы защиты прав человека без такого инструментария как НПО. Именно они стали буфером между государством и человеком, для того чтобы соблюдение прав человека действительно стало настоящей реальностью; НПО стали «глазами и ушами» официальных правительств; стали своего рода барометром состояния общества.

НПО предоставляют голос тем, кто в противном случае не смог бы высказать своей точки зрения. Они стремятся оказывать воздействие на государственную политику от имени тех слоёв населения, которые без этого воздействия не имели бы никакого влияния в обществе; работают над тем, чтобы ни одна группа населения, имеющая финансовые ресурсы, властные полномочия или высокое социальное положение, не могла бы использовать данное преимущество в корыстных интересах.

Деятельность таких организаций как Центр содействия международной защите (Москва) или «Сутяжник» (Екатеринбург) показывает эффективность работы НПО в проведении мониторинга судебных органов, в том числе, реализации права на справедливое судебное разбирательство в свете норм Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Литература

1. Зорькин В. Предел уступчивости. // Российская газета. 2010. 29 октября.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, изменённая и дополненная Протоколами N 11 и N 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов N 4, 6, 7, 12 и 13. – Страсбург: Секретариат Европейского суда по правам человека, 2010.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07 октября 2010 года “Case of Konstantin Markin v. Russia” (Application No 30078/06).
4. Проект Федерального конституционного закона № 564346-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об уточнении порядка обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности нормативных актов и порядка обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека).
5. Пушкинская А. Валерий Зорькин поставил наднациональное право под национальным. // Коммерсантъ. 2011. 17 мая.
6. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 года) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
7. Annual Report 2010 of the European Court of Human Rights, Council of Europe. – Strasbourg: European Court of Human Rights, 2011.

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

С. Л. Парамонова

Институт Макса Планка, Университет Пассау (Германия, Фрайбург)

Суд присяжных был впервые введен в систему российского уголовного судопроизводства в ходе судебной реформы 1864 г. Он просуществовал до конца 1917 г. и был вновь введен в действие Федеральным Законом от 16 июля 1993 г.

Концепцией судебной реформы 1991 г., положившей начало новому этапу отечественного правосудия, институт суда присяжных был оценен как «индикатор правосознания и готовности к глубинным реформам» [1]. В особенности подчеркивались такие преимущества института как большая коллеги-

альность, бесспорная независимость и, следовательно, меньший риск злоупотреблений и судебных ошибок по сравнению с судами в составе профессиональных судей. Присяжные, которых волнуют судьба подсудимого, а не ведомственные отчетные показатели, стимулируют состязательность процесса. Кроме того, они привносят в судебный поиск истины свежий взгляд, не затуманный функциональной позицией, когда как на решения профессиональных судей оказывают большое влияние «теневые правила игры».

За последнее десятилетие указанные в концепции достоинства данного института вновь подтвердили себя в возродившейся практике его применения.

Так, суды с участием присяжных выносят наибольшее количество в процентном соотношении оправдательных вердиктов - 20% на фоне 1% оправдательных приговоров, выносимых обычными судами, «скрашивая» тем самым карательный уклон судебной системы [2]. Практика показывает, что присяжные значительно более, чем профессиональные судьи, требовательны к доказательствам, которые представляет обвинение, более внимательны к аргументам и доказательствам защиты. Суд присяжных, таким образом, стимулирует «качество» расследования и обвинения и укрепляет гарантии соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве.

Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом закрепляется Конституцией РФ в п. 2 ст. 47 и п. 4 ст. 123. Согласно ст. 20 Конституции обвиняемый также обладает этим правом в случае, когда в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь. Однако, высшая мера наказания, не применяется в России с 1996 г.; в 2009 г. Конституционным Судом был подтвержден мораторий на нее [3].

Институт суда присяжных также нашел свое отражение и в УПК РФ, включающем в себя раздел «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей».

Тем не менее, результаты работы суда присяжных вызывают неоднозначную реакцию и в обществе, и во власти. Широкий общественный резонанс вызвал Федеральный Закон от 30 декабря 2008 года N 321-ФЗ, сокративший компетенцию суда присяжных. В ч. 2 ст. 30 УПК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми из подсудности суда присяжных исключаются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных, например, такими статьями УК РФ как ст. 205 «Тerrorистический акт», ст. 275 «Государственная измена», ст. 278 «Насильственный захват власти или насилие, удержание власти», ст. 279 «Вооруженный мятеж» и ряд других (всего девять статей).

Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 N 8-П данные изменения признаны не противоречащими Конституции РФ. Конституционный Суд основывался на том, что само по себе изменение регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не ограничивает доступ к правосудию и не затрагивает существо права на за-

конный суд, равно как рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является непременным условием реализации права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантированного Конституцией, а именно ст. 46. Суд с участием присяжных заседателей является лишь одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства [4].

Безусловно, соглашаясь с аргументацией Конституционного Суда, суд присяжных – это не инструмент рутинной юстиции, применимый во всех случаях. Однако, последовательное изъятие подсудных присяжным уголовных дел политической направленности выказывает весьма очевидную тенденцию ограничения прав граждан в отправлении правосудия в определенной сфере. К сожалению, подобная тенденция сокращения круга дел (конкретной направленности) подсудных присяжным, вполне вписывается в картину недостаточно независимой судебной власти и стремления централизации контроля со стороны исполнительной власти [5]. Ведь профессиональных судей гораздо легче контролировать, вердикт же присяжных никогда нельзя точно предсказать [6].

Кроме того, данное решение законодателя еще более обозначает тенденцию сокращения коллективных начал в отправлении правосудия (ликвидация института народных заседателей и рассмотрение подавляющего большинства уголовных дел единоличным судьей).

Несомненно, суд присяжных – это один из немногих институтов судебной власти на данный момент, способный позитивно влиять на состояние независимости судебной системы, принимая во внимание низкий уровень общественного доверия судам и дефицит милосердия правосудия (99 % обвинительных приговоров). Думается, что подобные институты должны не сводиться к формальности, а поощряться в реальном развитии, при условии, что целью является формирование независимой судебной власти.

Литература

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [www.consultant.ru].
2. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ [www.cdep.ru]
3. Paramonova S., Russia's Constitutional Court and Death Penalty.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 N 8-П
5. В сентябре 2010 г. Законодатель выступил с инициативой рассмотрения уголовных дел, связанных с государственной тайной, без участия присяжных заседателей. Российская газета, «По секрету – всему свету. Госдума может ограничить участие присяжных по закрытым судебным процессам» [<http://212.69.111.24/2010/07/06/zasedateli.html>].
6. Report of the International Comission of Jurists (ICJ) 2010: <http://www.slideshare.net/CommitteeRight/ss-5931034>.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А .В. Серегин

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

В современной теории государства и права классически выделяют четыре вида республиканского правления: президентское, парламентское, президентско-парламентское (смешанное) и советское.

Парламентская республика - это форма правления, при которой ведущая роль в осуществлении государственной власти принадлежит парламенту.

В такой республике правительство формируется парламентом и несет перед ним коллективную ответственность за свою деятельность. Как правило, кабинет министров остается у власти пока пользуется поддержкой парламентского большинства, в противном же случае он подает в отставку или через президента добивается роспуска парламента.

Глава государства в парламентских республиках, как правило, избирается парламентом, либо специально образуемой парламентской коллегией. Так, в Италии президент республики избирается членами обеих палат парламента на их совместном заседании, но при этом в выборах участвуют также по три делегата от каждой области, избранных областным советом. В Федеративной Республике Германия Президент избирается федеральным собранием, состоящим из членов бундестага и такого же числа лиц, выбираемых ландтагами земель на началах пропорционального представительства. В Австрии, например, выборы президента осуществляются населением сроком на шесть лет. Президент Чешской Республики избирается Парламентом на совместном заседании Палаты депутатов и Сената сроком на 5 лет [1, с. 58].

Глава парламентской республики наряду с представительством государства на международной арене, обнародует законы, издает декреты, имеет право распустить парламент, назначает главу правительства и возглавляет вооруженные силы страны.

Глава правительства (премьер-министр, председатель совета министров и т.д.) назначается, как правило, президентом.

Самобытная система парламентской республики существовала в Израиле с 1996 г. по 2001 г. Так, Кнессет – парламент этого государства, выбирал президента сроком на 5 лет, но премьер-министр – глава государства определялся всенародным голосованием, поэтому он мог в любой момент противопоставить себя депутатам. В 2001 г. Закон «О прямых выборах премьер-министра» был отменен и Израиль вновь стал классической парламентской республикой [2, с. 77], с той лишь особенностью, что его правительство имеется всемирным. В состав кабинета министров входят представители крупнейших политических партий страны с совещательным голосом, лидеры крупнейших иудейских религиозных общин и профсоюзов, а также представители еврейского международного агентства, имеющие гражданство иных государств. По-существу, это единственное правительство в мире, построен-

ное по модели национальной экстерриториальной пирамиды. Через еврейское агентство, это правительство выходит на все еврейские общины в мире, на все еврейские круги. Посредством религиозного влияния, оно может использовать неформальные рычаги, например, для мобилизации казны Израиля.

Кнессет может в любой момент вынести вотум недоверия правительству, и оно должно уйти в отставку. Парламент нельзя распустить, но депутаты могут принять решение о самороспуске Кнессета. Президент несет политическую ответственность перед парламентом.

Израиль также является уникальным государством в том отношении, что даже один депутат может организовать индивидуальную партию в парламенте. Например, во Франции для образования фракции Национального собрания необходимо не менее 30 его членов, а в Сенате – не менее 14, в Бундестаге ФРГ – 15 депутатов [3, с. 104].

В отличие от парламентской республики, в президентской – ведущая роль в политической жизни страны принадлежит главе государства, одновременно, выступающим и главой правительства.

Основными признаками президентской республики являются:

- 1) внепарламентский метод избрания президента;
- 2) ответственность правительства перед президентом, а не парламентом;
- 3) запрет президенту распускать парламент.

Классическим примером президентской республики являются США [4, с. 21 -27].

Вместе с тем иногда встречаются смешанные формы республиканского правления, например, президентско-парламентские, как во Франции, где правительство несет двойную ответственность: перед всенародно избранным Президентом и Национальным собранием [5, с. 45 -50]. Очень часто эту форму правления копируют бывшие французские колонии, например Республика Мали [6, с. 6.].

Смешанные республики различных государств несут на себе отпечаток специфических национальных характеристик. Так, в Польше, глава государства – Президент с 1990 г. избирается путем всеобщего голосования сроком на пять лет и может быть переизбран только один раз. По Конституции 1997 г., президент имеет широкие полномочия в области внешней политики и национальной обороны, назначает и отзывает послов, ратифицирует международные договоры, назначает руководителей высших судебных органов и вооруженных сил. Эти назначения согласуются с премьер министром. Кроме того, президент назначает премьер-министра; при определенных условиях он может распустить парламент; наложить вето на законы, принятые сеймом (оно может быть преодолено сеймом в 3/5 голосов); объявить военное положение и частичную или всеобщую мобилизацию. В тоже время Совет министров ответственен перед сеймом. В случае выражения Сеймом недоверия премьер-министру или отдельным членам Совета министров, президент обязан отправить их в отставку. Сейм и Сенат польской республики осуществля-

ляют законодательную власть. Сейм выбирается на 4-х летний срок на всеобщих выборах тайным голосованием. Сенат также выбирается на 4 года на всеобщих выборах тайным голосованием. В состав сейма входит 460 послов. В сенат 100 сенаторов. Сейм и сенат могут заседать совместно под руководством маршала Сейма, образуя народное собрание. Сейм – это высший контролирующий орган государства. Республика Польша имеет Верховный суд, а также местные, военные и др. специализированные суды. Президент назначает председателей высших судебных органов страны, в том числе председателя Верховного суда, главного судью Высшего государственного суда, а также председателя и вице-председателя Конституционного суда. Все судьи назначаются президентом пожизненно после выдвижения кандидатур Национальным советом юстиции; заседатели суда избираются. Конституционный суд, Государственный суд, Верховная контрольная палата и уполномоченный по правам человека назначаются Сеймом с согласия Сената.

Социалистическая республика это форма правления, обеспечивающая полновластие советов в политической системе общества.

Впервые социалистическая республика возникла во Франции в 1871. г (Парижская коммуна), затем установилась в Советской России после революции 1917 года.

Основными признаками социалистической республики являются:

А) Вся полнота государственной власти сосредотачивается в руках представительных органов государственной власти – Советов.

Б) Отрицается принцип разделения властей.

В) Местные и государственные органы соединяются в единую систему советов, действующую на основе принципа демократического централизма: подчинения нижестоящих звеньев представительной системы вышестоящим.

Типичным примером социалистической республики в современном мире является кубинское государство, в котором Высшим органом государственной власти провозглашается Национальная Ассамблея народной власти, избираемая муниципальными Ассамблеями [9, с. 325]. В свою очередь Национальная Ассамблея из своего состава избирает Государственный совет, представляющий её в перерыве между сессиями, а также назначает членов Совета министров – высшего исполнительного и административного органа. Председатель Государственного совета является главой государства и правительства, возглавляет Совет национальной обороны. Высшим исполнительным органом власти является Совет министров Республики Куба (правительство), члены которого представляются на утверждение Национальной Ассамблеи председателем Государственного совета.

В начале XXI века советские республики существуют в КНР, КНДР, Вьетнаме [10, с. 144] и на Кубе. Жизнеспособность этой формы правления подтверждается тем, что Китай успешно осуществляет модернизацию, становясь второй по значимости мировой державой, составляя конкуренцию США.

Литература

1. Владимирова Е.А. Правовая система Чешской Республики. // Международно-правовые чтения. Вып. 9. / отв. ред. П.Н. Бирюков; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 223 с.
2. Абу Джабаль Джамиль Выборы премьер-министра Израиля и депутатов кнессета // Вест. Моск. ун-та, Сер. 11, Право. 2003. № 6. – С. 77 – 86.
3. Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: Монография / В.П. Воробьев, И.А. Чайко. - М.: «Норма», 2006. – 354 с.
4. Кучеренко П.А. Конституционно-правовой механизм контроля бюрократии в системе президентства США. // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2 (74). - С. 21 – 27.
5. Пелипенко А.Н. Франция: Усиление роли парламента. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2010. № 5 (24). – С. 45 – 50.
6. Коне Якуба Институт президенства в Республике Мали. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.02 – Ростов-на-Дону, 2011. – 24 с.
7. Чиркин В.Е. Формы социалистического государства. – М.: «Юридическая литература», 1973. – 270 с.
8. Романенко В.Б., Серегин А.В. История государства и права зарубежных стран: учебник. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – 784 с.
9. Кубинская Социалистическая Конституция 1976 г. // Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия. / Под ред. В.А. Якушина. Т. III. – Тольятти: Волжский университет им. Татищева, 2004. – 511 с.
10. Май Ван Тханг Модернизация правовой системы Вьетнами: основные проблемы. // Международно-правовые чтения. Вып. 9. / отв. ред. П.Н. Бирюков; Воронежский государственный университет. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 357 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТИТУЦИИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Г. В. Торопчин

Кемеровский государственный университет

Объектом исследования в этой работе предстаёт конституционное право такой страны, как Новая Зеландия. В частности, особый интерес представляет собой отсутствие кодифицированной конституции в настоящем государстве как таковой. [3] Естественно, что подобный правовой феномен обусловлен исторически: Новая Зеландия на всём протяжении своего существования как государства была связана с бывшей метрополией – Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии, в котором писаная конститу-

ция также отсутствует. [1] В данной статье автор счёл необходимым остановиться именно на различных группах источников права, собственно, заменяющих писаную кодифицированную конституцию в Новой Зеландии. Соответственно, предмет исследования – именно различные источники конституционного права Новой Зеландии.

В большинстве государств мира приняты писаные конституции. [8] В связи с этим природа такого публично-правового явления, как неписаная конституция, нуждается в дополнительном освещении. Неписаные конституции характерны в принципе только для государств англосаксонской правовой семьи. Подобный тип конституции существует лишь в Великобритании и Новой Зеландии (а также в Израиле). [4] [7]

Что касается конкретно Новой Зеландии, то можно выделить несколько типов источников конституционного права для этой страны:

1) Конституционные указы. Формально это основная группа источников, в которых прописаны все конституционные нормы, определяющие форму устройства государства, государственный строй, принцип разделения властей, а также основные права и свободы человека и гражданина. Первый из таких законов был принят в 1846 г., а последний в 1986 г.

2) Другие конституционные акты и положения (в том числе и договоры). Ярчайшим примером такого рода источников можно назвать Билль о правах 1990 г., в котором были ещё раз обозначены фундаментальные права и свободы подданных. [5] В последнее время правоведы стали включать сюда и договор Вайтанги 1840 г. между представителями британской короны и местными племенными вождями, по которому территория Новой Зеландии переходила под британскую юрисдикцию. Как акт договор был переоформлен в 1975 г., ещё через 10 лет к нему была принята поправка касательно положения и прав коренного населения. Одним из последних в череде подобных документов на данный момент времени является Акт о Верховном суде 2003 г. Но уже в 2008 г. был принят Cabinet manual – конвенция, регламентирующая деятельность кабинета министров и детально разъясняющая особенности государственного устройства. [2]

3) Нормативно-правовые документы британского законодательства. Среди таких актов следует назвать в первую очередь Билль о правах 1689 г. и Конституционный Указ 1852 г. Несмотря на обретение статуса доминиона в 1907 г., а позже и самостоятельности по Вестминстерскому статуту 1931 г., [6] Новая Зеландия, как член Содружества, официально признаёт Королеву Великобритании главой государства. Одним из символов такого подчинения со стороны Новой Зеландии является признание некоторых законов и подзаконных актов законодательства Великобритании (и в том числе Англии, если вернуться к биллю 1689 г.) составной частью собственной конституционной базы.

4) Конституционно-правовой обычай. Эта категория источников конституционного права также весьма характерна для стран с англосаксонской правовой моделью. Одним из характерных и важнейших элементов правово-

го обычая для Новой Зеландии является следующая процедура, которая не закреплена документально, но действует фактически: в Совете министров – правительстве – выделяется Кабинет министров, председателем которого является премьер-министр (как и в Британии, лидер партии, получившей на выборах большинство).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что подобное отсутствие писаной конституции не раз вызывало споры в новозеландском обществе, часть которого всё-таки высказывается за кодификацию конституционных норм. Такое положение вещей приводило и к конституционным кризисам. Последний из них имел место в 1984 г., за ним последовала попытка очередной конституционной реформы в 1985-1986 гг. Эти обсуждения отражаются в определённых инициативах и в последнее время: в 2004 г. было проведено в жизнь предложение премьера Хелен Кларк пересмотреть и систематизировать основные источники конституционного права Новой Зеландии (однако некоторые крупные партии проигнорировали этот проект, который, по мнению некоторых, должен был стать одним из шагов на пути от монархии к республике и освобождению от британской зависимости и де-факто). Тем не менее, о сведении многочисленных правовых актов, формирующих источниковую базу новозеландского конституционного права в один фундаментальный документ, который стал бы писаной конституцией, речь не идёт.

Литература

1. Background Note: United Kingdom // U.S. Department of State.
<http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3846.htm>
2. Cabinet manual //
<http://cabinetmanual.cabinetoffice.govt.nz/files/manual.pdf>
3. James Allan. Why New Zealand Doesn't Need a Written Constitution //
<http://epress.anu.edu.au/agenda/005/04/5-4-A-9.pdf>
4. Jean-Claude Racine. La condition constitutionnelle des Canadiens dans l'œil de la science politique canadienne – 1982-2010. Thèse de maîtrise. //
http://www.ruor.uottawa.ca/en/bitstream/handle/10393/20171/Racine_Jean_Claude_2011_these.pdf
5. New Zealand Bill of Rights Act 1990 //
<http://legislation.govt.nz/act/public/1990/0109/latest/whole.html>
6. Statute of Westminster //
http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1931/4/pdfs/ukpga_19310004_en.pdf
7. University of London. External Program. Public Law //
http://www.londoninternational.ac.uk/current_students/programme_resources/laws/subject_guides/public_law/public_ch2.pdf
8. Конституционное право зарубежных стран // Учебное пособие под ред. Баглай, Лейбо, Энтина. М.: Норма. - 2004. - с. 56.

СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ: МАТЕРИАЛЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ И КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ

И. Марино

Представительство Фонда конституционных реформ в Италии (Неаполь)

Сегодня, когда Конституционному Суду России исполняется 20 лет государственной деятельности, мы можем непредвзято и более последовательно осуществить историко-правовой анализ процесса формирования Конституционного Суда в материалах Конституционной Комиссии и Конституционного Совещания.

Конституционная Комиссия Совета народных депутатов РСФСР была тем государственным органом, который раньше всех в начале 1990 г. придал импульс развитию отечественной конституционной юстиции. О перспективах конституционного правосудия Конституционная Комиссия позаботилась своевременно уже в марте 1990 г. в подготовительных материалах о первоочередных изменениях в Конституцию РСФСР.

О перспективах конституционного правосудия России Конституционная комиссия СНД заботилась своевременно и интенсивно уже в марте 1990 г. в начинающихся подготовительных материалах о работе Конституционной Комиссии и материалах о первоочередных изменениях в конституцию РСФСР [1]. В опубликованном официальном проекте Конституции Конституционной Комиссии от 12 ноября 1990 г. появилась статья 5.7.8., которая перечислила все существенные компетенции и полномочия Конституционного Суда Российской Федерации в целях защиты конституционного строя [2]. Комиссия активно участвовала и в законотворческой деятельности, в разработке изменений и дополнений к Конституции РСФСР, выступала инициатором законопроекта о Конституционном Суде РСФСР [3].

Позднее в работе Конституционного Совещания в условиях политического противостояния Администрации Президента и Верховного Совета будут обсуждаться различные варианты организации деятельности будущей судебной системы и конституционной юстиции. Обсуждалось несколько моделей: Высшее Судебное присутствие, Генеральный Судебный Совет, Конституционная коллегия Верховного Суда.

Нужно отметить, что общего и ясного представления о составе и функциях Высшего Судебного присутствия не было. Создание такого органа формально оправдывалось в рамках работы Конституционного Совещания необходимостью укрепления судебной власти. Как отмечает С. М. Шахрай, один из юристов в окружении Президента РСФСР Б.Н. Ельцина: «Эта была попытка высшую судебную власть РФ каким-то образом интегрировать...». Инициативу создания Высшего Судебного присутствия особенно поддерживали представители Президента РФ по доработке проекта Конституции С.С. Алексеев и В.М. Савицкий, а в поддержку этой инициативы выступал судья Конституционного Суда РСФСР Н.В. Витрук [4]. Однако по сути это была

попытка ослабить Конституционный Суд РФ из конъюнктурных соображений действующих политических сил.

Иное предложение, которое поступило на Конституционное Совещание со стороны юристов из окружения Президента РФ, касалось так называемого Генерального Судебного Совета. А.М. Яковлев, представитель Президента РФ и Правительства по доработке проекта Конституции РФ на Конституционном Совещании [5], в качестве председательствующего на заседании одной группы поставил на голосование вопрос о создании Генерального Судебного Совета Федерации. «Суды Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации назначаются Генеральным Судебным Советом Российской Федерации, создаваемым специально для этих целей. Генеральный Судебный Совет состоит из равного числа представителей высших судов Федерации, представителей Федерального Собрания и членов совета, назначенных Президентом Российской Федерации». В самой громкой части статьи, которую тогда обсуждали, было сказано: «...Председателем Совета является Президент РФ, его заместителем — Министр юстиции РФ...» [6]. Это было оригинальное понимание принципа «независимости» судебной власти от исполнительной власти.

Третий вариант, связанный с созданием «специальной» Конституционной коллегии в составе Верховного Суда появился в известном Указе Президента РФ, где было предложено самому Конституционному Суду РФ разрабатывать организационные формы создания такой коллегии. В этот период Конституционный Суд РСФСР проявлял политическую активность по урегулированию конфликта между Президентом и Верховным Советом. Представляют несомненный интерес воспоминания Председателя Конституционного Суда РФ, высказанные в интервью в июле 1996 г. о тех событиях: «...события зашли слишком далеко и, я хочу подчеркнуть, в этом трагизм всего нашего положения, трагизм положения Конституционного Суда, я думаю можно было идти другим путем, выход имелся, но, к сожалению, Россия не нашла выход из-за позиций сторон. И я думаю, по прошествии времени, легче глядеть и на собственные ошибки, я тоже наделал их массу, но по большому счету побуждениями моими и не только, но и юридическими основаниями моих поступков. Они заключались в том, чтобы спасти конституционный строй и правовое развитие России. Кстати, и прессы наша, и некоторые зарубежные органы обвиняли нас в том, что Суд вмешивается в политику. Но позвольте, мы же не суд в ФРГ, не Суд в Италии, где все власти соблюдают Конституцию! У нас случилось такое: экстраординарная политическая обстановка. Вот сейчас расстреляют Парламент, и что, суд в этих условиях должен был молчать, удалиться со сцены? Можно было так поступить? Но если рушится конституционный строй, в этих условиях должен вообще суд молчать? То есть я еще раз хочу подчеркнуть противоречивость нашей собственной позиции суда, сложности, даже определенный трагизм. Юридически мы должны были защищать текст Конституции, у нас не было другого выхода иначе как ме-

нять этот текст юридическим путем, потому что есть две аксиомы правовые для меня как юриста - первая «действуй по праву», и вторая вытекающая отсюда аксиома «меняй право правовым путем». Мне жаль, что Россия пошла в то время другим путем. Слава Богу, что не случилось большей трагедии» [7].

Таким образом все вышеуказанные материалы наглядно свидетельствуют о сложной социально-политической обстановке вокруг деятельности Конституционного Суда РФ, когда посредством туманных юридических формулировок предпринимались попытки создать более подконтрольный исполнительной власти Конституционный Суд.

Литература

1. В этих материалах речь шла еще о Комитете конституционного надзора РСФСР и о его конкретных полномочиях. См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы (1990-1993). В 6 томах. 1990 год. Том 1. М., 2009-2011. С. 46.

2. См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы. В 6 томах. 1991 г., Т. 1. С. 645. Данный проект был опубликован в еженедельной газете Аргументы и факты. Ноябрь 1990 г. (специальный выпуск).

3. Было принято Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июля 1991 г. «Об утверждении закона РСФСР «О Конституционном суде РСФСР».

4. См.: Конституционное Совещание. Стенограммы, материалы, документы. М. 1996. Т. 13. С. 333.

5. Назначен Указом Президента РФ от 31 мая 1993 г. №790.

6. См.: Конституционное Совещание. Т. 11. С. 117.

7. Интервью Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина Ивану Марино 5 июля 1996 г. См.: «Presidenzialismo in Russia: partiti politici e riforme istituzionali» [www.osservatoriорussia.it].

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ СИЛА АКТОВ ICOMOS: ТЕОРИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Ю. Л. Юринец

Университет экономики и права «Крок» (Украина, Киев)

Сохранение культурного наследия человечества и решение глобальных экологических проблем являются обязательными условиями существования и развития человеческой цивилизации. Поэтому защита культурных ценностей и сохранение природной среды постепенно становятся предметом международно-правового регулирования [1, с. 1].

Одним из ключевых памятникоохранных международных документов является Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. об охране Всемирного культурного и природного наследия (далее – Конвенция). Однпко ее непосредственное применение иногда является усложненным вследствие общности формулировок. В таких условиях важным в практической деятельности является учет требований смежных документов.

Так, в определении от 01.12.2010 г. № К-31325/10 Высший административный суд Украины (ВАСУ) рассмотрел в кассационном порядке дело о передаче для строительства земельного участка, находящегося в охранной зоне ансамбля Софийского собора, который внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Поэтому суд указал [2], что все изменения в этой зоне должны происходить в соответствии с Конвенцией. Так, в Наставлениях [3], регулирующих выполнение Конвенции, указано, что обязанностью страны-участницы Конвенции является информирование Комитета Всемирного наследия через секретариат ЮНЕСКО о намерениях осуществлять в зоне, охраняемой Конвенцией, значительные строительные работы, которые могут повлиять на ценность объекта всемирного наследия. Однако такого информирования не было, чем нарушены международные обязательства Украины. То есть, ВАСУ решил, что Украина связана не только положениями непосредственно Конвенции, но и изданными в ее исполнение нормативными актами.

При таких условиях следует учесть, что в качестве ведущей экспертной организации в сфере оценки объектов всемирного наследия ООН указанные «Наставления...» признаёт Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (англ. – International Council on Monuments and Sites, ICOMOS). То есть, «Наставления ...» ЮНЕСКО признаёт позицию ICOMOS легитимным толкованием Конвенции.

К этому интересно добавить, что согласно ст. 49 Закона Украины «Об охране культурного наследия», представление о внесении памятников в Список всемирного наследия осуществляет Кабинет Министров Украины по рекомендации центрального органа исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия и Украинского национального комитета Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Таким образом, и украинский законодатель признает позицию ИКОМОС легитимным толкованием Конвенции.

Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) создан в 1965 г. как неправительственная общественная организация, играет ведущую роль в мировой памятникоохранной деятельности [4]. В нормотворческой деятельности ICOMOS придерживается принципов основополагающего документа сферы охраны культурного наследия – Международной хартии по охране и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия, май 1964 г.) [5]. В дополнение к этой хартии ICOMOS принял ряд других хартий, в частности: Хартия по охране исторических садов и ландшафтов (Флорентийская хартия, 21.05.1981 г.) [6],

Международная хартия по охране исторических городов (Вашингтонская хартия 1987 г.) [7], Международная хартия по охране и использованию археологического наследия (Лозанская хартия, 1990 г.) [8] и др. Указанные документы содержат принципиальные положения относительно охраны и сохранения культурного и археологического наследия, в частности:

- охрана памятника предусматривает сохранение его окружения, которое не нарушает масштабности сооружения. Если традиционная среда сохранилась, ее не следует нарушать; любое новое строительство, снос и изменения, которые могли бы нарушить соотношение объемов и цвета, недопустимы ([5], п. 6);
- обновления и сети инфраструктуры, которых требует современная жизнь, должны приспосабливаться к специфике исторических городов ([7], п. 8);
- если законодательство распространяется только на памятники, официально охраняемые, паспортизированные или зарегистрированные, то должны приниматься меры по временной охране вновь выявленных участков наследия или памятников, которые еще не охраняются, до тех пор, пока не будет проведена их оценка с точки зрения археологии ([8], п. 3);
- главная цель управления археологическим наследием – сохранение памятников и выдающихся мест в первоначальном виде, включая длительную консервацию, усердие в составлении документации и хранении коллекций и всего того, что к ним относится. Любое изменение элементов наследия является нарушением ее сохранности в первоначальном виде ([8] п. 6);
- ответственная власть должна принять официальные и административные распоряжения для идентификации, инвентаризации и охраны исторических садов. Их охрана должна быть включена в планы по распределению земель, в планировочные документы по благоустройству территории ([6], п. 23).

В контексте учета выводов ICOMOS в судебной практике интересно обратить внимание, что в постановлении Киевского апелляционного административного суда от 21.09.2010 г. по делу № 2-а-1930/09 отмечено, что из рекомендаций ICOMOS 32 COM 7B.111; 32 COM 8B.68; 32 COM 8D; 33 COM 7B.125 и 34 COM 7B.103 усматривается, что взятые обязательства по охране памятников Украина не выполняет [9]. Следовательно, документы ICOMOS могут быть доказательствами несоответствия принятых властями решений относительно объектов культурного и/или архитектурного наследия.

Литература

1. Мельничук О.І. Статус всесвітньої культурної та природної спадщини людства в міжнародному праві: автореф. дис... канд. юрид. наук: – Электронный доступ: <http://www.nbuv.gov.ua/ard/2006/06moilmp.zip>
2. <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/12633033>
3. <http://www.unesco.org.ua/ua/archive/documents/downloads/whc-guid.pdf>
4. http://icomos-ua.blogspot.com/p/blog-page_5851.html

5. <http://art-con.ru/node/848>
6. http://www.liveinternet.ru/users/lands_art/post117619299/
7. <http://www.spadshina.org.ua/index.php?sID=19&itemID=179>
8. <http://www.spadshina.org.ua/index.php?sID=19&itemID=178>
9. <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/11390920>

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Е. А. Клоков, О. Н. Князева

Омский экономический институт

В последнее время широкое распространение в судебной практике по налоговым спорам получили оценочные понятия, не имеющие законодательного закрепления и определения. Среди них особое место занимает категория «недобросовестности налогоплательщика». Появление в публичном праве подобных понятий естественно вызывает вопросы как у научных деятелей, так и у практических работников. Как известно, именно налоговому законодательству, свойственна определенность правовых норм [1]. Еще Адам Смит в своих работах указывал на значимость данного принципа в правовом регулировании налоговых отношений: «Точная определенность того, что каждое лицо должно платить, в вопросе налогового обложения представляется делом столь большого значения, что весьма значительная степень неравномерности составляет гораздо меньшее зло, чем малая степень неопределенности» [2]. Несмотря на отрицательное отношение ученых и практических работников к понятию «недобросовестности налогоплательщика», оно активно используется при разрешении судебных споров по многим категориям дел и зачастую применяется в качестве самостоятельного критерия наступления негативных правовых последствий. Что представляет серьезную проблему, поскольку в результате активного использования оценочного понятия в регулировании налоговых отношений сложилась система административно-судебного правотворчества и применения на практике норм, отсутствующих в законе.

Отправной точкой применения рассматриваемого термина к налоговым отношениям стали Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [3] и Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О[4]. В тексте которых упоминалось о добросовестном налогоплательщике, из чего налоговые органы «логично» сделали вывод о существовании налогоплательщиков недобросовестных. С этого момента налоговые органы получили возможность привлекать налогоплательщиков к ответственности за действия, формально не нарушающие норм налогового права. «Само по себе недобросовестное поведение стало тракто-

ваться налоговыми органами как самостоятельное налоговое правонарушение – неправомерное вредоносное действие» [5].

Конституционный суд ввел в сферу налоговых отношений новое понятие, однако не определил его содержание и не выделил критерии, позволяющие добросовестные действия налогоплательщиков отграничить от недобросовестных. Заполнить пробел попытался Высший арбитражный суд РФ в Постановлении от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиками налоговой выгоды» (далее – Постановление ВАС РФ № 53). ВАС РФ решил не использовать столь противоречивую категорию как «недобросовестность» и ввел новую – «необоснованной налоговой выгоды». На наш взгляд, в этом решение имеется рациональное зерно. Налоговая выгода признается необоснованной (неосновательной) при отсутствии законных оснований для «уменьшения размера налоговой обязанности вследствие, в частности, уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета» [6]. Если налогоплательщик воспользовался налоговой льготой, не имея на то законных оснований, вследствие чего неправомерно уменьшил налогооблагаемую базу и соответственно сумму налога, тогда у налоговых органов и суда имеются все основания для привлечения его к ответственности по ст.122 НК РФ и начислению пени на сумму неуплаченного налога.

Привлечение же лица к ответственности за его недобросовестное поведение, по-нашему мнению, безосновательно по ряду причин. Во-первых, «недобросовестность» – категория этическая[7] (нравственная), а не правовая. В отличие от права нормы нравственности не имеют чётких предписаний. То, что нравственно и допустимо для одного, совершенно неприемлемо с этих же позиций для другого. Норме права наоборот характерна формальная определенность. Отсутствие этого признака не позволяет правовой норме выполнять правоохранительную роль, поскольку возможно её произвольное толкование. В связи с этим, справедливо высказывание С.В. Савсериса: «Норма права, которая не содержит четкого определения запрещаемого ею явления, недостаточно четко устанавливает границы дозволенного поведения, неисчерпывающим образом определяет наказание за его нарушение и, полагаясь на нравственность, рискует оказаться вне права, – такая норма, возможно, не будет применяться вообще либо потребует очень существенных корректирующих действий правоприменителей» [8].

Во-вторых, категория «недобросовестность» выработана судебной практикой, законодательно не определена. Совершение деяния, не запрещенного законом, не может рассматриваться в качестве основания для привлечения лица к юридической ответственности. Тем более, если речь идет об отношениях, регулируемых публичным правом, которому свойственна определенность правовых конструкций. Судья выносит решение на основании применения к конкретной ситуации норм законодательства. Как известно, россий-

ская правовая система, относясь к романо-германской правовой семье, не относит к источникам права судебный прецедент. В связи с чем, полагаем сомнительным использование критерия, сформулированного правоприменителем, в качестве самостоятельного основания привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

Казалось бы, замена неопределенной этической категории «недобросовестность налогоплательщика» новой более определенной «необоснованность налоговой выгоды», выделение критериев необоснованности налоговой выгоды, должны были внести ясность в регулирование отношений между налоговыми органами и налогоплательщиками, однако наоборот они сделали еще более неопределенными нормы о налогах, которые и так могут получать неоднозначное толкование. Что, безусловно, отразилось на судебной практике и проявилось в её противоречивости и нестабильности, а зачастую судьи одного состава суда не могут прийти к единогласию в принятии решения[9].

Таким образом, использование оценочных категорий «недобросовестность налогоплательщика» и «необоснованность налоговой выгоды» в регулировании налоговых правоотношений негативно сказывается на формировании административно-судебной практики по налоговым спорам и не в пользу слабой стороны-налогоплательщика. Возможно исправить ситуацию в России поможет использование опыта зарубежных стран, в том числе и государств - республик бывшего СССР, которые на законодательном уровне закрепили правовые приемы борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Литература

1. См.: п. 6 ст. 3 НК РФ.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 611.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 1. – 1999.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 2.
5. Белов В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики / В.А. Белов – М.: Волтерс Клювер, 2006 г. // СИС «Гарант», 2011.

6. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. – № 12. – декабрь, 2006.

7. См.: Петражицкий, Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. / Л.И. Петражицкий – М.: Статут, 2002. – С. 365; Бабаев В.Н. Презумпции в советском праве. / В.Н. Бабаев. – Горький, 1974. – С. 87.

8. Савсерис С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве. / С.В. Савсерис. – М.: Статут, 2007. // СИС Консультант Плюс, 2011.

9. См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 19 апреля 2011 г. № 17648/10 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 7 (224). – С. 240-241; Особое мнение судьи ВАС РФ по делу Арбитражного суда Республики Карелия № 26-11225/2009 № 17648/2010 от 19 апреля 2011 г. // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 7 (224). – С. 240-241.

ФИНАНСОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ: ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ

В. А. Кинсбурская

Институт публично-правовых исследований (Москва)

Финансовые правоотношения имеют имущественный, денежный характер, поэтому правонарушения в сфере публичных финансов наносят имущественный ущерб государству. Этот ущерб должен быть возмещен, что рождает необходимость применения к нарушителю финансовой дисциплины правовосстановительных санкций. Функцию возмещения имущественного ущерба, причиненного государству в результате неправомерного обращения с бюджетными средствами, выполняет финансовая ответственность, представляющая собой самостоятельный вид юридической ответственности правовосстановительного типа.

В сфере налогообложения единственной санкцией финансовой ответственности является пеня, применяемая на основании п. 2 ст. 57, п. 3 ст. 58, ст. 75 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) за просрочку уплаты (перечисления) налога, авансового платежа, сбора. Никакие иные имущественные санкции, применяемые за нарушение законодательства о налогах и сборах, не относятся к мерам финансовой ответственности. Штрафы, взимаемые за совершение правонарушений, предусмотренных гл. 16 и 18 НК РФ, отвечают всем признакам административных штрафов, соответственно, налоговая ответственность имеет административную природу. Налоговая и финансовая ответственность совпадают только по сфере приме-

нения, но имеют разные основания возникновения и по целевому назначению относятся к разным типам ответственности.

Финансовая ответственность выполняет регулятивную, превентивную, карательную, воспитательную, восстановительную функции.

Основная функция финансовой ответственности в виде пени – восстановительная, нацеленная на возмещение имущественного ущерба, причиненного государству несвоевременной уплатой (перечислением) налогов, авансовых платежей, сборов. Но применение пени как компенсационной санкции правомерно и обоснованно только при соблюдении ряда условий, касающихся соотношения размера возмещения с размером ущерба. В части, превышающей размер ущерба, пения теряет компенсационный характер и приобретает черты штрафа, что недопустимо. Поэтому при определении размера пени важно соблюдать принцип соразмерности, что предполагает четкое определение в законе оснований начисления пени; правил расчета размера пени; срока, в течение которого пена подлежит начислению; обстоятельств, исключающих начисление и взыскание пени.

Карательная функция пени фактически подчинена восстановительной и превентивной функциям, поскольку проявляется только в психологическом воздействии на правонарушителя и реализуется в основном в целях достижения как можно более быстрого и полного возмещения причиненного государству имущественного ущерба, а также создания стимулов в неуклонному соблюдению налоговой дисциплины. Карательная функция пени состоит в осуждении правонарушителя за его противоправное поведение, заключающееся в нарушении законодательно установленного срока уплаты (перечисления) налогов, авансовых платежей или сборов, и в психологическом дискомфорте, испытываемом правонарушителем ввиду того, что над ним «доплелеет» обязанность возмещения причиненного казне имущественного ущерба.

Момент начала и окончания действия карательной и восстановительной функции совпадают. Финансовая ответственность индивидуализируется в итоговом правоприменительном акте налогового органа, содержащем отрицательную оценку противоправного действия как финансового правонарушения. Одновременно начинают действовать карательная и восстановительная функции, поскольку в указанном акте излагается та конкретная программа действий, которую правонарушитель обязан выполнить для устранения негативных имущественных последствий своего действия. Но на этом этапе реализации финансовой ответственности ее восстановительная функция существует лишь в потенции. Полностью реализованной восстановительной функции может считаться только в момент реального исполнения всех предписаний, содержащихся в акте о привлечении к финансовой ответственности (в момент уплаты или взыскания с правонарушителя уполномоченным органом конкретной суммы для зачисления в бюджет в счет возмещения ущерба, причиненного государству неуплатой налогов). В этот же момент прекращается и карательное воздействие финансовой ответственности.

Превентивная функция пени преследует цель предупреждения совершения новых правонарушений, стабилизации их прироста, а в перспективе – минимизации их числа путем создания стимулов к надлежащему исполнению налогоплательщиками, плательщиками сборов и налоговыми агентами своей обязанности по своевременной и полной уплате (перечислению) налогов, авансовых платежей, сборов. Как правовосстановительная санкция пения имеет большой обще- и частнопревентивный потенциал, поскольку взыскание с правонарушителя компенсации в размере, равном размеру причиненного имущественного ущерба, зачастую намного действеннее применения к тому же субъекту или к его должностному лицу мер карательной ответственности. Штрафы, взимаемые на основании ст. ст. 120 (п. 3), 122, 123 НК РФ, по своим размерам нередко «уступают» пени, взыскиваемой с правонарушителя за просрочку уплаты тех же самых налогов. Административные штрафы и уголовные наказания, применяемые к должностным лицам организации, также не всегда эффективны (так, на место осужденного главного бухгалтера организации может найти нового сотрудника и продолжать практику ухода от налогов). Напротив, взыскание с организации в полном объеме недоимок и пеней может повлечь временное снижение хозяйственных оборотов, простоянку выплат премий сотрудникам и т. д., что в несравненно большей степени способно повлиять на правовую позицию коллектива. Превентивная роль юридической ответственности существенно возрастает, если правонарушителя привлекают не только к карательной (административной или уголовной) ответственности, но и путем применения мер правовосстановительной финансовой ответственности взыскивают с него то, что было им противоправно приобретено.

ДАТА СОСТАВЛЕНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО БАЛАНСА КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КРУПНОЙ СДЕЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

О. С. Филиппова
Омский экономический институт

Крупные сделки, совершенные хозяйственным обществом с нарушением порядка их одобрения, являются оспоримыми. Споры о признании крупных сделок недействительными составляют значительную долю от общего числа корпоративных споров.

Согласно ст. 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ (далее - Закона «Об АО») крупной сделкой считается сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости ак-

тивов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, за исключением сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности общества, сделок, связанных с размещением посредством подписки (реализацией) обыкновенных акций общества, сделок, связанных с размещением эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в обыкновенные акции общества, и сделок, совершение которых обязательно для общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными правовыми актами Российской Федерации и расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти[1].

Похожее определение крупной сделки дано в ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ (далее – Закона «Об ООО»)[2]. Отличие от вышеприведенного определения только в «базе крупности» сделки, вместо «активов общества» указано «имущество общества».

Как следует из указанного выше определения бухгалтерский баланс выступает в качестве «лакмусовой бумаги» при определении размера сделки и отнесении или не отнесении ее к крупной.

Балансовая стоимость активов согласно ст. 78 Закона «Об АО» должна быть определена «по данным бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату», в соответствии со ст. 46 Закона «Об ООО» также – на основании данных бухгалтерской отчетности «за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении крупной сделки». Возникает вопрос о том, что считать «последней отчетной датой» или «последним отчетным периодом» в целях оценки сделки на крупность. Президиум ВАС РФ в Постановлении от 27.02.2007 № 14092/06 разъяснил, что балансовую стоимость отчуждаемого имущества и общую стоимость активов (имущества) общества надо определять по данным бухгалтерской отчетности на последний календарный день месяца, предшествовавшего месяцу заключения сделки [3].

Согласно пункту 29 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства финансов Российской Федерации от 29.07.1998 года № 34н, организация должна составлять бухгалтерскую отчетность за месяц, квартал и год нарастающим итогом с начала отчетного года, если иное не установлено законодательством Российской Федерации. При этом исходя из пункта 37 указанного Положения для составления бухгалтерской отчетности отчетной датой считается последний календарный день отчетного периода[4].

Вместе с тем статья 15 Федерального закона от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» обязывает коммерческие организации сдавать бухгалтерскую отчетность ежеквартально и ежегодно, не указывая на необходимость представления ежемесячной отчетности. Однако согласно пункту 3

статьи 14 указанного закона промежуточную бухгалтерскую отчетность организация составляет ежемесячно [5].

Судебная практика при разрешении рассматриваемого вопроса не отличается однообразием. Некоторые суды указывают, что балансовая стоимость отчуждаемого имущества и общая стоимость активов (имущества) общества определяется по данным бухгалтерской отчетности на последний календарный день месяца, предшествовавшего месяцу заключения сделки [6]. Другие считают, что отчетным периодом, по итогам которого определяется размер активов общества в целях установления размера сделки, является квартал [7]. Встречаются решения, когда отчетным периодом признается год [8].

Бухгалтерский учет обусловлен не только необходимостью отчитываться перед государственными контролирующими органами, но и является источником «полней и достоверной информации о деятельности организации и ее имущественном положении».

Очевидно, что сведения об активах организации месячной, квартальной и тем более годичной давности не могут являться полной и достоверной информацией о деятельности организации и ее имущественном положении для целей крупной сделки. Хотя по мнению С.А. Бурлакова ориентация на месячную отчетность является более предпочтительной, так как именно она наиболее достоверна, в ней оперативнее, чем в квартальной и тем более годовой, отражается состояние активов организации [9]. Безусловно, с этим выводом следует согласиться. Однако, представляется, что месяц все же слишком большой срок для целей оценки сделки на крупность. Например, предположим, что общество планирует заключить сделку в конце июля. Для оценки сделки на крупность будет применяться отчетность за июнь. Вместе с тем в июле могло быть заключено несколько сделок, связанных с отчуждением имущества общества. В связи с этим отчетность по итогам июня не будет отражать реальной ситуации с активами общества для оценки сделки на крупность. Представляется, что, бухгалтерский баланс в целях оценки сделки на крупность должен быть составлен за несколько дней до ее одобрения и совершения. Оптимальным для составления баланса в целях оценки сделки на крупность, по нашему мнению, является пятидневный срок. Установление более короткого срока для составления баланса, например двухдневного, для крупных организаций может стать попросту неразрешимой задачей. Большой же срок не будет способствовать получению полной и достоверной информации о деятельности общества.

Предложенная мера, по нашему мнению, не является чрезмерной, так как крупные сделки – это нетипичные сделки для общества. Текущая же деятельность общества охватывается «обычными» сделками, не требующими одобрения.

Литература

[1]. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»//СПС Гарант

[2]. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»

[3]. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, - 2007. - № 5

[4]. Приказ Минфина РФ от 29 июля 1998 г. № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации»// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 14 сентября 1998. - № 23.

[5]. Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете»// Собрание законодательства Российской Федерации от 25 ноября 1996 г. - № 48. - ст. 5369.

[6]. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 марта 2009 г. № А66-3075/2008, Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 января 2010 г. по делу № А70-4332/2009

[7]. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 15 марта 2005 г. № А65-9430\04-СГ3-12, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 января 2009 г. № КГ-А41/13174-08-П

[8]. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2009 г. № А65-10826/2008

[9]. Бурлаков С.А. Определение стоимости имущества, являющегося предметом крупной сделки//Журнал российского права» - № 5. - 2010. – С. 116

К ВОПРОСУ О СНОСЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

В. А. Бетхер

Омский государственный университет

Пункт 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] содержит общее правило, согласно которому самовольная постройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет.

Между тем, казалось бы, такое ясное и четкое правило на практике не дает ответа на следующий вопрос: в каком порядке допустимо осуществлять снос такой постройки?

В юридической литературе высказано мнение о том, что «решение о сносе самовольной постройки может быть вынесено только судом»[2].

Существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой «самовольная постройка не является объектом гражданских прав, поэтому ее снос непосредственно не затрагивает имущественные права и законные интересы лица, осуществившего строительство». На основании изложенного делается вывод о допустимости сноса в указанном случае самовольной по-

стройки на основании решения уполномоченного административного органа[3].

Еще одна точка зрения состоит в том, что «законный владелец земельного участка, на котором осуществлена самовольная постройка, вправе самостоятельно снести этот объект с последующим отнесением затрат на счет самовольного застройщика. В этом случае действует такой способ защиты гражданских прав, как самозащита (ст. 14 ГК РФ)»[4].

Полагаем, что вопрос о сносе самовольной постройки должен решаться только в судебном порядке, поскольку при осуществлении сноса самовольно возведенных строений затрагиваются интересы субъектов как частного, так и публичного права. При этом орган местного самоуправления, безусловно, вправе принять решение, в котором он может изложить собственную оценку возведенного объекта в качестве самовольной постройки и предложить лицу, виновному в строительстве или изменении архитектурного облика объекта, выдав ему соответствующее предписание, осуществить за свой счет снос самовольно возведенного объекта или привести архитектурный объект и земельный участок в первоначальное состояние.

Однако в случае неисполнения указанного предписания решение о сносе самовольно возведенного объекта, подлежащее принудительному исполнению, может быть вынесено только судом. Это следует из ст. 11 ГК РФ, согласно которой защита гражданских прав в административном порядке допускается только в случаях, предусмотренных законом. Закон не относит к компетенции органов местного самоуправления решение вопросов о сносе строений.

Что касается позиции о возможности сноса самовольной постройки законным владельцем земельного участка в качестве самозащиты гражданских прав, то здесь существует следующая опасность. В силу ст. 14 ГК РФ способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Однако при фактическом уничтожении постройки и последующем установлении факта превышения пределов такой самозащиты, восстановить положение участников данного правоотношения, реально не представляется возможным, то есть в рассматриваемой ситуации использование самозащиты способно привести к злоупотреблению правом.

Также отметим, что в силу ст. 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Согласно абзацу 1 п. 2 ст. 222 ГК РФ лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. В то же время, пункт 3 данной статьи устанавливает, что при наличии определенных условий право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок.

Как при принятии решения о сносе самовольной постройки органом местного самоуправления, так и при осуществлении действий по сносу постройки законным владельцем земельного участка решается, по существу, вопрос о праве собственности застройщика на такой объект, в то время как в силу изложенных норм закона такое право предоставлено только суду.

Приведенный выше подход о необходимости принятия именно судом решения о принудительном сносе самовольной постройки соответствует правовой позиции высшей арбитражной инстанции страны, изложенной в пункте 1 информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» [5].

Бессспорно, позиция, которую занял Высший Арбитражный Суд Российской Федерации по данному вопросу, является для нижестоящих арбитражных судов руководством по разрешению споров, связанных с самовольным строительством, в контексте рассматриваемой проблематики, что, тем не менее, не отменяет необходимости внести в п. 2 ст. 222 ГК РФ соответствующие дополнения в части указания на судебный порядок сноса самовольной постройки для устранения имеющего место пробела.

Литература

1. Далее по тексту – ГК РФ.
2. См. об этом подробнее: Ерошкин В.М. Снос зданий и сооружений: правовые аспекты. Практическое пособие (Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2009).
3. См.: Машкина Т.И., Вахитов Р.С. Правовой режим самовольных построек // Арбитражная практика. 2005. № 8.
4. См., например, Соболева А.В. К проблеме возмещения вреда, причиненного самовольным строительством // Нотариус. 2006. № 5. С. 26. См. также: Батяев А.А. Справочник собственника или институт собственности от начала до конца (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2006); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Том 1. / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт-Издат, 2007. - С. 624.
5. См., например: постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.09.2002 № Ф03-А04/02-1/1811; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25.12.2007 № Ф09-2913/07-С6.
6. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Б. В. Бабин

Одесская национальная морская академия (Украина)

Программное регулирование сегодня стало феноменом международного права. Без анализа национальной имплементации международных программ невозможно осознать специфику разработки международных программ, их правовую природу, особенности программного регулятивного воздействия, что определяет актуальность нашей работы. Ее целью является анализ имплементации международных программ в национальное законодательство. Украинские теоретики международного права (Г.Е. Бувайник, А.С. Гавердовский, Н.М. Ульянова) рассматривали отдельные аспекты международного программного регулирования, но современных научных работ в этой сфере нет.

Интересной формой национальной программной имплементации международных программ стала имплементация актов, заключенных между Украиной и НАТО. Среди таких актов основным стал План действий Украина – НАТО, принятый в Праге 22 ноября 2002 г. План содержал совместно согласованные принципы и цели; в преамбуле к Плану отмечалось, что в целях обеспечения достижения этих целей и принципов должны разрабатываться ежегодные Целевые планы (далее – ЦП), включающие «конкретные внутренние мероприятия Украины и соответствующие общие мероприятия Украина – НАТО». Такие ЦП принимались Украиной ежегодно с 2003 по 2009 гг. [3].

Количество мероприятий, предусмотренных ЦП, было достаточно значительным. Так, ЦП Украина – НАТО на 2003 год предусматривалось осуществление 221 внутреннего и 43 совместных мероприятий. В ЦП определялись каких содержание, так и ответственные за исполнение субъекты, а также сроки. ЦП Украина – НАТО на 2007 год содержал 278 мероприятий, ЦП Украина – НАТО на 2008 год предусматривал 412 мероприятий, а ЦП Украина – НАТО на 2009 год – 372 мероприятия. Анализ мероприятий ЦП 2006 – 2009 гг. показывает, что они насыщены упоминаниями о национальных и международных программах (а также о программных планах, проектах, концепциях и стратегических документах).

Мероприятия ЦП Украина – НАТО на 2008 год содержали предписания по реализации более 25 национальных и 30 международных программных актов, а ЦП Украина – НАТО на 2009 год в своих мероприятиях предусматривал реализацию 18 национальных и 23 международных программных актов. В мероприятиях целевых планов 2007 – 2009 гг. говорилось и о введении в Украине программирования бюджетного процесса.

Не только программные акты, принятые между Украиной и НАТО, получили специфические, программные, механизмы имплементации. Подобные имплементационные механизмы также имеют отдельные программные акты

СНГ, программные акты, заключенные между Украиной и ЕС, иные программные акты глобального и регионального характера.

Так, распоряжением Кабинета Министров Украины от 9 марта 2011 № 181-р был одобрен Национальный план мероприятий по реализации первого этапа Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года. В Национальном плане были установлены конкретные мероприятия, ответственные за их выполнение и срок исполнения, и при этом содержался подраздел «Структурная политика и взаимодействие в сфере межгосударственных программ», предусматривавший 5 мероприятий.

Интересным примером следует считать Национальный план по выполнению Плана действий по либерализации ЕС визового режима для Украины, одобренный Указом Президента Украины от 22 апреля 2011 № 494/2011. Национальным планом от 22 апреля 2011 г. предусматривалась реализация 48 мероприятий, распределенных на 4 раздела и 10 подразделов. В частности, Национальным планом предусматривалось разработка и одобрение ряда национальных программных актов – 4 государственных программ, 3 планов мероприятий, 2 стратегических документов и 2 концепций, его мероприятия предусматривали выполнение государственной программы, 4 планов мероприятий и 3 концепций; в 8 мероприятиях плана предусматривалось привлечение международной технической помощи и выполнение международных программных актов.

Итак, имплементация международных программ в национальной правовой системе является своеобразным процессом, не имеющим законодательной регламентации. При этом такая имплементация может носить как общий, так и специализированный характер, а последний предполагает принятие специальных имплементационных актов и разработку соответствующих механизмов. Практика свидетельствует о программном характере специализированной национальной имплементации международных программ. Этому способствует иерархичность программ и возможность их взаимной увязки по исполнителям, организационным, кадровым и ресурсным обеспечением.

Национальные программные имплементационные акты носят краткосрочный характер, одобряются на высшем государственном уровне и содержат как общие нормативные предписания, так и нормы, предусматривающие разработку или реализацию других национальных и международных программ. Процессы участия государств в разработке международных программ, имплементации в государствах принятых международных программ и процессы национального программного регулирования взаимосвязаны и образуют общую программную регулятивную сеть. Ее анализ должен стать предметом дополнительных научных исследований.

Литература

1. Про Національний план з виконання Плану дій щодо лібералізації ЄС візового режиму для України : Указ Президента України від 22 квітня 2011 р. № 494/2011 // Офіційний вісник України. – 2011. – № 32. – Ст. 1342.

2. Про схвалення Національного плану заходів з реалізації першого етапу (2009-2011 роки) Стратегії економічного розвитку СНД на період до 2020 року : розпорядження Кабінету Міністрів України від 9 березня 2011 р. № 181-р // Урядовий кур'єр. – 2011. – 18 травня. – № 88. – С. 5-6.

3. Україна і НАТО : органи державної влади, судової та правоохоронної системи як провідні учасники процесу європейської та євроатлантичної інтеграції [монографія] / В.М. Бесчастний, І.Я. Тодоров, Б.В. Бабін та ін. – К. : Четверта хвиля, 2008. – 168 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

М. А. Ярошенко

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
(Украина, Киев)

Постепенный упадок СССР и активная борьба республик, как составных частей великой страны привело к образованию новых государств на постсоветском пространстве. После Российской Федерации важнейшие позиции занимала Украина, которая имела значительный экономический, человеческий ресурс, имела стратегически важное расположение. Провозглашение Акта независимости Украины, 20 лет назад и референдум 1 декабря 1991 года открыли новый путь в формировании правовой политики, создании нового законодательства, решении вопросов, которые унаследовало наше государство от Советского Союза.

После 1991 года произошло изменение форм государственного устройства и политического режима, разрушились тоталитарные и авторитарные модели регулирования политических и социально-экономических отношений. Общественная трансформация привела к необходимости принятия новых законов, нормативно-правовых актов, регулирующих развитие государства. К сожалению новые отношения, сложившиеся в государстве, усиление экономических трудностей на которые надо было быстро реагировать не дали возможности создать эффективное законодательство. Нарастали различные теневые схемы обогащения, которые использовали пробелы в законодательстве.

На этапе формирования правовой системы существовало множество трудностей, когда нужно было ограничить влияние криминализированных структур, которые для решения своих корыстных интересов оказывали давление на власть и общество. Верховная Рада Украины принимает законы антикоррупционной направленности. Президент Украины Леонид Кучма (1994-2005 гг.), Кабинет Министров Украины принимают нормативно - правовые акты для противодействия такому позорному явлению, как коррупция. В системе правоохранительных органов, таких как Служба безопасности Украи-

ны, Министерство внутренних дел Украины, позже Государственная налоговая администрация Украины, других центральных органах исполнительной власти создаются подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Коррупция-это сложное понятие, которое охватывает политические, правовые и экономические вопросы, охватывающая совокупность взаимосвязанных правонарушений. Под коррупцией понимается использование лицом предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятие обещания предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещанное предложение или предоставление неправомерной выгоды такому лицу или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей.

Коррупция присуща всем государствам без исключения. Появление новых форм собственности, кризисные явления во всех сферах жизни страны привели к значительному уровню коррупции в Украине. На данном этапе государство нуждается в реформах и модернизации. Чтобы все это эффективно осуществить необходимо создать механизмы противодействия коррупции. 7 апреля 2011 г. Президент Украины Виктор Янукович в своем первом, ежегодном послании к Верховной Раде Украины сказал: «Наша задача: вытащить Украину из исторической ямы переходного периода, в которую она попала через постоянные кризисы, через борьбу за власть и собственность, гарантировать реализацию неписанных, но жизненно важных, неотъемлемых прав каждого гражданина на свободное развитие, на успех, на честную жизнь и на обычное человеческое счастье - жить в справедливом, свободном и открытом обществе, обеспечить на практике справедливость и верховенство права. Преступление должно быть осуждено и наказано морально, административно и уголовно. Убежден, что уже в этом году мы изменим отношение граждан к праву и вернем людям веру в справедливость закона и необратимость наказания».

Требую от правоохранительного сектора и от нашего судебского корпуса неукоснительного соблюдения закона, честности в расследовании дел и при вынесении судебного приговора. Именно так мы сможем поставить точку и в тех делах, которые длительное время волнуют общество. Расследование злоупотреблений высокопоставленных правительственный кабинетов будут доведены до логического завершения».

"На смену Закону Украины "О борьбе с коррупцией" 1995 г. и Закону Украины" О принципах предотвращения и противодействия коррупции " 2009 г. подготовлены новые законы, учитывающие изменения в общественно-политической жизни государства.

Так, 17 декабря 2010 года согласно ст. 93 Конституции Украины субъект законодательной инициативы Президент Украины Виктор Янукович подал в Верховную Раду Украины проект Закона Украины «О принципах предотвра-

щения и противодействия коррупции в Украине». Ответственный комитет законодательного органа: Комитет по вопросам борьбы с организованной преступностью и коррупцией (председатель И. Калетник).

Хронология прохождения законопроекта по стадиям:

- 23 Декабря 2010 г. принят Верховной Радой Украины за основу;
- 18 Февраля 2011 г. подготовлен ко 2-му чтению;
- 2 Марта 2011 г. подготовлен ко 2-му чтению (с изменениями);
- 15 Марта 2011 г. принят во втором чтении;
- 5 Апреля 2011 г. подготовлен к повторному 2-му чтению;
- 7 Апреля 2011 г. принят Верховной Радой Украины;
- июнь 2011 г. подписан Президентом Украины Виктором Януковичем.

Согласно разделу VIII «Заключительные и переходные положения» Закон Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции в Украине», вступает в силу со дня его опубликования. Статья 94 Конституции Украины регламентирует указанную процедуру: «Закон подписывает Председатель Верховной Рады Украины и безотлагательно направляет его Президенту Украины.

Президент Украины в течение пятнадцати дней после получения закона подписывает его, принимая к исполнению, и официально обнародует его.

В случае если Президент Украины в течение установленного срока не возвратил закон для повторного рассмотрения, закон считается одобренным Президентом Украины и должен быть подписан и официально обнародован.

Неслучайно что день принятия президентского законопроекта совпадает с присутствием в Верховной Раде Украины Виктора Януковича.

По новому Закону Украины, органам государственной власти запрещается получать бесплатно имущество и услуги, а чиновникам - подарки от подчиненных, если их стоимость превышает 50 процентов оклада. Законодательный орган также сделал обязательным специальную проверку для кандидатов, претендующих на государственную службу, в частности, относительно достоверности сведений их деклараций, состояния здоровья, и образования. В случае, если выяснится, что кандидат подал ложную информацию, то ему будет отказано в назначении.

Литература

- 1.Журавський В.С., Михальченко Н. И., Михальченко А.Н. Коррупция в Украине - не политика / НАН Украины; Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса. - М.: Феникс, 2007. - 408с 2.
- Мельник М. Коррупционные преступления: сущность и понятие // Право Украины.-2000 . - № 11.-с.127-131.
3. Мельник М. Коррупция: проблема определения сущности и понятия // Вестник Академии правовых наук Украины. - Харьков, 1998 . - С.37.
4. Мельник М.И., Хавронюк М.В. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность / Учебное пособие.-2002 . - 576 с.

5. Мельник М. Факторы коррупции в Украине // Право Украины.-2002 .- № 5.
6. Невмержицкий Е.В. Коррупция в Украине: причины, последствия, механизмы противодействия: Монография. - К.: КНТ, 2008 .- 368 с.
7. Невмержицкий Е.В., Шульженко Ф.П. Общество переходного типа: социальная защита и факторы угроз // Вестник Академии труда и социальных отношений. - 2002. - № 5. - С.37 - 44.
8. Невмержицкий Евгений Васильевич. Коррупция как социально - политическое явление: особенности проявлений и механизмы преодоления в современной Украине: Автoreферат диссертации кандидата политических наук: 23.00.02 / НАН Украины; Институт государства и права им. В. М. Корецкого - К., 1999. - 19 с.
9. Невмержицкий Евгений Васильевич. Коррупция как социально - политическое явление: особенности проявлений и механизмы преодоления в современной Украине: Дис ... канд. полит. наук: 23.00.02 / НАН Украины; Институт государства и права им. В. М. Корецкого - К., 1999. - 178с.

ПРОГРАММНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УКРАИНЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Б. Дубовик

Мариупольский государственный университет (Украина, Мариуполь)

Исследуем аспекты программного регулирования отношений в сфере муниципальной правоохранительной деятельности в Украине. Вопросы правового программного обеспечения правоохранительной деятельности на локальном уровне исследовались в работах Бабина Б.В., Баймуратова М.О., Кроленко В.А., Удовенко К.В. и Третьяка Е.В., но аспекты привлечения в эти процессы муниципальных структур остались при этом почти без внимания.

По мнению современных авторов в Украине компетенция правоохранительного программирования на региональном и локальном уровне распределена между местными государственными администрациями и органами местного самоуправления [1, с. 103]. Программные полномочия органов местного самоуправления в целом детально исследованы в работах Удовенко К.В. [4]. Такие положения содержатся прежде всего в Законе Украины «О местном самоуправлении в Украине» [2]. Эти полномочия органов самоуправления являются общими, фактически они могут применять программное регулирование в любой сфере муниципальной жизни, в частности, и в правоохранительной.

Примерами муниципальной правоохранительной программы можно считать Городскую программу предотвращения детской беспризорности на 2006-2007 гг., утвержденную решением Харьковского городского совета от 9 января 2006 г. № 7/06; Комплексную программу противодействия преступно-

сти и коррупции в г. Харькове на 2006-2010 годы, утвержденную решением городского совета от 9 января 2006 г. № 12/06.

Среди 39 Киевских целевых программ, утвержденных решениями городского совета по состоянию на 1 марта 2008 г. только одна была правоохранительной по содержанию, а именно – Программа укрепления законности, усиления борьбы с преступностью в г. Киеве на 2007-2011 годы (решение от 19 декабря 2006 г. № 280/339). Правоохранительные компоненты имели еще три из 39 программ, а именно – Программа защиты прав потребителей в г. Киеве на 2007-2010 годы (решение совета от 15 марта 2007 г. № 251/912), Программа правового образования населения города Киева на 2007-2010 годы (решением совета от 29 марта 2007 г. № 376/1037), Программа совершенствования организации дорожного движения и его безопасности на период 2007-2009 годов в г. Киеве (решение совета от 26 апреля 2007 г. № 455/1116) [1, с. 99].

Городская комплексная программа профилактики преступности, укрепления правопорядка, охраны прав и свобод граждан на 2006-2008 годы была утверждена решением Одесского городского совета от 29 сентября 2006 г. № 324-V, «принимая во внимание предложения исполнительного комитета Одесского городского совета, Одесского городского управления Управления МВД Украины в Одесской области, рекомендации постоянной комиссии городского совета по законности и правопорядку».

Третьяк Е.В. констатирует, что отдельные локальные правоохранительные программы «сводятся к форме финансирования деятельности правоохранительных органов за счет источников местных бюджетов». Это утверждение Третьяк Е.В. делает, исходя из анализа решения Днепропетровского городского совета от 7 февраля 2007 г. № 11/10, которым предусматривалось финансирование мероприятий Программы деятельности и финансирования отдела по предотвращению загрязнения окружающей среды транспортными средствами при Днепропетровском городском управлении Управления МВД Украины в Днепропетровской области на 2007-2009 гг. [3, с. 76-78].

Также можно рассмотреть Единую комплексную правоохранительную программу города Тульчина на 2011-2014 годы, одобренную решением городского совета от 13 декабря 2010 г. Эта Программа была принята во исполнение Единой комплексной правоохранительной программы Тульчинского района на 2010-2014 годы, утвержденной решением районного совета от 12 мая 2010 г.

Рассмотрим также Программу обеспечения безопасности граждан и противодействия преступности на территории Белокуракинского поселкового совета на 2011-2015 годы, одобренную решением совета от 9 ноября 2011 № 76. Цели этой программы, реализовывающейся в указанном поселке Луганской области, были обозначены в обеспечении надежной правовой защищенности населения поселка, качественном повышении уровня борьбы с преступностью и другими правонарушениями на основе коренной перестройки и интенсификации правоохранительной деятельности.

Таким образом, можно признать, что разработка и реализация муниципальных программных актов с целью обеспечения правоохранительной деятельности является в Украине широко распространенной практикой. Такая практика обусловлена рядом факторов: ограниченностью правоохранительных полномочий органов местного самоуправления, объективной потребностью в координации правоохранительных мероприятий на локальном уровне, стремлением самоуправляющихся структур использовать муниципальное финансирование в правоохранительной сфере и т.п.

Вместе с тем отсутствие специализированных процедур реализации соответствующих программных актов, а также аспекты взаимодействия программных и других правоохранительных механизмов в территориальных общинах (громадах) обуславливают потребность новых исследований в этой сфере.

Література

1. Феномен правоохранних програм у правовій системі України [колективна монографія] / Б. В. Бабін, В. О. Кроленко, Е. В. Трет'як. – Донецьк : Каштан, 2010. – 137 с.
2. Про місцеве самоврядування в Україні : Закон України від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР, в редакції станом на 1 жовтня 2011 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу до сайту : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi>
3. Трет'як Е. В. Правоохранні програми, як форма державного управління (адміністративно-правове дослідження) : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. юрид. наук : спеціальність 12.00.07. – Дніпропетровськ, 2009. – 23 с.
4. Удовенко К. В. Правове забезпечення муніципальної програмної діяльності в Україні : дисертація на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук за спеціальністю 12.00.02. – Х., 2010. – 236 с.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО КОМПЛЕКСА

Ю. В. Седнев

Мариупольский государственный университет (Украина)

Определение роли и задач муниципального программирования в обеспечении развития морехозяйственного комплекса в Украине следует считать интересным предметом правовых исследований. Ранее вопросы правового программирования в сфере морского хозяйства исследовались в работах Бабина Б.В., Валевской О.В., Савич А.С. и Шемякина О.Н., но вовлечение в эти процессы муниципальных структур оставалось при этом без внимания. Современные авторы констатируют, что самоуправляемая единица на уровне

территориальной общине (громады) или их совокупности становится полноценной управленческой системой. Муниципальное программирование, как процесс разработки, принятия и реализации муниципальных программ становится неотъемлемой составляющей системы муниципального управления и является элементом современного муниципального менеджмента [2, с. 168].

Отдельные стратегические программные акты, разработанные органами территориальных громад Украины, содержат нормы по обеспечению развития морского комплекса на муниципальном уровне. Вместе с тем часть таких стратегических документов приморских территориальных обществ содержат только констатацию наличия и мощностей объектов морехозяйственного комплекса, находящихся на их территории.

Программы развития, принимаемые в приморских территориальных громадах, также достаточно вариативно регламентируют аспекты развития морехозяйственного комплекса. Некоторые из таких программ вообще обходят эти вопросы и при наличии градообразующих предприятий морского транспорта. Впрочем, большинство соответствующих программ развития содержат описание субъектов и форм морехозяйственной деятельности, действующих на территории территориальной общине, независимо от подчинения и собственности этих учреждений и предприятий, от возможностей городских властей влиять на эти процессы.

В Программе социально-экономического и культурного развития г. Ильичевска на 2011 год, одобренной решением городского совета от 25 февраля 2011 № 32-VI соответствующие аспекты урегулированы в части 5 «Транспортная отрасль». Проект развития г. Николаева на 2011-2014 годы, утвержденная решением городского совета от 30 декабря 2011 № 2/8 предусматривает соответствующие мероприятия в разделах 5.2 «Инвестиционная деятельность» и 6.3 «Промышленность». Большинство указанных мер приведенных программ требуют разрешения на общегосударственном уровне, поэтому их фиксация в программе достаточно декларативна.

Более совершенным примером урегулирования отношений в сфере развития морехозяйственного комплекса следует считать Программу экономического и социального развития г. Севастополя на 2011 год, одобренную решением Севастопольского городского совета от 31 января 2011 № 286. Хотя ни в основной цели Программы, ни в шести ее приоритетных задачах, ни в 12 основных целях и задачах на 2011 год нет упоминаний о морском хозяйстве, сама Программа насыщена соответствующими предписаниями.

В программе 2011 г. указывается о Детальном плане территории Балаклавской бухты как о катализаторе развития туризма и курортно-рекреационной сферы города и его превращения в универсальный круглого-дничный курорт национального значения на основе принципов «зеленого» девелопмента, инновационных инженерных решений. Также в этой программе упоминается План перспективного развития, направленный на экологическое оздоровление Балаклавской бухты, создание 4000 новых рабочих мест, увеличение доходов и населения Балаклавы; содержатся мероприятия по

преобразованию Балаклавы в центр яхтенного туризма и скоростных катеров [1, с. 51-54].

Детально регламентирует развитие морского комплекса Программа социально-экономического развития г. Феодосии на 2011 год, утвержденная решением городского совета от 28 декабря 2010 г. № 108. Подробное описание ситуации в морехозяйственном комплексе содержит разделы II и III программы. Так, эти вопросы отражены в подразделениях 2.1 (3.1) «Промышленность» (часть «Судостроение и судоремонт») и 2.2 (3.2) «Наука» и 2.3 (3.3) «Транспорт». Указанные нормы содержат оценку хозяйственной активности конкретных производств [7]. Вместе с тем характерно, что никаких рычагов административно-управленческого или хозяйственного характера органы местного самоуправления относительно всех указанных в программе предприятий не имеют.

Ситуация, при которой муниципальные структуры ограничены во влиянии на предприятия и учреждения морского комплекса, не только обуславливает декларативность и описательность большинства соответствующих предписаний программ развития, но и существенно ограничивает формы разработки и принятия муниципальных целевых программ соответствующего направления. Определенным исключением в этой сфере следует считать Программу обеспечения безопасности на водных объектах в прибрежной полосе морской акватории и в горных массивах города Севастополя на 2012 – 2016 годы, утвержденную решением городского совета от 22 ноября 2005 г. № 4074.

Итак, анализ выполнения указанных предписаний муниципальных программ (целевых, программ развития и бюджетных) позволяет согласиться с Удовенко К.В, в том, что основные проблемы в сфере разработки, принятия и реализации таких «программ носят правовой, политико-управленческий и финансово-бюджетный характер» [2, с. 170]. Вместе с тем вопросы развития морехозяйственного комплекса активно освещаются в стратегических программных документах территориальных общин и в программах социально-экономического развития. Целевые и бюджетные муниципальные программы отражают соответствующие процессы в недостаточном объеме.

Литература

1. Правовое программное регулирование развития морского хозяйства / Б. В. Бабин, О. С. Савич, Г. Ф. Пивторак и др. – Саарбрюкен : LAP LAMBERT, 2011. – 58 с.
2. Удовенко К. В. Правове забезпечення муніципальної програмної діяльності в Україні : дис. на здобуття наук. ступеня к.ю.н. за спеціальністю 12.00.02. – Х., 2010. – 236 с.

КОНСТИТУЦИЯ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Я. М. Барков

Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Украина)

Конституция Украины, как и конституция любой страны мира, есть одна из гарантий стабильности развития государства, а также важным механизмом защиты прав человека. С целью качественного регулирования правоотношений текст конституции должен быть сформулирован четко, лаконично и понятно для граждан. Условием эффективного действия конституции любой страны есть ее реализация. Попробуем проанализировать Конституцию Украины на предмет ее соблюдения органами государственной власти.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О Конституционном Суде Украины» от 16 октября 1996 г., который регулирует вопрос организации и деятельности данного суда, Конституционный Суд Украины (далее - Суд) есть единственный орган конституционной юрисдикции в Украине. В ст. 153 Конституции Украины закреплено, что организация и деятельность Суда, процедура рассмотрения им дел регулируется законом. В своей процессуальной деятельности Суд руководствуется Регламентом Конституционного Суда Украины от 5 марта 1997 г., который Суд утвердил своим собственным решением. Таким образом, Конституционный Суд Украины нарушил положение ст. 153 Конституции Украины, где процедура рассмотрения дел регулируется исключительно законом.

Ярким примером нарушения Судом Конституции Украины и присяги судьями Конституционного Суда Украины является решение Суда по делу о полномочиях государственных органов в сфере судоустройства от 21 июня 2011 г. В этом деле Суд интерпретирует положения ч. 23 ст. 106 Конституции Украины о том, что Президент Украины создает суды в соответствии с законом. В обозначенном выше решении Конституционный Суд Украины считает, что Президент Украины в соответствии с этим положением Конституции Украины имеет право ликвидировать суды. Суд объясняет свое решение тем, что каждый суд это юридическое лицо, которое создается Президентом Украины, соответственно может быть и ликвидировано. В связи с этим интересной представляется позиция судьи Конституционного Суда Украины В.Шишкина, который в своей отдельной позиции не согласен с решением Суда, и считает, что по ст. 106 Конституции Украины только Конституция Украины устанавливает полномочия Президента Украины. В аб. 13 п. 2 мотивирующей части Решения Конституционного Суда Украины от 10 апреля 2003 г. N 7-рп/2003 обозначено, что полномочия Президента Украины исключительно определены Конституцией Украины, поэтому невозможно принятие законов, которые устанавливают другие его полномочия – обозначает судья В. Шишкин. Также судья напоминает об аб. 2 п. 4 пп. 4.2 мотивирующей части Решении Конституционного Суда Украины от 7 апреля 2004 г. N

9-рп/2004, где установлено, что полномочия Верховной Рады Украины, как и полномочия Президента Украины, определяются Конституцией Украины.

В связи с этим следует заметить, что по запросу в высшие учебные заведения народного депутата Украины Г. Москаля оказалось, что большинство судьей Суда не изучали конституционное право в университете. Таким образом, Конституционный Суд Украины принял Решение, которое противоречит предыдущим Решениям Суда, путая гражданское право с конституционным.

В конституцию любой страны должны вноситься изменения или поправки для совершенствования этого документа, а также нужно учитывать тенденции в развитии прав человека и процессы глобализации. В Конституции Украины существует много терминологических неточностей, например в ст. 13 Конституции Украины установлено, что «атмосферный воздух» является правом собственности украинского народа. Лучше заменить это словосочетание на «воздушное пространство» вместо «атмосферного воздуха», иначе будет необходимо торговать воздушным пространством. Следует учесть и новые тенденции в развитии конституционного права, особенно в сфере прав человека. В связи с тем, что практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) становится частью национального законодательства Украины, а его решения обязательными для выполнения украинским государством, следует внести изменения в Конституцию Украины в соответствии с практикой ЕСПЧ.

Украина уже более десяти лет на государственном уровне декларирует намерение стать членом Европейского Союза (далее - ЕС). В связи с этим есть необходимость внесения изменений в Конституцию Украины, чтобы привести ее в соответствие с принципами создания Европейского Союза. Например, в ч. 1 ст. 124 Конституции Украины установлено: «Правосудие в Украине осуществляется исключительно судами. Делегирование функций судов, а также присвоение этих функций другими органами или должностными лицами не допускается». В связи из тем, что в Европейском Союзе существует Суд Европейского Союза, который принимает решение независимо от национальных судов, необходимы изменения в Конституцию Украины. Следует заметить, что в отличие от Европейского Суда по правам человека, в Суд Европейского Союза напрямую, не обращаясь в национальные судовые инстанции, может обратиться любой гражданин страны-члена ЕС.

В соответствии с вышеуказанными обстоятельствами и аргументами в Конституцию Украины необходимы существенные изменения, для которых в первую очередь должна быть политическая воля в государстве, особенно в законодательном органе - парламенте. Чтобы повлиять на работу по улучшению Конституции Украины и законодательства страны следует сформировать развитое гражданское общество, активизировать правовое просвещение граждан, проводить разъяснительную работу с гражданами, которые влияют на будущее страны своим выбором и активной гражданской позицией.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ЗАМЕЩАЮЩИХ ДОЛЖНОСТИ В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ АО

Э. Ф. Галлямов

Башкирский государственный университет (Уфа)

Согласно п. 3 ст. 53 ГК РФ лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Пункт 1 ст. 71 Федеральный закона «Об акционерных обществах» предъявляет требования к членам совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличному исполнительному органу общества (директору, генеральному директору), временному единоличному исполнительному органу, членам коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), а равно управляющей организации или управляющему, которые при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно.

Попытка раскрыть сущность категории добросовестности применительно к управляющим акционерным обществам предпринята в Кодексе корпоративного поведения. Говоря о членах совета директоров (гл. 3), а также генеральном директоре (управляющей организации, управляющем) и членах правления (гл. 4), Кодекс поясняет, что обязанность указанных лиц действовать добросовестно и разумно в интересах общества означает, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, предусмотренных законодательством, уставом и иными внутренними документами общества, они должны проявлять заботливость и осмотрительность, которых следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах.

В Кодексе отмечается, что управляющий считается действующим разумно и добросовестно, если он лично не заинтересован в принятии конкретного решения и внимательно изучил всю информацию, необходимую для принятия решения; при этом иные сопутствующие обстоятельства должны свидетельствовать о том, что он действовал исключительно в интересах общества.

Как видно, указанные формулировки Кодекса не отличаются конкретностью, недостаточно подробны для руководства на практике.

В научной литературе предпринимались попытки дать толкование понятию «добросовестность» применительно к корпоративным отношениям. Так, Г.Ф. Шершеневич писал: «Как уполномоченные, члены правления подлежат ответственности за все совершенное ими вопреки закону, уставу и постановлениям общего собрания» [1].

По мнению В.П. Мозолина и А.П. Юденкова, действуя добросовестно лицо обязано не только не нарушать обязанности, возложенные на него законом или уставом, но вести внешние и внутренние дела способом, оптимальным для достижения целей общества, а также обеспечивать контроль за выполне-

нием решений, принятых органами управления общества. Отмечается также, что добросовестность предполагает соблюдение правовых предписаний, честность и заинтересованность в положительном развитии организации [2].

О.В. Осиенко к модельным ситуациям, свидетельствующим об отсутствии добросовестности и разумности, относит: пассивность, небрежность и неквалифицированность члена совета директоров, проголосовавшего за убыточное для компании решение; блокирование незаинтересованным или независимым директором решения совета директоров по одобрению крупной сделки или сделки с заинтересованностью, направленной к выгоде компании, из-за чего сделка срывается и у компании возникают убытки в виде упущеной выгоды. Это же, по мнению автора, относится к единоличному исполнительному органу, членам коллегиального исполнительного органа компании [3].

Анализ же судебной практики позволяет установить, что вопросы добросовестности руководителей встают в суде при рассмотрении следующих категорий споров: при оспаривании совершенных ими сделок, при предъявлении исков о возмещении убытков, причиненных обществу действиями руководителя; при обжаловании решений органов управления обществом. При этом, можно заключить, что одним из критерии добросовестности руководителя является соответствие принимаемых им решений требованиям закона. Нарушение этого требования свидетельствует о противоправности поведения лиц, осуществляющих управление делами общества[4].

Таким образом, добросовестность управляющего предполагает не только соблюдение правовых предписаний, но и принятие объективных решений, что подразумевает, в частности, сбор и надлежащее изучение всей необходимой информации; учет хозяйственных целей и коммерческого интереса организации. Полагаем, что критерием для квалификации действий руководителя в качестве недобросовестных является разглашение сведений, отнесенных к конфиденциальной информации; совершение действий в интересах третьих лиц в ущерб интересам общества и т. п.

Обратим внимание и на то, что требование добросовестности в корпоративных отношениях также включает оценку поведения управляющего и субъективной стороны. Честность, заинтересованность в положительном развитии организации; отношение к интересам соответствующего юридического лица как к своим собственным интересам свидетельствуют о добросовестности действий управляющего и правомерности его поведения.

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – М., 2003. Т. 1: Введение. Торговые деятели. – С. 425.
2. Комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью" / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2007. – С. 225–226.

3. Осиценко О.В. Конфликты в деятельности органов управления акционерных компаний. – М.: Статут, 2007. – С. 105.

4. Постановление ФАС Уральского округа от 06.03.2007 г. по делу № А50-12460/06 [Электронный ресурс]. ФАС Уральского округа от 19.09.2006 г. по делу № Ф09-8275/06-С4 [Электронный ресурс]. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 23.05.2005 г. по делу № А19-31444/04-54-Ф02-2278/05-С2 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

o_nina81@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КАДАСТРОВАЯ СТОИМОСТЬ» ЗЕМЛИ

Л. В. Граф

Арбитражный суд Омской области (Омск)

Преобразования, имевшие место в России в начале 90-х годов, носили ярко выраженный политический характер, ознаменовавший переход от социалистического к демократическому государству, при этом реформирование было направлено также на изменение экономических отношений, существовавших на тот момент в обществе. Претерпела существенным образом изменения и сфера земельных отношений, доказательством чего может являться возникновение новых институтов, неизвестных ранее правовой действительности. Одним из таких институтов в земельном законодательстве России можно считать кадастровую оценку земель.

Кадастровая стоимость земельного участка, получаемая по результатам проведения процедуры государственной кадастровой оценки земель, является основой для исчисления земельного налога, определяет размер арендных платежей в отношении земельных участков, предоставляемых из состава земель государственной собственности, применяется при установлении выкупной цены земельного участка, может приниматься в качестве основы расчета платы за пользование сервитутом и пр.

Однако, оперируя таким понятием как кадастровая стоимость земельного участка, закрепляя ее в качестве основания расчета тех или иных платежей, федеральный законодатель не дает его легального определения как такового.

Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 02.01.2000 № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре», а затем и Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», Постановление Правительства РФ 1, устанавливающее порядок проведения государственной кадастровой оценки земли, и целый ряд иных подзаконных актов в совокупности своей позволяют составить представление о том, что представляет собой земельный участок, кадастр недвижимости и состав сведений, подлежащих отражению в нем, о механизме ка-

дастровой оценки земель, однако, легальной дефиниции кадастровой стоимости не содержали и не содержат до настоящего времени.

Такого рода положение дел представляется не совсем понятным и даже недопустимым. Представляется очевидным, что кадастровая стоимость не является понятием, которое наполнено общеупотребимым смыслом, не требующим дополнительных пояснений. Вместе с тем, наличие дефиниции у того или итого термина исключает его неточное, двусмысленное или искаженное понимание.

Следует отметить, что нормативное регулирование процедуры кадастровой оценки земли с момента ее введения в российскую правовую действительность претерпело изменения. До 25.09.2010 кадастровая оценка проводилась в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в настоящее время работы по кадастровой оценке осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», который Федеральным законом от 22.07.2010 № 167-ФЗ был дополнен специальной главой III.1 «Государственная кадастровая оценка».

Изменение законодателем правового регулирования процедуры кадастровой оценки земель не повлекло за собой возникновение в правовом поле дефиниции понятия «кадастровая стоимость». Предложенная законодателем об оценочной деятельности РФ формулировка, предлагающая определять кадастровую стоимость земли как стоимость, установленную в результате проведения государственной кадастровой оценки либо рассмотрения споров о результатах определения кадастровой стоимости в суде или комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, не может быть признана дефиницией, под которой надлежит понимать логическую процедуру признания строго фиксированного смысла терминам языка², а является лишь перечислением возможных способов получения дефидента (термин, над которым проводится операция дефиниции).

Не дает нам легального определения кадастровой стоимости и стандарт оценки ФСО № 2 «Цель оценки и виды стоимости»³, который должен определять все виды стоимости, на получение которых направлена оценка, указанный стандарт лишь предусматривает, что при проведении кадастровой оценки определяется массовыми методами рыночная стоимость объекта оценки.

Судебная практика последних лет свидетельствует о том, что в инстанциях того или иного уровня все чаще и чаще рассматриваются вопросы обоснованности расчета платежа, основой для которого служила кадастровая стоимость земли, при этом зачастую стороны такого разбирательства не имеют никакого представления о том, что надлежит понимать под кадастровой стоимостью, ссылаясь лишь на чрезмерность предлагаемого им к уплате платежа. В связи с чем, закрепление легальной дефиниции «кадастровая стоимость земли», с одной стороны, способствовало бы укреплению правопорядка в

обществе, с другой, – придавало бы процедуре государственной кадастровой оценке земель логическую завершенность.

Литература

[1.] см. Постановление Правительства РФ от 08.04.2000 № 316 «Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель».

[2.] Бочаров В. А. Определение //Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000.

[3.] см. приказ Минэкономразвития РФ от 20.07.2007 № 255 «Об утверждении федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО N 2)».

graflilija@rambler.ru

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШЕСТОГО СОЗЫВА (ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БУДУЩИМ ДЕПУТАТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

А. Ф. Жданов

Исследовательский центр публичного права (Новосибирск)

04 декабря 2011 года состоятся выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. Каждый состав нижней палаты современного российского парламента запоминался определенными нормотворческими инициативами. Не без оснований можно отметить, что избранной Государственной Думе предстоит определить вектор развития России на продолжительный период. Именно поэтому с учетом солидного багажа законодательных предложений, выработанных за более чем пятилетний период существования экспертно-аналитической организации «Исследовательский центр публичного права», сформулируем пакет законопроектов, который, как представляется, будет способствовать качественному совершенствованию российского законодательства и, в конечном счете, модернизации отечественной экономики и прогрессу во всех сферах общественных отношений.

В основе построения законодательной базы страны должна быть системная программа при условии передового понимания деталей нормативной модели.

В соответствии с пунктом «е» статьи 71 Конституции Российской Федерации предметом ведения Федерации выступает установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

В этом отношении с тем, чтобы определить вектор развития законодательства необходимо принять следующие проекты федеральных законов:

«Об установлении основ федеральной политики и федеральных программах». Федеральные программы, в том числе в сфере высоких технологий, будут обсуждаться в парламенте и приниматься на уровне законов, а не кулиарно чиновниками от исполнительной власти;

«О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (в части видов актов и правил нормотворческой техники);

«О понятиях и терминах общеправового значения в Российской Федерации». Принятие закона позволит свести к минимуму пробелы и дискрецию (усмотрение чиновника) в правоприменении. Законопроектом будет установлено, что все специальные законодательные акты должны содержать блок понятий и терминов, которые относятся к предмету правового регулирования законом.

В отдельных социально значимых отраслях законодательства необходимо принять следующие федеральные законы:

В области социального развития и построения реального социального государства:

«О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» в части установления справедливого размера минимальной оплаты труда и приведивания статуса бюджетников к чиновникам;

«О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты». Следует ввести прогрессивную шкалу НДФЛ, исключить возможность выплаты заработной платы «в конвертах» за счет необлагаемой страховыми взносами суммы заработной платы богатых, установить налог на роскошь, освободить от налога на недвижимость малообеспеченных и молодежь;

«О профсоюзной деятельности» в целях стимулирования формирования профсоюзов в каждой организации, как минимум среднего предпринимательства.

Пенсионный кодекс Российской Федерации, который предусмотрит минимальный порог пенсии в 60% от заработка до пенсии для всех, а не только для чиновников, учет нестраховых периодов при назначении пенсии (обучение, уход за ребенком), выплату пенсий депутатам и чиновникам на общих основаниях, социальные льготы для пенсионеров, включая безлимитный проезд на общественном транспорте;

«О государственной поддержке молодых семей», который установит обязанность исполнительных органов оказывать помощь на воспитание и обучение детей, строительства жилья всем российским молодым семьям, исключив «непрозрачные очереди», увеличит в десятки раз детские пособия, создаст условия для строительства необходимого количества детских садов;

«О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части усиления гарантий населения при оказании жилищно-коммунальных услуг и формиро-

вания механизма господдержки самостоятельной деятельности объединений граждан в сфере ЖКХ;

Семейный кодекс Российской Федерации (в новой редакции), который предусмотрит изменения в общественных отношениях по поводу семейной жизни, гарантировав права мужчин и женщин при любой форме совместного проживания, усилив институт договорных отношений в браке;

Медицинский кодекс Российской Федерации, который комплексно урегулирует сферу здравоохранения в стране, исключит платную медицину в государственных и муниципальных организациях здравоохранения, создаст современную систему профилактики и качественно новую интегрированную глобальную систему мониторинга самых эффективных способов лечения заболеваний. Закон установит однозначный приоритет здорового образа жизни, постепенное исключение употребления алкоголя и табака в общественных местах и несовершеннолетними.

«Об образовании» (новая редакция) без ЕГЭ, с введением единых федеральных стандартов на основе научно обоснованных экспертных исследований, максимальной поддержкой свободы преподавания и других академических свобод.

В области экономического развития:

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием тарифного регулирования». Законом Федеральная служба по тарифам будет реорганизована в федеральное министерство с большими полномочиями и возможностями по ограничению необоснованного роста цен и тарифов; будет определен прозрачный механизм ценообразования в сферах деятельности монополий, не позволяющий ежегодно увеличивать инфляцию в стране;

«О совершенствовании налогообложения в нефтегазовом секторе», который обратит сверхприбыли олигархов в доходную часть бюджетов всех уровней, прежде всего пополнив местные бюджеты;

«О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в части, с одной стороны развития корпоративного права и более упрощенного создания организаций, с другой стороны, разумного контроля государства за деятельность организаций в целях пресечения создания фирм-однодневок и неплатежеспособности организаций;

«О поддержке сельскохозяйственного производства» в части минимизации налогового бремени, содействия в реализации товаров по рыночных ценам без перекупщиков, прямая поддержка наиболее эффективных аграриев, установление государственного регулирования цен на топливо для производителей продукции.

«О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства, некоммерческих организаций», предусматрев минимальное налоговое бремя для малого бизнеса и некоммерческого сектора, упрощение бухгалтерского и

статистического учета, введение бесплатных электронных форм отношений этих субъектов с налоговыми и иными органами.

В области государственного развития:

«Об ответственности государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц за качество деятельности», который установит ясные основания, порядок, субъектов ответственности власти перед народом;

«О противодействии коррупции» (новая редакция), который исключит всякие возможности для занятия бизнесом депутатам любого уровня и чиновникам других ветвей власти, за коррупцию будет установлено жесткое наказания, в том числе и пожизненное лишение свободы. Уличенный в коррупции чиновник должен пожизненно лишаться доступа в публичную сферу;

«Об электронном взаимодействии граждан и представителей власти», учитывающий современные технологии и потребность в качественном улучшении предоставления государственных и муниципальных услуг;

«О федеральных органах исполнительной власти». Система исполнительной власти должна устанавливаться парламентом, а не указным правом президента;

«О поэтапном реформировании судебной системы и правоохранительных органов в Российской Федерации». В стране должны быть созданы современные суды и органы правопорядка, в состав которых следует привлечь наиболее подготовленных специалистов, создав им достойные условия труда. В этом контексте должна продолжаться последовательная гуманизация уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства. Любое ограничение свободы, включая доставление и задержание, должно инициироваться не органами полиции, а уполномоченными прокурорскими работниками. Судьи низовых судов должны избираться. Должны создаваться дисциплинарные суды для контроля над судьями с существенным представительством общественности в их составе. Необходимо ввести ротацию кадров в судах и органах правопорядка, производить ее один раз в два года. Предусмотреть, что судьями могут быть лица с опытом работы в равных долях в структурах защиты и обвинения.

«О комплексном развитии городских и сельских поселений», обеспечив повышенный уровень финансирования для сохранения и развития малых населенных пунктов и формирования самостоятельного и финансово обеспеченного местного самоуправления, развитие дорожной инфраструктуры и газоснабжение.

В области экологического развития:

«О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты» в части исключения точечных (уплотнительных) застроек и обязательного учета мнений граждан при обсуждении проектов строительства в жилых зонах;

«Об утилизации мусорных отходов» в целях формирования цивилизованной среды обитания особенно в городах;

«Об обеспечении доступа граждан к объектам окружающей природной среды», предусматрев серьезную ответственность за самозахват природных территорий, бичевников и др. объектов, которые в силу закона доступны всем;

«О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности пищевых продуктов», усиливающий контроль государства за качеством продуктов питания, которые реализуются в России.

В области культурного развития:

«О государственной поддержке традиционной российской культуры»;

«Об общественном совете по телерадиовещанию» в целях контроля за соблюдением законодательства о негативной для детей информации.

В области национального развития:

«О федеральной программе в области национального развития», определяющей контуры национальной политики страны, механизмы преодоления экстремизма и формирование толерантной среды в регионах России;

«О миграционной деятельности в Российской Федерации», согласно которому такую деятельность от лица государства будет осуществлять реорганизованная в федеральное министерство Федеральная миграционная служба, направленностью деятельности будет служить привлечение в страну образованных мигрантов, знающих русскую культуру;

«О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», предусматрев в качестве обязательных условий натурализации знание Конституции России, истории нашей страны и русского языка.

Эти нормотворческие предложения ориентированы на среднесрочный период. Не исключено, что в период до 2020 года следует рассмотреть перспективы корректировки Конституции Российской Федерации, которая определит вектор развития правовой системы России на долгосрочный период.

ЮРИСДИКЦИОННАЯ ФОРМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ

И. Р. Искужин

Башкирский государственный университет (Уфа)

По мнению ученых, корпоративный контроль может являться ценным активом (следует уточнить, что таким активом может выступать, исходя из предложенного нами определения, внутренний корпоративный контроль). Теоретиком был впервые предложен термин «рынок корпоративного контроля» [1. С. 112].

Контроль значительного количества или большинства акций характерен, для концентрированной системы корпоративной собственности, существующий в странах континентальной Европы и России. Указанной системе присуще то, что основная часть акционерных обществ имеет ряд крупных акци-

неров, определяющих судьбу общества, при этом воля миноритарных акционеров учитывается, если это прямо не противоречит интересам большинства[2. С. 81].

Следует отметить, что в Российской Федерации предполагается юрисдикционная защита правового положения акционера, группы акционеров, в случае, если число принадлежащих им голосующих акций позволяет оказывать влияние на процесс принятия управленческих решений, принимаемых органами корпорации, участвуя в принятии такого решения, связанных с деятельностью акционерного общества, т. е. осуществлять корпоративный контроль.

Например, в рамках Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указано, что целесообразным представляется введение для случаев проведения реорганизации с нарушением закона возможности восстановления по суду участником юридического лица утраченного корпоративного контроля. Лица, получившие выгоду от указанной ситуации, могут быть обязаны к возврату соответствующей (дополнительной) доли участия потерпевшему[3.].

В настоящий момент в судебной практике можно выделить случаи судебной защиты права участников корпорации осуществлять корпоративный контроль.

Так, Президиум ВАС РФ признал, что лиц, лишивших участников общества корпоративного контроля, недобросовестными. Действуя разумно и осмотрительно в сложившихся обстоятельствах, они не могли не знать, что приобретение ими корпоративного контроля происходит с нарушением закона и прав другого лица. Таким образом, Президиум ВАС РФ оградил интересы добросовестных лиц, которые, приобретая корпоративный контроль, не знали и не могли знать о нарушении корпоративных прав иных участников юридического лица[4.].

Полагаем, что в основе этого правового подхода лежит компромисс между защитой субъективных прав одного лица и стабильностью оборота вообще и прав приобретателей имущества в частности. Правовым средством достижения указанного компромисса может служить нормативное введение принципа добросовестности участников корпоративных отношений, реформирование понятия злоупотребления правом, в т. ч. корпоративными правами.

В настоящее время право осуществлять корпоративный контроль защищается в судах с помощью различных гражданско-правовых способов. Например, если лицо в результате недружественного захвата лишилось доли в уставном капитале общества, у него должна быть возможность «восстановить корпоративный контроль». Такое восстановление возможно путем обращения в суд с использованием следующих мер гражданско-правовой защиты, например, требовать присуждения утраченной доли заявителю [5.]; путем перевода на него прав и обязанностей участника общества [6. С. 541]; возврата доли [7. С. 541]; признания права на акции [8. С. 541]. Кроме того, при возмещении убытков пострадавшему лицу следует руководствоваться положениями ст. 15 ГК РФ. Если пострадавшим является физическое лицо, у него

также должно быть право на компенсацию морального вреда согласно ст. 151 ГК РФ. В этом случае при определении размера такой компенсации следует, в частности, учитывать степень негативных последствий от злоупотребления правом, которое привело к «потере корпоративного контроля», а также степень вины правонарушителя.

Таким образом, юрисдикционная форма гражданско-правовой защиты права участников корпораций осуществлять корпоративный контроль уже существует и находится в стадии нормативного обновления, которое связано с глубинным осмысливанием таких гражданско-правовых категорий как добровольность – принципа гражданского права и предела поведения участников правоотношений, злоупотребления субъективными гражданскими, в том числе, корпоративными правами.

Литература

1. Manne H.G. Mergers and the Market for Corporate Control. 73 Journal of Political Economy 110 (1965), at 112.
2. Степанов Д. Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хозяйство и право. – 2002. – № 5. – С. 81.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 июля 2008 г. № 3905/08 по делу № А45-7078/06-1/335 // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03 июня 2008 г. № 1176/08 // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 36 – С. 541.
6. Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 02 июня 2005 г. № КГ-А40/4380-05 // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 36. – С. 541.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 16 июня 2008 г. № А06-1762/1-17/05 // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 36. – С. 541.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 марта 2006 г. № КГ-А40/1407-06 // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 36. – С. 541.

o_nina81@mail.ru

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОЛИВЕРА ХОЛМСА В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Д. С. Кураженков

Курганский государственный университет

Отечественной юриспруденции наиболее известен спор между юридическими позитивистами и сторонниками школы естественного права (1). Одна-
212

ко гораздо менее освещен тот факт, что юридический позитивизм не единая структура и существует в нескольких, существенно различающихся друг от друга, формах. Первая из них – нормативизм, который представляет право в качестве совокупности норм, внешне выраженных в нормативно-правовых актах или прецедентах. Вторая форма – менее известная в России – социологическая юриспруденция. Последняя пытается изучать право как эмпирический объект, подразумевая под ним человеческое поведение или результаты толкования правовых норм. Зарождение социологической школы произошло в начале XX века, а одним из ее основоположников принято считать Оливера Холмса младшего.

Как указывает Холмс, мы можем найти множество текстов, которые говорят нам о том, что право – это нечто отличающееся от решений суда штата Массачусетс или Высокого Суда Лондона. Право, согласно данным теориям, представляет собой систему дедуктивных заключений из некоторых этических принципов, а решение суда может быть как верным, то есть совпадающим с правовыми нормами, так и ложным – противным существующим теориям и принципам.

Для верного понимания сущности права, как указывает автор, мы должны обратиться к миропониманию «плохого человека». Последнего, в случае совершения им противозаконного действия, совершенно не будет интересовать то, что говорят различные теории или означают некоторые принципы. Для него интересно как раз то, какое решение примет при рассмотрении его дела суд штата Массачусетс или Высокий Суд Лондона. «Предсказание того, какое решение примет суд в той или иной ситуации … является тем, что можно именовать правом» (2).

В самом широком смысле все явления можно разделить на две категории: объективные и человеческие. Изучая объективные явления, такие как процесс фотосинтеза, для ученого должно быть совершенно безразлично то, как люди относятся к изучаемому объекту. В противовес этому, человеческие феномены, такие как государство или право, всецело зависят от того, что под ними подразумевает общество (в силу того, что они именно обществом и порождены). В этом смысле судьи, как правоприменители, как субъекты, чье слово является последним в процессе создания правовых норм, должны занимать центральное место.

Вслед за Р. фон Иерингом, О.Холмс отвергает тезис о силе логики и указывает, что реальное право заключено в социальных интересах (3, 127-160). Однако, в отличие от немецкого юриста, Холмс не рассматривает процесс формирования «права на бумаге». На первый план выходит следующий этап жизни правовой нормы – этап правоприменения. Судья, как выразитель интересов определенной социальной группы, моральных норм, господствующих в обществе, а также политических взглядов присущих ему, как частному лицу, использует правовую норму в качестве суррогата, изменяет ее, создает нечто новое. Таким образом, социальные факторы, по мысли О.Холмса, выполняют двойственную функцию. С одной стороны судья подчиненный им

искажает правовую норму – «норму на бумаге», а с другой происходит формирование уже другой нормы – «нормы в жизни».

В некотором смысле мы можем говорить о том, что «юриспруденция интересов» Иеринга рассматривает право в масштабе. В центре теории цельное общество, а само право выражено в форме нормативно-правовых актов. О.Холмс использует при построении своей теории меньший - micro масштаб: борьба социальных интересов происходит внутри конкретного человека – судьи, а право – это индивидуально-правовой акт.

О.Холмс, вслед за сторонниками зарождающейся науки социологической юриспруденции, замечает важную деталь: теория на бумаге и реальная жизнь зачастую не совпадают. Однако ученый в отличие от своих предшественников идет дальше и ставит под сомнение всю теорию права, его сущность. Разрешение проблемы несоответствия теории и практики автор производит посредством теоретического обоснования неограниченных полномочий судьи. Последний оказывается свободен с юридической точки зрения, но не свободен с моральной. Лишь мораль может предписать судье повиноваться той или иной норме права.

Значимость теории для мировой мысли всегда можно оценить по тому, какое значение она имела для дальнейшего развития науки. На сегодняшний день любое законодательное нововведение рассматривается не столько с точки зрения его логической верности, сколько с точки зрения того «как оно будет работать»: уменьшится ли преступность, улучшиться ли экономическая обстановка в стране, будут ли в полной мере защищены права и свободы человека и т. д.; рассматривая спорную ситуацию своего клиента, любой грамотный юрист непременно обратится к судебной практике. Можно сказать, что социологический взгляд О.Холмса на право проник в юриспруденцию, расширил ее и стал неотъемлемой частью.

Литература

1. См. напр. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. - 2000. - №.3. - С.5-11; Воротилин Е.А. Естественное право и формирование юридического позитивизма // Государство и право. - 2008. - №9. - С.67-72; Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. – 2008. - №5. – С.9-15.
2. O.W.Holmes The Path of the Law URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения: 23.01.2011)
3. Теория Р. фон Иеринга изложена в Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум. 2010. – 528 с.

d3gth@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В УКРАИНСКОМ ПРАВЕ

О. В. Лопушанская

Университет «Украина» (Киев)

Все общественные отношения нуждаются в регулировании отдельными нормами: права, морали, обычаев. Универсальным средством регулирования, конечно, являются нормы права. Субъектом нормотворчества, как обычно, есть государство, следовательно можем констатировать, что общественные отношения должны быть урегулированы государственными предписаниями, которые призваны обеспечить порядок, дисциплину, безопасность и законность в стране.

Вопрос административно-правового регулирования общественных отношений в государстве всегда представлял для ученых значительный интерес, поскольку, кроме теоретической значимости, оно имеет еще и практическую. Значительное внимание исследованию этой правовой категории (административно-правовое регулирование) уделили такие украинские ученые Ю.П. Битяк, В.М. Горощук, Э.Ф. Демский, Е.В. Додин, В.В. Зуй, Р.А. Калюжный, Т.О. Коломоец, В.К. Колпаков, О.И. Остапенко, В.К. Шкарупа и др.

Цель статьи – на основе современной правовой доктрины определить понятие «административно-правовое регулирование» и исследовать принципы, на которых основывается категория «административно-правовое регулирование языковой политики».

Ведущий ученый О. Мельник характеризует правовое регулирование как процесс, направленный на то, чтобы с помощью «правовых способов направить развитие жизненных ситуаций в определенное русло. А исследователь в области административного права О.Ш. Чомахашвили считает, что административно-правовое регулирование представляет собой деятельность в сфере приобретения, осуществления и защиты прав органами исполнительной власти и должностными лицами.

Р. Лившиц характеризует принципы права как идеи, нормы и отношения, которые охватывают всю правовую материю и придают ей логичности, последовательности, сбалансированности, освобождают ее от конкретики и частей [1].

По нашему мнению, административно-правовое регулирование - это осуществление мер государственно-властного характера, основой которых являются нормативно-правовые предписания, направленные на обеспечение целостности, безопасности, развития и стабильности определенной системы отношений.

Общеизвестно, что принципы - это основополагающие идеи, на которых основывается и / или формируется определенное явление, система отношений.

По нашему убеждению, принципы административно-правового регулирования следует разделить на общие и специальные.

Анализ действующего законодательства и трудов украинских ученых позволяет определить общие принципы административно-правового регулирования в Украине:

- законность;
- распределение власти;
- гласность;
- эффективность деятельности органов административно-правового регулирования;
- ответственность;
- контролируемость;
- участие граждан и их объединений в административно-правовом регулировании.

По нашему убеждению, принципы административно-правового регулирования языковой политики также следует разделить на общие и специальные.

Анализ действующего законодательства и трудов украинских ученых позволяет определить общие принципы административно-правового регулирования языковой политики:

- законность;
- распределение власти;
- эффективность деятельности органов административно-правового регулирования;
- ответственность;
- контролируемость.

Что касается специальных принципов, на которых должно основываться регулирования языковой политики государства, то к таким, по нашему мнению, следует отнести:

- официальное признание и нормативное регулирования государственного языка как языка украинского народа;
- установление государственного языка языком образования, науки, официального делопроизводства, юридической техники, государственного управления, образования, науки, информации, названий, картографических обозначений, топонимов и др.;
- учета интересов национальных меньшинств при формировании Концепции государственной языковой политики;
- создание благоприятных условий национальным меньшинствам для их культурно-языкового развития;
- отнесения государственного языка к приоритетным направлениям национальной безопасности Украины;
- установление украинского языка как признака принадлежности к украинскому гражданству;

- осуществление языковой политики с учетом исторического прошлого, имеющейся языковой ситуации в стране и интересов национальных меньшинств;
- создание благоприятных условий для изучения иностранных языков;
- сохранение богатства украинского языка (диалектов, говоров).

Литература

1. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник. / Р.З. Лившиц – 2-е изд. – М.: БЕК, 2001. – 224 с.

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ: ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ, АКУТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УКРАИНЕ

О. И. Лучка

Львовский национальный университет имени Ивана Франко

Статья 6 Конвенции закрепляет право на судебное разбирательство. Начнем с того, почему мы должны считать принципы, изложенные в этой статье, необходимыми для имплементации в украинском законодательстве? Статья 2 Закона Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» от 23 февраля 2006 г. закрепляет, что решения Европейского суда по правам человека являются обязательными для выполнения Украиной.

Однако законодатель не ограничился закреплением исключительно нормы об обязательности решений Европейского суда по правам человека. В ст. 16 Закона прямо закрепляется, что суды применяют при рассмотрении дел Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и практику Европейского суда по правам человека как источник права.

Исходя из изложенного, отечественные суды обязаны в своей судебной практике использовать не только положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и решения и практику Европейского суда по правам человека. Более того, названным источникам права должно предоставляться преимущество перед нормами действующего украинского законодательства.

Мы можем выделить следующие основные элементы права на судебную защиту: право на рассмотрение дела; справедливость судебного разбирательства; публичность рассмотрения дела и вынесения решения; разумный срок рассмотрения дела; рассмотрение дела судом, установленным законом; независимость и беспристрастность суда. [1, с. 358]

Привожу краткий анализ данных элементов и состояния их реализации в Украине. Понятие права на рассмотрение дела включает в себя трехступенча-

тую систему: 1) право лица обратиться в суд, 2) право на то, что его дело будет рассмотрено 3) право на разрешение дела судом.

Необходимым условием реализации данного принципа является обеспечение доступа к правосудию, хотя в статье 6 Конвенции термин «доступ» не употребляется (Голдер VS Великобритания). [4, с. 653]

В Украине доступ к правосудию вызывает значительное беспокойство у общественности. Несмотря на его правовое закрепление в Конституции Украины (ст.55, 129), Законе Украины «О судоустройстве и статусе судей» (ст. 7-9), Гражданском процессуальном кодексе (ст. 3) и других нормативно-правовых актах. Статистика свидетельствует, что, например, во Львовской области доступностью к правосудию полностью удовлетворены лишь 53% посетителей суда. Наиболее проблемными аспектами доступа к суду опрошенные (420 респондентов) признали: отсутствие условий для надлежащей подготовки к слушанию; информационное наполнение стендов в судах; обременительная стоимость услуг адвоката; недостаточность информации о возможностях бесплатной правовой помощи; большая загруженность аппарата суда. [2, с. 16-18]

Поэтому важными являются систематическое проведение мониторингов доступности к правосудию, выработка детальных практических рекомендаций для судов и законодателей, активные действия и контроль общества за устранением недостатков.

Далее остановимся на принципе справедливости судебного разбирательства. Конвенция четко устанавливает взаимозависимость между правильностью и справедливостью судебного процесса: «правильность ≠ справедливость». Суд не вправе решить, что решение является правильным, но может решить, что рассмотрение дела справедливо. [3, с. 139].

В данном аспекте существует недоработка в украинском законодательстве - отсутствует точное объяснение понятия «справедливости судебного процесса» и четкая разница между правильностью и справедливостью судопроизводства, что вызывает недоразумения между гражданами и судом (большое количество апелляционных и кассационных жалоб, недостаточно точные и верные формулировки исковых требований) .

В отдельных решениях ЕСПЧ можно встретить позицию, что «справедливое разбирательство дела» включает в себя такие аспекты надлежащего направления правосудия, как право на доступ к правосудию, равенство сторон, состязательный характер судебного разбирательства дела, обоснованность судебного разбирательства и т.д. (Хаушильд VS Дания, Пьерсак VS Бельгия и др.).

Особого внимания заслуживает понятие публичности рассмотрения дела и вынесения решения. Данное требование направлено на защиту личности от тайного, не подконтрольного обществу отправления правосудия и способствует укреплению доверия к судебной власти. Оно распространяется на 2 последовательных направления: рассмотрение дела и вынесение судебного решения.

К сожалению, украинские суды очень редко активно работают с принципом публичности, особенно в аспекте информирования о общественно важных делах. В данной ситуации одним из наиболее эффективных путей является законодательное закрепление обязательности создания управления по связям с общественностью в судах.

Активисты третьего сектора начали работать над этим вопросом: путем проведения нескольких семинаров по всей Украине на тему «Улучшение доверия граждан к суду через управления связей с общественностью» в марте 2011 года (при поддержке программы USAID «Украина: верховенство права» совместно с Национальной школой судей и Государственной судебной администрацией Украины), где было предложено Концепцию создания и деятельности управлений по связям с общественностью [2, с.19]; создание подобных управлений в отдельных судах (для примера, во Львовском апелляционном административном суде). Следующими шагами в распространении данной практики могут стать: лоббирование внесения изменений в Закон «О судоустройстве и статусе судей» необходимости создания управлений в украинских судах, или представителя в судах всех инстанций (в зависимости от численности работников суда), проведение обучающих мероприятий для потенциальных работников управлений, привлечение специалистов по коммуникациям из общественного сектора для планирования медиа - стратегии и создание веб-страниц судов.

Далее остановлюсь на аспекте разумного срока рассмотрения дела. ЕСПЧ не определяет никаких конкретных сроков - этот вопрос решается в каждом отдельном деле с учетом всех особенностей и обстоятельств.

При определении разумного срока учитываются определенные критерии: важность дела для заявителя, сложность дела, поведение сторон (Экле VS ФРГ), количество стадий судопроизводства (Гийемен VS Франция), особенности социально-политической ситуации в государстве (Паммель VS ФРГ) . [1, с. 359-361]

Также ЕСПЧ распространяет требование о разумности сроков не только на рассмотрение дела в суде, но и на исполнение судебного решения (Будров VS РФ).

В украинском законодательстве отсутствует эффективное средство защиты человека от нарушения сроков рассмотрения дел и возможность получения компенсации, когда сроки все же нарушены, что указывает ЕСПЧ в решении по делу Трегубенко VS Украина. [4, с.654].

Закрепление в процессуальном законодательстве четких сроков рассмотрения дел и исполнения решений; включение положения о справедливой компенсации в случае нарушения сроков поможет заполнить данный пробел.

Далее обработаем рассмотрение дела судом, установленным законом. ЕСПЧ признает определенный орган судом при наличии следующих критериев: 1) способность принимать обязательные для исполнения решения (ст. 124 КУ), 2) обязательная законодательная регламентация функционирования и деятельности «суда» (ст.129 КУ), 3) наличие установленной законом функци

ции по рассмотрению юридически значимых вопросов (ст. 124 КУ) 4) гарантированность независимости от исполнительной власти и других участников дела (ст. 6, 124) [1, с. 362].

При анализе украинского законодательства можно сделать вывод, что данные критерии достаточно четко установлены и требуют, возможно, небольшой конкретизации и разъяснения. Хотя, кроме составляющих традиционной судебной системы, судами также признаются арбитражи и третейские суды, но существует недостаточное законодательное закрепление процедуры их создания и дальнейшей деятельности.

Последним элементом права на судебное разбирательство является независимость и беспристрастность суда. Независимость суда - разрешение суда рассматривать дело и принимать решения независимо от воли сторон или органов государственной власти. Важно знать то, за счет каких (или чьих) средств финансируется суд или орган, который принимает решение по делу; какая процедура назначения судей; какой срок полномочий судьи; предусмотрены на уровне законодательства гарантии независимости судов и т.д. [1, с. 363].

Рассмотрев нормативно-правовую базу Украины, мы можем увидеть четкую регламентацию принципа независимости и беспристрастности (ст. 129 Конституции Украины, Закон Украины «О независимости судебной власти», ст. 47 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей»). Но при реализации данных норм можно часто увидеть нарушения, особенно в сфере административного и уголовного (в сфере злоупотребления служебными полномочиями) судопроизводства.

Итак, в украинском законодательстве частично закреплены элементы права на судебную защиту, но они требуют значительного законотворческого совершенствования и повышения уровня реализации

Литература

- 1) Трегубов Е. Л. «Право на справедливый суд в практике Европейского суда по правам человека» / Форум права. - 2010. - № 1. - С. 358-363
- 2) «Мониторинговый отчет по результатам реализации проекта« Общественный мониторинг уровня доступности граждан в Апелляционный суд Львовской области »» РГБФ «Право и демократия», 2011. - С.16-19
- 3) Моул Н. «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое Судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии »/ Н. Моул, К. Харб, Л. Б. Алексеева. - М.: Российская академия правосудия, 2001. - С.139
- 4) Шевчук С. Судебная защита прав человека: Практика Европейского суда по правам человека в контексте западной правовой традиции / С. Шевчук. - Изд. 2-е, перераб., Доп. - К.: Реферат, 2007. - С.653-654

ЗАКОННОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП НОРМОТВОРЧЕСТВА

И. Ю. Макарчук

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Актуальность настоящего сообщения обусловлена тем, что утверждение верховенства права во всех сферах государственной и общественной жизни возможно лишь при условии последовательного воплощения принципа законности.

Законность представляет собой определенный режим общественной жизни, метод руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления нормативных правовых актов. Законность можно рассматривать как основной принцип права, определяющий многие другие его принципы и положения [5, с. 3; 7, с. 14].

Именно законность составляет фундамент нормального функционирования общества, а единство законности заключается не только в строгом и точном соблюдении нормативных правовых актов на всей территории страны и во всех сферах жизни общества, но и в их единообразном применении.

Требование строгого соблюдения и исполнения правовых норм, регламентирующих нормотворчество (здесь и далее понятие «нормотворчество» мы используем в значении разработки и принятия нормативных правовых актов), является важнейшей составляющей законности в нормотворческом процессе [6, с. 7]. Законность служит критерием для оценки поведения субъектов нормотворчества и определяет содержание и форму нормативных предписаний. Как любой правовой принцип, принцип законности представляет собой не просто основополагающую идею, а правило поведения, норму общего характера, имеющую значение требования императивного характера. В силу этого, принцип законности отражается в законодательстве [3; 4, с. 92–93] и соответственно в нормотворческом процессе.

В теории права различают законность в широком смысле, что означает требование соблюдать законы всеми субъектами права, и в узком смысле, где законность распространяется только на деятельность государственного аппарата [1, с. 105–106]. По нашему мнению, понятие законности должно распространяться не только на сферу правоприменения, но и на сферу нормотворчества.

Сегодня темпы нормотворческой деятельности как никогда высоки. Создаются сотни и тысячи новых нормативных актов, существенно меняющих характер и основные принципы правового регулирования.

В нормотворческом процессе принцип законности обеспечивает соответствие нормативных актов правовым началам, как с содержательной стороны, так и с формальной. Законность – это строгое и неуклонное соблюдение правовых законов, ее нельзя понимать формально-догматически [2, с. 9, 13]. Важность указания на содержательную сторону властных предписаний объясняется тем, что соблюдение процедуры при принятии и изменении норма-

тивных актов может и не обеспечить выражение в них права. Законность в сфере нормотворчества призвана специфическими средствами обеспечить соответствие нормативных актов основному закону; твердый порядок разработки и принятия указанных актов, который мог бы исключить принятие нормативных актов, являющихся воплощением произвольных решений [10, с. 239].

В современных условиях важным критерием законности нормативных актов является их соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права. Они являются составной частью правовой системы – таков смысл п. 4 ст. 15 Конституции РФ.

По нашему мнению, законность нормотворческого процесса должна заключаться в следующем: нормотворчество возможно только на основании и во исполнение закона; нормативный правовой акт может быть принят только уполномоченным в установленном порядке органом; по форме и содержанию нормативный правовой акт должен соответствовать объему полномочий нормотворческого органа; нормативный правовой акт обязан отвечать нормам международного права и конституции; нормотворческий процесс должен быть организован с соблюдением всех установленных процедур подготовки, принятия нормативного акта и вступления его в законную силу.

Рассмотрев выше законность как основополагающий принцип нормотворчества, мы можем прийти к выводу, что законность – это теоретическая платформа, а также требование и система реального выражения права в нормативных актах, в самом нормотворческом процессе.

Реальным результатом нормотворческого процесса, осуществленного в соответствии с принципом законности, является нормативный правовой акт, который представляет собой «адекватное и полное выражение права (права как сущности и как явления), необходимую форму выражения и действия права в социальной жизни людей» [8, с. 349; 9, с. 51–52].

Литература

1. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздан, 1961. – 271 с.
2. Гранат, Н. Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Л. Гранат. – М., 1992. – 31 с.
3. Жилин, Г. Соотношение права и закона / Г. Жилин // СПС «КонсультантПлюс».
4. Зажицкий, В. И. Правовые принципы в законодательстве РФ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 1996. – № 11.
5. Законность в Российской Федерации. – М., 1998. – 215 с.
6. Клочков, В. В. Методология изучения состояния законности / В. В. Клочков // Состояние законности в Российской Федерации. – М., 1998. – 200 с.

7. Куленко, О. И. Соотношение законности и конституционной законности / О. И. Куленко // Конституционное и муниципальное право. –2007. – № 4.
8. Нерсесянц, В. С. Право и закон / В. С. Нерсесянц. – М., 1983. – 366 с.
9. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2008. – 848 с.
10. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. – 285 с.

faler2007@yandex.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АВТОРСКОЕ ПРАВО ПРАВОМ ЧЕЛОВЕКА? *

А. Г. Матвеев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Авторско-правовым регулированием затрагиваются не только частные, но и общественные интересы – интересы культуры, просвещения, доступа к информации, поскольку наличие права на конкретное произведение означает ограничение возможностей использования последнего публикой. Наличие абсолютных субъективных авторских прав на литературные и художественные произведения у одних лиц так или иначе ограничивает право каждого человека на свободу информации. Поиск разумного баланса между авторским правом и правом на свободу информации в современных условиях глобального информационного общества требует корректного ответа на вопрос, является ли авторское право правом человека? В настоящей работе под правами человека понимаются фундаментальные, неотчуждаемые права и свободы, образующие основу правового статуса личности. Эти права закреплены как в конституциях демократических государств, так и в актах международного права, в частности во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.

Вопрос о том, является ли авторское право правом человека, можно рассматривать на двух уровнях: философско-правовом и формально юридическом.

1. Авторское право зародилось, прошло путь становления и продолжает существовать в двух основных концепциях: романо-германской и англо-американской. На характер этих концепций повлияли разные правовые учения: юснатурализм и позитивизм соответственно. В континентальной Европе авторское право обосновывалось как естественное право, которое принадлежит автору в силу самого творческого акта создания произведения и которое не зависит от произвола законодателя. Во Франции авторское право обосновывалось с помощью трудовой теории собственности Дж. Локка как самая

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 10–03–00159а.

сокровенная, неоспоримая, законная и личностная собственность. В Германии право впервые получило естественно-правовое обоснование в трудах И. Канта как неотъемлемое личное право автора. И во Франции, и в Германии авторское право не является и никогда не являлось полноценным объектом товарного оборота благодаря личным неимущественным (моральным) правам, обеспечивающим автору контроль за использованием произведения, которое здесь воспринимается как продолжение личности художника. В Англии и США, напротив, авторское право обосновывалось позитивистскими правовыми теориями. Здесь получила признание идея, что это право даруется законом и что его можно защитить при соблюдении определенных формальностей. Англо-американское авторское право – это не естественное право, а юридический инструмент, предназначенный для того, чтобы дать возможность автору вкладывать свои силы в создание произведений с целью развития культуры и широкого распространения произведений среди общества. Такое понимание авторского права закреплено в п.8 разд.8 ст.1 Конституции США, где сказано, что Конгресс вправе поощрять развитие наук и полезных искусств, обеспечивая на определенный срок авторам и изобретателям исключительное право на их произведения и открытия.

2. В международных актах о правах человека авторское право не названо в числе таких прав, однако некоторые положения этих актов связаны с авторским правом. В п.2 ст.27 Всеобщей декларации прав человека говорится, что каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. В п.1 ст.15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. установлено, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. Следует подчеркнуть, что право на защиту моральных и материальных интересов, связанных с литературными и художественными трудами, не равнозначно авторскому праву, которое является одной из самых жестких форм охраны таких интересов. Моральные интересы автора, например, до недавнего времени охранялись в странах англо-американского права не авторским правом, а более гибкими инструментами, как-то: обязательственным правом, институтами защиты от диффамации и недобросовестной конкуренции. С другой стороны, советское право обеспечивало значительно более низкий уровень защиты материальных интересов автора, чем капиталистические страны. При подписании Всеобщей декларации прав человека СССР категорически возражал против того, чтобы авторское право было названо среди этих прав.

Таким образом, юснатуралистическая трактовка авторского права, распространенная во Франции и Германии, не получила всемирного признания. Тем не менее, очень высокий уровень охраны авторских прав как субъективных частных прав обеспечивается сегодня Бернской конвенцией по охране

литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. и Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г. (ТРИПС), которое обязательно для всех членов Всемирной торговой организации. Однако бенефициарами повышающегося уровня охраны авторских прав являются не авторы, а крупные компании-обладатели авторских прав и организации по коллективному управлению этими правами. Авторы же постепенно утрачивают контроль за целостностью и атрибуцией своих произведений, обеспечиваемый неотчуждаемыми моральными правами, в отношении которых члены ВТО не имеют обязательств (ст.9 Соглашения ТРИПС).

Итак, повышение уровня охраны авторского права не связано с регламентацией и универсальным пониманием этого права как права человека. Напротив, авторское право постепенно превращается в инструмент возврата инвестиций. Следовательно, при коллизиях этого права с общепризнанными правами человека, последние имеют приоритет.

la-musica@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРАВА

К. С. Можнечев

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Нормативно-правовое регулирование инновационных отношений имеет ключевое значение в обеспечении инновационного развития экономики и общества в целом. В узком смысле под правовым регулированием понимается «воздействие норм права (системы правовых норм), других специально-юридических средств на поведение людей и на общественные отношения в целях их упорядочения и прогрессивного развития» [1]. Правовое регулирование - это целенаправленное воздействие на поведение людей и общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств. «Механизм правового регулирования - это система правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений» [2].

С точки зрения структуры механизма правового регулирования - это сложная система, имеющая свои элементы.

К элементам, составным частям механизма правового регулирования относятся:

- юридические нормы,
- нормативно-правовые акты,
- акты официального толкования,
- юридические факты,
- правоотношения,
- акты реализации права,
- правоприменительные акты,

- правосознание,
- режим законности.

Каждый из этих элементов выполняет свои регулятивные функции, воздействует на поведение людей и общественные отношения своим способом.

Источники правового регулирования инновационной деятельности могут быть классифицированы по различным основаниям: в зависимости от формы и целевой направленности, по сфере действия, юридической силе нормативных правовых актов.

Регулирование инновационной деятельности осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, Гражданским Кодексом РФ, принимаемыми в соответствии с ними законами и иными нормативными правовыми актами РФ и ее субъектов, а также международными договорами РФ, относящимися к инновационной деятельности.

Нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности включает в себя:

- охрану прав и интересов субъектов инновационной деятельности;
- охрану прав владения, пользования и распоряжением инновациями;
- защиту промышленной, интеллектуальной собственности;
- развитие договорных отношений.

Впервые нормативно-правовое закрепление термины «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная сфера», «инновационная политика», «инновационная инфраструктура» получили в Постановлении Правительства Российской Федерации «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 гг.» от 24.07.1998 года № 832. В нем было установлено, что «инновация - конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности», «инновационная деятельность - процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений...», «инновационная сфера – область деятельности производителей и потребителей инновационной продукции (работ, услуг), включающая создание и распространение инноваций», «инновационная политика – политика Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы - составная часть государственной научно-технической и промышленной политики, представляющая собой совокупность осуществляемых государством социально-экономических мер...», «инновационная инфраструктура - организация, способствующая осуществлению инновационной деятельности (инновационно-технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно- деловые центры и другие специализированные организации)».

Идея о концепции инновационного права была сформулирована Свиридовым В.А. [3] в 2001 году. Формирование этой концепции основывалось на положениях, отраженных в вышеназванном Постановлении Правительства Российской Федерации № 832. Понятие инновационного права Свиридовым

В.А. определяется как самостоятельная подотрасль гражданского права, тесно связанная с подотраслью права интеллектуальной собственности (право на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) и такими подотраслями гражданского права, как коммерческое и предпринимательское право. В свою очередь им же отмечается, что предметом инновационного права являются общественные отношения в сфере инновационной деятельности, а метод инновационного права сочетает в себе элементы императивности и диспозитивности, поскольку инновационные отношения могут возникать в сфере управления технико-экономическими процессами, в частности управления научной или научно-исследовательской деятельностью [4].

Инновационное право определяется Волынкиной М.В. [5] в качестве комплексной отрасли законодательства так как, представляя собой нормативный комплекс разноотраслевых элементов, в сферах своих специфических отношений напрямую воплощает те принципы регулирования, которые характерны базовым, фундаментальным отраслям - главным образом, гражданскому праву с его частно-правовыми методами регулирования. Публичный же аспект в виде мероприятий государственной поддержки, разрешительных и контролирующих мер рассматривается как дополняющий в правовом регулировании.

Городов О.А исследует правовые проблемы инновационной деятельности в рамках коммерческого права [6].

Иную точку зрения обосновывает в публикациях последних лет Ефимцева Т.В.[7], утверждая, что инновационное право это институт предпринимательского права, а предмет инновационного права составляют три группы общественных отношений: непосредственно инновационные отношения, иные связанные с инновационными отношения и отношения по государственному воздействию на инновационную деятельность субъектов предпринимательского права. По ее мнению, метод инновационного права характеризуется сложным сочетанием предоставления широкой свободы субъектам инновационной деятельности и обязательными предписаниями со стороны государства там, где это диктуется общественными интересами.

Таким образом, учитывая имеющиеся различия в толковании сути инновационного права отечественными учеными можно сделать вывод о том, что институт инновационной деятельности является комплексным межотраслевым правовым институтом, включающим в себя нормы права различной отраслевой принадлежности, регулирующие частные и публичные отношения. Поэтому более перспективным является выделение инновационного права в самостоятельную подотрасль гражданского права, тесно связанную с подотраслью право интеллектуальной собственности (право на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) и такими подотраслями гражданского права, как коммерческое и предпринимательское право.

Главная проблема становления инновационного права заключается в том, что до сих пор в России не принято единого законодательного акта, опреде-

ляющего понятие, виды инноваций, порядок осуществления инновационной деятельности, не определено место инновационного права в системе права.

Литература

1. Теория государства и права (учебник для вузов). Под ред. В.М. Корельского. М., изд. «НОРМА», 2000, 263 с.
2. Лазарев В.В. Теория государства и права (учебник). М., изд. «Спарт», 1998., 369 с.
3. Свиридов В.А. О концепции инновационного права // В сб.: Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. Самара.2001.
4. Свиридов В.А. Становление инновационного права // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по материалам междунар. научн.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / [редкол.: О.С. Ростова (отв. ред.) и др.]; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. – С.400-401.
5. Волынкина М.В. Правовой механизм инновационного предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 151 с.
6. Городов О.А. Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности). СПб: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008.
7. Ефимцева Т.В. Понятие инновационного права // Современные проблемы науки и образования. – 2010. – № 1 – С. 127-131.

moks86@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТОТАЛИТАРНЫХ СЕКТ

Л. О. Петренина

Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Как известно, по определению гражданское общество – это, в теории конституционного права, совокупность отношений в сфере экономики, культуры и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества, независимо, автономно от государства [1], следовательно, государство и гражданское общество могут выступать как два отдельных института противодействия общественно опасным действиям со стороны религиозных организаций, в том числе так называемых сект. Значит, что гражданское общество может противостоять противоправной, деструктивной и экстремистской деятельности религиозных организаций по средствам, например, бойкота в эко-

номической (отказ от сотрудничества, ведения экономических сделок) и культурной, культурно-воспитательной (разъяснение родителями своим детям о том, что таят в себе секты) и пропагандистской (митинги, шествия, направленные против незаконной деятельности религиозных организаций) сферах.

Государство, в свою очередь должно брать на себя официальные функции представительства общественных интересов: 1) поддержка в плане издания соответствующих законов и подзаконных актов; 2) выделение денег из государственного бюджета для разносторонней помощи гражданскому обществу (например, на антисектантскую пропаганду, на реабилитацию людей, пострадавших от деятельности деструктивных религиозных образований и т.п.); 3) применение силы принуждения в законных рамках.

По мнению В.Ю.Зорина, особая роль внейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, сепаратизма, и устранении их последствий принадлежит органам государственной власти при их активном взаимодействии с различными общественными институтами [2]. Для того, чтобы понять какова же эффективность противодействия со стороны институтов государства и гражданского общества, нужно проанализировать те методы и способы борьбы с опасными религиозными организациями, которые имеют место быть в современной России.

По мнению Игумена Петра (Еремеева) и Игоря Иванишко проблема противодействия деятельности деструктивных религиозных организаций в Российской Федерации является актуальной, так как еще несколько лет назад существование многих религиозных культа на территории России рассматривалось лишь в качестве положительного результата реализации на практике демократических принципов построения правового государства. Веротерпимость, свобода совести долгий период времени были центральными категориями государственно-правовой политики в области регулирования деятельности религиозных объединений. Однако Россия, столкнувшись с опасными последствиями данной деятельности, повторила путь развития государственно-религиозных отношений многих европейских государств [3].

С проблемой деструктивных культа западный мир столкнулся еще в 60-70-е годы. Вопрос об их деятельности неоднократно был рассмотрен в Европарламенте, а в феврале 1996 года в его постановлении отмечены следующие противоправные действия деструктивных культа: "Жестокость в обращении с людьми, сексуальные домогательства, незаконное лишение свободы, подстрекательство к насилию, торговля оружием и наркотиками, незаконная врачебная деятельность". Основываясь на резолюциях Европарламента, многие европейские государства ужесточили свое законодательство.

В 1997 году был принят Закон "О свободе совести и о религиозных объединениях". Однако под сильным натиском лобби религиозных организаций и представителей иностранных государств Закон получился почти неэффективным для успешного противодействия опасным религиозным культа. Ак-

тивно вмешивались в процесс принятия нового Закона США. Главная причина такого вмешательства состояла в том, что законопроект существенно ограничивал поле деятельности зарубежных миссионеров.

Учитывая неэффективность принятых мер, направленных на противодействие деятельности деструктивных культов, в 2005 году Президент РФ В.В. Путин дает поручение Министерству юстиции РФ разработать проект Федерального закона, который бы вносил изменения в Уголовный Кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" и ряд других НПА.

Общегородские акты протеста для современной России. Так 28 июня 2006 года жители города Красноярска участвовали в акции протеста против религиозной организации "Слово жизни", в деструктивной деятельности которой горожане убедились на примере печального опыта несовершеннолетних. Принимая во внимание, что идеи, пропагандируемые проповедником из Южной Кореи Ли Чо Соком, у жителей города Красноярска вызвали негативную реакцию, пастор покинул территорию Красноярского края, и планы массовой "евангелизации" русского города sectой "Слово жизни" были разрушены.

Следует согласиться с мнением Игумена Петра (Еремеева) и И.Иванишко, учитывающих обстановку незащищенности населения России от деятельности деструктивных культов, российской правовой элите, различным институтам гражданского общества России необходимо поддержать инициативу органов государственной власти по изменению отечественного законодательства. Положения действующих НПА порой охраняют сами религиозные организации от какого-либо вмешательства со стороны государства, чем граждан и само государство от деятельности данных организаций [4], например, в соответствии с «Методическими рекомендациями по осуществлению органами юстиции контрольных функций в отношении религиозных организаций» [5] прописывается то, что регистрирующие органы не вправе вмешиваться в деятельность религиозных организаций если она не противоречит закону и не допускается проведение проверок во время богослужений, также о предстоящей проверке надлежит уведомить руководителей религиозной организации.

Со стороны государства происходит как издание соответствующих нормативно-правовых актов (например, Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г.), так и подписание соответствующих соглашений (между главами государства и субъектов Российской Федерации РПЦ). Реализация законов происходит по средствам государственного механизма, частью которого, соответственно, являются органы юстиции, занимающиеся непосредственным правоприменением.

Литература

1. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб./ Под ред. проф. А.Я.Сухарева.- М.: ИНФРА-М, 2008. С. 150

2. Зорин В.Ю. Проблемы противодействия вызовам религиозного экстремизма в Российской Федерации.// Журнал "Право и безопасность". Март, 2004г. № 1 (10)// http://www.dpr.ru/pravo/pravo_7_3.htm
3. Игумен Петр (Еремеев), Иванишко И. Духовно-нравственная безопасность России в XXI веке. // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=23708> от 28.09.2007
4. Игумен Петр (Еремеев), Иванишко И. Духовно-нравственная безопасность России в XXI веке. // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=23708> от 28.09.2007
5. Методические рекомендации по осуществлению органами юстиции контрольных функций в отношении религиозных организаций.// Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., «Отчий дом», 2000

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

И. Р. Султанов

Башкирский государственный университет (Уфа)

Влияние международных интеграционных организаций на международные политические процессы, сегодня совершенно очевидно. Среди представителей политологов и юристов-международников, почти никто не отрицает наличие в числе международных организаций группы межгосударственных объединений, являющихся более интегрированным, более продвинутым правовым институтом. Действительно, есть небольшая группа международных организаций, которая признается более интегрированной, чем остальные. Она отличается от своей (родовой) категории, прежде всего видовыми признаками. «Интеграционная организация» – видовое понятие от международных межправительственных организаций.

К их числу нельзя отнести международные неправительственные организации. Их учредителями являются неправительственные, т.е. частные структуры, функционирующие по правилам внутреннего законодательства. Такие организации не обладают компетенцией, достаточной для того, чтобы координировать и регулировать интеграционные процессы. Интеграционные же структуры способны широко влиять на законодательство своих участников. Неправительственные же сообщества узко специализированы и как частные трансграничные структуры, не в состоянии оказывать на системы права государств сколько-нибудь заметного влияния.

Международные интеграционные объединения в юридической классификации можно было бы с полным правом именовать «международными межправительственными интеграционными организациями», вместо выделяемой многими авторами группы так называемых наднациональных организаций или организаций с наднациональными признаками. Они не вышли из рамок и принадлежат к общему родовому понятию «международных организаций».

Мы уже говорили выше, что межгосударственные интеграционные объединения и их специфические особенности в указанных областях требуют сегодня особого внимания. Международные организации вообще и как институциональная основа современных интеграционных процессов изучены недостаточно. Об этом говорят не только специалисты.

Президент РФ своими последними выступлениями дает импульс современной оценке роли международных неправительственных организаций в мировых процессах. В своём выступлении на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» 14 сентября 2009 года он по существу дал импульс к её переосмыслению, сказав, что «мировой экономический кризис опроверг довольно модные в конце прошлого века рассуждения о снижении роли национальных государств в глобальную эпоху. И ведь не транснациональные компании, не международные организации взяли на себя ответственность за судьбы миллионов людей в мире. Антикризисные программы, стабилизационные меры, социальная защита граждан осуществляются правительствами, осуществляются самими государствами и способствуют нормализации уже, в свою очередь, глобальной экономики» [1].

Каждому историческому периоду присущи свои научные темы, собственные приоритеты, меняющиеся вслед за сменой политических доминант. Скажем, в конце 1940-х гг. наиболее актуальны были проблемы государственного суверенитета; в 60-х – деколонизации и признания; в 70 – 80-х - соотношения международного и внутригосударственного права, международной пра-восубъектности. Если говорить о последних полугода-двух десятилетиях, то в юридической литературе по международному праву заметно проявилось стремление к новаторским подходам. Появляются новые термины, понятия, озвучивается масса новых внутриотраслевых принципов, предлагаются новые классификации, основанные на новом видении известных проблем и вопросов. Авторы стремятся выделить новые признаки, сформулировать ранее неизвестные критерии.

Все эти новаторские усилия и попытки следует, на наш взгляд, приветствовать. Нет ничего страшного в том, что они не всегда обоснованы, ибо бессодержательные и необъективные измышления отмирают сами собой. На плаву остаются те, которые имеют онтологическое содержание, отражают действительные социальные отношения. Без смелых концепций, гипотез и определений наука не развивается. Справедливо сказано, что «в силу динамики межгосударственного сотрудничества, нормативные акты, чтобы сохранить свою действенность, подлежат своевременному пересмотру, изменению, обновлению в соответствии с изменившимися потребностями международной жизни»[2, С.61]. А если говорить о международных организациях, то их новаторский потенциал признавал и отмечал еще профессор Г.И.Тункин – «развитие международных организаций означало развитие новых методов решения международных проблем и повышение удельного веса этих новых методов по сравнению с традиционными методами».

В то же самое время обращает на себя внимание и некоторая лёгкость, необоснованность, с которой исследователи выдвигают новые правовые и политологические характеристики. Одной из таких является, например, термин «наднациональность» или «наднациональные организации». Целый ряд российских и зарубежных авторов считает, что ряд межправительственных организаций, например ЕС, международные кредитно-финансовые организации и многие другие обладают наднациональной компетенцией. [4]. Можно сделать подобные выводы в отношении наднациональной компетенции некоторых институтов СНГ [3].

Сообщества признаются либо международной организацией особого рода (*sui generis*), либо международной организацией с наднациональными чертами [6, С.23]. Например, Й.Поллак определяет наднациональность следующим образом: «Организация является наднациональной, если она отвечает хотя бы двум из следующих критериев: наличие в организации законов прямого действия; принятие решений большинством голосов; независимые от государств-членов органы законодательной власти; независимая судебная власть» [7, S.42].

Близкие к нему определения также – «международные объединения с элементами федерализма», «интеграционные сообщества», «организации публичного международного права, имеющие некоторые конституционно-правовые элементы» и т. п. Согласимся с тем, что благодаря широкому и длительному употреблению некоторые из них стали уже привычными в употреблении. Но относительно содержания приходится констатировать их правовую неопределенность и, как следствие, серьёзные сомнения в их объективности. Действительно, эта позиция не подтверждается практикой.

Под понятием «наднациональность» некоторыми авторами понимается «предоставление межправительственной организации ее учредителями права обсуждать какие – либо вопросы, которые обычно государства считают относящимися к своей компетенции и принимать по ним решения обязательного характера без согласия заинтересованной стороны или сторон»[10, С.30]. При этом происходит медленный процесс перерастания межгосударственных отношений во внутригосударственные» [16].

Литература

1. Президент Российской Федерации. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность». 14 сентября 2009 года. Ярославль. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469>
2. Талалаев А.Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М., 1985.
3. Чиналиев В.У. Актуальные проблемы участия стран СНГ в международных экономических организациях и интеграционных группировках (на примере Кыргызской Республики). Дис.... на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 2001.

4. См. труды: Н.А.Ушаков, В.И.Маргиев, Т.Н.Нешатаева, Ю.С.Кашкин, О.А.Сафина.
5. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: 1970.
6. См. напр.: Маргиев В.И. Внутреннее право международных организаций. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань. 1999.
7. Pollak J. Slominski P. Zusammenfassung: «Das politische System der EU»/3 Aufl. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag. 2005.
8. Шумилов В.М., Международное право: учебник. М.: ТК Велби, 2007.
9. Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 2000.
10. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник для студентов юридических факультет и вузов// И.И.Лукашук; Рос. Акад. Наук, Институт государства и права, Академия Правовой университет. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клювер, 2007.
11. ICJ Reports.1980.P.103// Цит. по раб. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. Для студентов юрид. фак. и вузов// И.И.Лукашук; Рос. Акад. Наук, Ин-т государства и права, Академия Правовой университет. Изд.3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клювер, 2007.
12. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998.
13. Ушаков Н.А., Международное право: Учебник. М.: Юристъ, 2000.
14. Международное публичное право. Курс лекций. Валеев Р.М. и др. Казань, Центр инновационных технологий. 2004.
15. Астапенко В. Правовое регулирование вопросов внешней политики европейского союзы по Амстердамскому договору 1997 г.// Белорусский журнал международных отношений №1. 1998.
16. Астапенко В. Новые положения Амстердамского договора 1997 г. о более тесном сотрудничестве государств – участников ЕС// Белорусский журнал международных отношений №3. 1998.
17. Сулимский С.В. Международно-правовые проблемы развития институциональной системы Европейского Союза после Амстердамского договора. Дисс. ...канд. юрид. наук. Москва. 2003.
18. Эдди Де Смайтер. Текущее развитие права Европейского Союза: Амстердамский договор. Католический Университет Левена (Бельгия)// доступно: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/amsterd_dogovor.htm

ПРОЯВЛЕНИЕ СЛАВИЗМА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. А. Покидышева

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Сложившееся государственное устройство, модель федерализма, правотворчество в России имеет свои особенности. Принцип разделения властей,

правового государства, идеи равенства были заимствованы из Европы, но прижились абсолютно другим способом, слились с остальными уже заимствованными и прижитыми принципами.

Большое влияние на становление государственности в России оказала Византия. Византизм, как образованность, культура вошел в культуру славян и оставил неизгладимый отпечаток, который был выражен в христианстве, определенном церковном укладе, государственной идентичности. Из византизма был порожден славизм, идея общей крови и сходных языков разных славянских народов- сербов, болгар, чехов, поляков и русских. Но по сравнению с Европой Россия не стала развивать идеи византизма, они плавно осели в самых недрах русского народа, который сохранил исконные русские обычаи, соединив их с религией христианства и самодержавием. Складывалась новая модель семьи, построенная не на тесных родовых узах, а на почитании традиций и заповедей. Родовое семейное чувство заменилось родовым монархическим чувством. Не ощущив семьью, как ячейку общества, каждый был готов служить государству самостоятельно, подчиняясь устоявшейся монархии и Церкви. Эта слабосемейность, склонность к рабству, отсутствие выделенной аристократии показала индивидуальность русского народа, его славизм.

Со временем в Европе стали появляться идеи равенства и братства, конституционного республиканского устройства государства, и Россия приняла идеи запада, утратив свою уникальность и самостоятельность. Но насаженные на корни христианства, неодолимой тяги к самодержавию и подчинению, идеи равенства постепенно стали заглушаться. Примером полного упадка веры в эти идеи можно найти сегодня в российском государстве.

Если говорить о правотворчестве, то здесь проявляется влияние славизма на деятельность законодательных органов власти. Примером может служить утверждение бюджета страны, когда составлением проектов бюджета занимается исполнительная власть, а рассмотрением и утверждением - законодательная власть, которая после передает право исполнения бюджета снова исполнительной власти. При этом, на наш взгляд, необходимо сконцентрировать внимание участников правотворческой деятельности на совместной работе по общим вопросам, таким, как дети, инвалиды, пенсионеры. За это отвечают сразу несколько министерств - социальная защита, министерство образования, здравоохранения, но каждое из министерств ищет лишь свою выгоду в решении вопроса, а не стремится обеспечить благо тем, чьи вопросы решают.

Правотворчество должно быть результатом совместной работы всех органов власти. Но славизм настолько глубоко сидит в русских умах, что любая совместная деятельность не приносит результатов. Чиновничья аристократия, став одной большой семьей, не заботится о тех, кто находится в зависимости от ее решений. Как и много лет назад население страны поделено на тех, кто у власти, и тех на кого власть направлена. Появившиеся в Европе принципы свободы, равенства и братства в России так и не прижилась.

Итак, невозможно говорить о государственных процессах, не обращаясь к истокам происхождения народа, а эти истоки поведения лежат именно в Древней Руси, в принятии непосредственно византизма и его слиянии с русскими традициями. Чинопочтание, аристократия чиновников, желание подчиняться, принятие диктаторских норм доказывают особенность русского народа, его умение вбирать в себя культуры других цивилизаций, осуществлять государственную деятельность и правотворчество по их образцу, а получать нечто особенное, не свойственное той культуре, у которой заимствовано.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В РЕШЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Я. Е. Степанова

Томский государственный университет

В соответствии со ст.19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950г. (далее – Конвенция) по соглашению государственных участников Совета Европы учреждается Европейский Суд по правам человека (далее - Суд или ЕСПЧ). Компетенция Суда определяется в общем виде в ст.32 Конвенции, из которой следует, что в его ведении находятся вопросы, касающиеся, во-первых, толкования, а во-вторых, непосредственного применения положений Конвенции.

В процессе толкования конвенционных норм ЕСПЧ вырабатывает правовые позиции, на которые впоследствии опирается при рассмотрении аналогичных жалоб. При этом Суд не раз подчеркивал в своих постановлениях, что не является связанным правовыми позициями по рассмотренным ранее делам.

Цель учреждения Суда – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина на международном уровне - достигается не только благодаря приверженности ЕСПЧ общечеловеческим ценностям и принципам, положенным в основу создателями Конвенции более 60 лет назад, но также благодаря «новаторству» ЕСПЧ, внедрения в «конвенционную материю» новых идей.

Иными словами, правовые позиции ЕСПЧ не являются «застывшими» и неизменными. Ст.30 Конвенции предусматривает передачу дела, решение по которому может войти в противоречие с ранее вынесенными Судом постановлениями, на рассмотрение Большой Палаты («куступка юрисдикции в пользу Большой Палаты»). Суд может отказаться от привычного толкования нормы либо термина, если сочтет, что их прежнее содержание не отвечает уровню развития общественных отношений и не может должным образом обеспечить закрепленные в Конвенции права и свободы. Ярким примером такого «динамичного» подхода является толкование термина «бесчеловечное

и унижающее достоинство человека обращение», данное Судом в решении по делу «Янков против Болгарии» от 11 декабря 2003г., в говорится следующее: «...принудительное изменение внешности гражданина помимо его воли может вызвать у него чувство унижения. Оно сохраняется в течение определенного времени, т.к. следы его видны администрации, сокамерникам и посетителям публичных мест - в случае, если потерпевший освобождается или доставляется в публичное учреждение», следовательно, имелось нарушение ст.3 Конвенции.

Нередко позиции Суда, сформулированные в его постановлениях, затрагивают вопросы, которые регулируются правом лишь косвенно. К таким «пробельным» вопросам относятся: право женщины на аборт (решение по делу «А, Б, С против Ирландии» от 16 декабря 2010 г. называют в этой области революционным), право лица на эвтаназию (отсутствие данного права аргументируется в решении по делу «Претти против Соединенного Королевства» 29 апреля 2002 г.), сексуальной самоидентификации личности, прав сексуальных меньшинств (напр., «Алексеев против России» 21 октября 2010 г.), свободы религии (одним из последних «громких» постановлений 2011 г. стала отмена Большой Палатой решения по иску «Соиле Лаутси против Италии» 2009 г.).

Такие «реформаторские» решения редко остаются незамеченными, они способны вызвать бурную общественную реакцию, нередко – их неприятие гражданами, массовые акции протesta (напр., решение по делу «Алексеев против России» 21 октября 2010 г., «Маркин против России» 7 октября 2010 г.). В практике также известны случаи санкционированного неисполнения государством актов Суда со ссылкой на то, что это является «единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов». Речь идет о реакции ФКС Германии на решение ЕСПЧ по делу «Гёргулю против Германии», вынесенное в 2004 г. Следует отметить, однако, что впоследствии решение ЕСПЧ было исполнено Германией.

Таким образом, «конвенционное обновление» далеко не всегда проходит «безболезненно» как для ЕСПЧ в целом, так и для стран-участников Совета Европы. Перед Судом стоит крайне сложная и ответственная задача: с одной стороны, вынести беспристрастное, разумное, аргументированное решение, а также максимально полно и корректно истолковать норму, сколь разительно ни отличались бы позиции Суда от привычной практики государства. С другой стороны, ЕСПЧ надлежит неукоснительно соблюдать принципы верховенства государственного суверенитета и субсидиарности защиты ЕСПЧ.

Анализ судебной практики ЕСПЧ позволяет сделать вывод, что на настоящий момент Суд достаточно успешно использует предусмотренные Конвенцией и Протоколами механизмы воздействия на правовую систему (например, так называемые «пилотные решения») и, как следствие, общественную жизнь государств-участников Совета Европы. Правовые позиции ЕСПЧ, а также требования, зафиксированные в его решениях, безусловно

несут прогрессивную роль, если надлежащим образом и в полном объеме исполняются адресатами.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ РАБОТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРХОВНОЙ РАДЫ УКРАИНЫ)

Е. Д. Чебаненко

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
(Украина, Киев)

Универсализация процесса разработки политики в Европе и в мире, общее признание основных принципов, регламентирующих политические права, свободы и обязанности граждан в контексте участия в политической жизни государства, а также активное международное сотрудничество между государственными институтами разных стран обусловили необходимость стандартизации основных требований, которые предъявляются центральным органам государственной власти, в частности – парламенту. Масштабная работа разных парламентских ассоциаций, которая объединила экспертов по вопросам парламентаризма со всего мира, сейчас пребывает в процессе систематизации и обобщения.

Разработкой соответствующих стандартов функционирования эффективных парламентов занимался целый ряд организаций: Межпарламентский Союз, Национальный демократический институт международных отношений, Программа развития ООН и т.д. Основные наработки этих организаций были обобщены в документе Парламентской ассоциации стран Содружества, который получил название Руководящие принципы демократических парламентов. Этот документ не только непосредственно определил требования к проведению выборов, организации работы парламента и законодательного процесса, работы комитетов, партий, фракций и парламентских групп, парламентских чиновников, осуществлению контрольной функции, обеспечения прозрачности работы и этики парламентариев, но и оформил комплексное представление об эффективности законодательных органов в целом.

Стандартизация работы парламентов засвидетельствовала наличие консенсуса относительно того, каким образом законодательные органы могут функционировать эффективно в условиях разных политических и правовых систем. Основными задачами стандартизации стали: (1) содействие в проведении реформ и обновлений, в частности – в контексте обеспечения независимости законодательной ветви власти от исполнительной; (2) разработка основных принципов развития путем определения четких целей, сквозь призму которых рассматривается реформирование. Основными направлениями разработки стандартов стали:

- общее стимулирование процессов внутренних реформ;
- содействие разработке стратегических планов работы и формирования бюджетов;
- предоставление возможностей новым членам парламента обсуждать ключевые вопросы институционального развития;
- легитимация рекомендаций, которые соответствуют реальным нуждам развития законодательной власти в мире;
- стимулирование участия общественности (организаций гражданского общества) в работе парламентом в процессе принятия решений;
- содействие обеспечению эффективной гендерной политики в парламентах.

Методологические задачи Руководящих принципов демократических парламентов таковы: (1) определение лучших практик функционирования парламентов по разных направлениям, которые могли бы стать основой для стандартизации; (2) разработка рекомендаций по определению индикаторов успешности функционирования парламентов; (3) анализ способов повышения ответственности парламентов через следование требованиям стандартизованных критерииев; (4) развитие организационных способностей парламентских ассоциаций мира относительно имплементации разработанных стандартов в практику разных стран.

Показательно, что Руководящие принципы демократических парламентов сформулированы как утверждения, а не вопросы. Кроме того, их использование для практического анализа не требует жесткой категоризации – в основном, речь идет об указании на ключевые моменты (требования), системный анализ которых позволяет оценить качество и эффективность работы парламенту, а также определить направления и перспективы реформ. Критерии объединены в тематические блоки, которые определяют направления изучения законодательства и практики. Таким образом, с методологической точки зрения Руководящие принципы демократических парламентов позволяют определить перечень параметров работы законодательных органов, которые должны стать предметом анализа и закончиться объективной оценкой качества парламентской работы.

Руководящие принципы демократических парламентов были апробированы в ходе парламентских исследований в разных странах мира, поэтому изложенные в этом документе стандарты могут быть использованы как методологическая основа исследования состояния парламентаризма в странах постсоветского пространства, в частности – Украины, а также перспектив имплементации рекомендаций по проведению реформ, наработанных экспертами за последние годы.

Вопросы реформы украинского Парламента (Верховной Рады Украины) за последние годы поднимаются очень часто на разных уровнях экспертной и политической дискуссии. За это время было проведено не мало исследований, на основе которых был подготовлен широкий список рекомендаций, направленных на улучшения качества законодательной работы в Украине.

Сопоставление доступных на сегодня результатов экспертизы с предложен-
ной Руководящими принципами демократических парламентов методологией
позволило сфокусировать внимание на таких основных недостатков функци-
онирования Верховной Рады Украины:

- система выборов не позволяет обеспечить адекватное представитель-
ство интересов населения, а также нивелирует связь депутатов с избирателя-
ми;
- недостаточно четкое разделение полномочий в сфере исполнитель-
ной власти относительно выполнения функций по назначению высших
должностных лиц государства;
- недостаточный уровень внутрипартийной демократии;
- недостаточный уровень прозрачности работы Верховной Рады Укра-
ины (в частности, в части освещения работы парламентских комитетов);
- ненадлежащий уровень политico-правовой и экономической экспер-
тизы законопроектов перед их рассмотрением, а также отсутствие структур-
ного подразделения в Парламенте, ответственного за системное изучение
актуальных вопросов развития государства;
- неэффективность участия граждан в законодательном процессе;
- несовершенство механизмов контроля Правительства со стороны
Парламента;
- чрезмерная сложность порядка отстранения Президента в порядке
импичмента.

Анализ определенных недостатков украинского парламентаризма позво-
ляет сделать выводы не только касательно ненадлежащего законодательного
обеспечения работы Верховной Рады Украины, а и об отсутствии политиче-
ской мотивации внедрения необходимых изменений. Исходя из этого, для
адекватной оценки эффективности функционирования украинского Парла-
мента, необходимо дополнять правовой анализ особенностей его функциони-
рования анализом политическим, что позволяет сделать предложенная Руко-
водящими принципами демократических парламентов методология. Это поз-
воляет определить сильные и слабые стороны законодательного органа в
Украине с точки зрения ее открытости реформам.

В целом, проведенный анализ показал, что, не смотря на то, что большин-
ство критериев демократических парламентов были отражены в украин-
ском законодательстве, их реальное влияние на эффективность функциони-
рования законодательного органа часто является ограниченным. Во-первых,
это связано с недостаточной детализацией определенных предписаний в
законах и подзаконных нормативно-правовых актах; во-вторых – с продикто-
ванными политической целесообразностью практическими нарушениями
законодательных норм; в-третьих – с отсутствием действенных санкций за
нарушение соответствующих нормативных требований. Соответственно, ре-
комендации, направленные на адаптацию украинского парламентаризма кри-
териям демократических парламентов, должны включать как законодатель-

ные новеллы, так и изменение подходов к практике реализации предписаний закона.

Литература

1. Концепція змін до законодавчих актів України щодо підвищення ефективності функціонування Верховної Ради України («Біла книга» українського парламентаризму) // «Часопис ПАРЛАМЕНТ», № 1/ 2010.
2. Чебаненко О. Інформаційний супровід роботи сучасних парламентів // «Часопис ПАРЛАМЕНТ», № 3/ 2010.
3. Borgetto E., Giuliani M. (2008), ‘The Pace of the Legislative Process. A Diachronic Analysis of the Italian Legislature (1996 - 2006)’, Paper prepared for Annual conference of the Società Italiana di Scienza Politica, Pavia, 4-6 September 2008
4. Code of Good Practice in the Field of Political Parties, adopted by the Venice Commission at its 77th Plenary Session (Venice, 12-13 December 2008) and the Explanatory Report, adopted by the Venice Commission at its 78th Plenary Session (Venice, 13-14 March 2009). – п. 113;
[http://www.venice.coe.int/docs/2009/CDL-AD\(2009\)021-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/2009/CDL-AD(2009)021-e.asp)
5. Commonwealth Parliamentary Association (2003) Commonwealth (Latimer House), Principles on the Accountability of and Relationship Between the Three Branches of Government (Latimer House), Article VIII, http://www.thecommonwealth.org/shared_asp_files/uploadedfiles/%7BACC9270A-E929-4AE0-AEF9-4AAFEC68479C%7D_Latimer%20House%20Booklet%20130504.pdf
6. Harris, Ian. Promoting the Role of Parliaments. Final Report, ASGP/IPU, April 2003, <http://asia-pacific.undp.org/practices/governance/documents/promotingworkofparliament.pdf>
7. Parliament and Democracy in the 21st Century – a Guide to good Practice (IPU, 2006), <http://www.ipu.org/splz-e/sp-conf05/democracy-rpt.pdf>
8. The Lund Recommendations on the Effective Participation of National Minorities in Public Life. – п. 8 -9;
http://www.osce.org/documents/hcnm/1999/09/2929_en.pdf

ПРАВОВАЯ ФУТУРОЛОГИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

А. В. Юдкин

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ (Тула)

Правовая наука неотъемлемо связана с проблемой выявления дальнейших направлений развития системы права. Научно-правовое исследование дает возможность представить себе весь процесс жизни правовых норм и право-

вых институтов: от создания до современного состояния. Мы также можем рассмотреть роль и место предмета исследования в правовой системе, провести сравнительно-правовую работу, привлечь к правовым данным данные других наук. Следующим шагом представляется формирование представления о том, как будет выглядеть правовая норма (или их группы) в определенный момент будущего.

1. Правовая модель будущего: понятие и характеристика. Правовая модель будущего представляет собой, на наш взгляд, отражение состояния, правовых норм, или их совокупности, взятое в определенную точку времени в будущем Правовой модели будущего свойственны следующие особенности:

субъективность - определяющее влияние на формирование модели имеет творческая интуиция и субъективный подход составителя правовой модели будущего;

статичность - правовая модель будущего показывает зафиксированные состояния нормы права или их совокупностей, читателю предлагается текст правовой нормы или их совокупностей, словно он получен из будущего;

системность - правовая модель определяет не только само содержание нормы (совокупности норм), но и ее место в системе права и системе законодательства;

2. Правовая модель будущего: результат прогнозирования или футурологии? В отечественной правовой науке уже проводились многие исследования по вопросу прогнозирования (Ю.А. Тихомиров и др.), были выделены основные характеристики юридического прогнозирования, юридических прогнозов как его результатов, требований к самому процессу прогнозирования и т.д. Однако некоторые аспекты прогнозирования мешают исследователю представить модель правовой нормы в предполагаемом виде. На наш взгляд, стоит упомянуть о некоторой схожести проблем правового прогнозирования и правового планирования. Если прогнозирование находится в смежной сфере с нашей проблематикой, то планирование – это элемент правового регулирования, в частности, и юридической деятельности в целом. Это не позволяет соотнести правовую футурологию и правовое планирование как смежные явления.

Юридическое прогнозирование в данном случае предъявляет излишние требования, по научности прогноза. В результате этого, исследователь оказывается запертым в рамках предмета исследования и жесткой методологии, не позволяющей сделать отступления от установленных исследовательских правил. Это, как правило, приводит к формированию «концептуальных моделей», «тенденций развития», «перспектив развития» и многих других абстрактных форм представления правовых норм или их совокупностей в будущем. Получившиеся в результате аморфные тексты не позволяют не только представить правовой нормы, но переводят читателя таких «тенденций, концепций и перспектив» к обсуждению факторов влияющих на нормы, вместо того чтобы получить-таки какой-то результат.

Юридический прогноз имеет вариативный характер. В результате прогнозирования выдается несколько моделей развития. Начиная с того, что модели самих правовых норм не строится, прогноз учитывает факторы, влияющие на предмет исследования. В зависимости от характеристики факторов получается несколько подпрогнозов. Осторожный исследователь всегда сделает примечание, что могут возникнуть новые или же измениться уже указанные факторы. И мы получаем зрелице, как из одного подпрогноза выделяются еще два, три, и так далее в бесконечной рекурсии.

Этих двух тяжелейших проблем - жесткой научности и вариативности - лишен метод, именуемый юридической футурологией. К сожалению, базирующаяся на германской «юриспруденции понятий» наша юриспруденция не сталкивалась с таким понятием. Однако в зарубежной доктрине понятие «правовая футурология» употребляется давно (D. Funk, R. Susskind, R. Widdison и др.). Это, на наш взгляд, серьезная методологическая проблема, доставшаяся в наследство от кризиса правоведения 90-х гг. ХХ в.

Футурологический подход позволяет исследователю выбрать лишь один важнейший фактор, определяющий развитие предмета исследования. В результате мы получаем модель правовой нормы, которая может быть измерена в формате «да/нет». Таким образом, вместо рекурсии мы получаем абсолютно измеряемый результат, который не придется отыскивать среди аморфных и многочисленных «тенденций, перспектив и концепций» изменения правовых норм и их совокупностей. Дополнительным достоинством юридической футурологии является предоставление готового текста нормы, пусть и основанного на субъективном чувстве исследователя, но уже готового к использованию.

3. Правовая модель будущего: структура и содержание. Довольно сложно определить единую схему футурологического правового исследования, однако некоторые черты просматриваются уже сейчас.

В структуре правовой модели будущего можно выделить следующие важнейшие элементы, а также кратко описать их содержание:

предмет - правовая норма или их совокупность в том виде, в каком они есть на сегодняшний день. Если таких норм нет, то предмет заменяется на описание необходимости принятия данных норм.

фактор развития - фактор, являющийся постоянной доминантой в изменении исследуемых норм;

точка времени - дата, в которую предполагается существование выработанной в результате футурологического исследования нормы, а также обоснование выбора таковой даты;

образ нормы - концептуальные представления об общем характере правовой нормы в точку времени;

модель норм - полный текст правовых норм, каким он должен быть в точку времени, согласно представлению исследователя.

В результате мы получаем законченное измеряемое предположение о существовании правовых норм в определенную точку времени в будущем.

4. Юридическая футурология как разновидность юридической деятельности. Футурологическое исследование представляет собой определенную деятельность исследовательского характера, обладающую следующими основными признаками:

- экспертная деятельность – составление правовой модели будущего может быть результативным только при наличии у исследователя глубоких знаний о развитии и современном состоянии моделируемой сферы;
- творческая деятельность – результат, помимо прочего, определяется личным видением автора, что позволяет преодолеть ряд сугубо научных, но, нередко, излишне формальных барьеров в исследовании;
- системологическая деятельность – в рамках построения правовой модели будущего автором проводится попытка установить системные взаимосвязи между различными факторами развития правовых норм.

На наш взгляд, юридическая футурология, особенно в период правовых реформ, необходима, как минимум, в качестве метода исследования, сопровождающего процессы реформирования. Помимо того, юридическая футурология вместе с юридическим прогнозированием позволят юридической науке формировать полный цикл исследований - возникновения, развития, современного и будущего состояния правовых явлений.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы IX Региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 01.11.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 15,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 277

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.